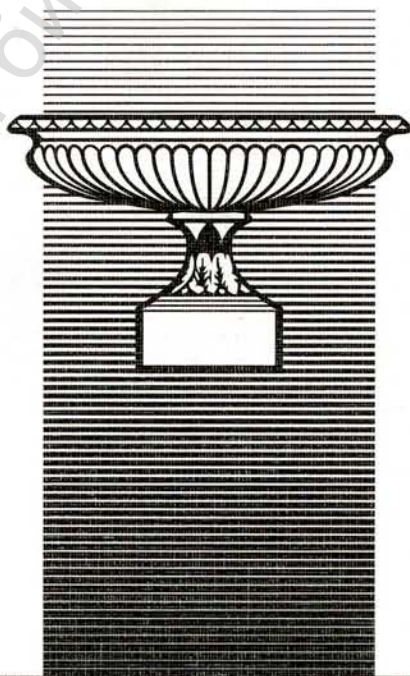

АЛТАЙ

4/2012

Чистый четверг

Издается с 1947 г.

А

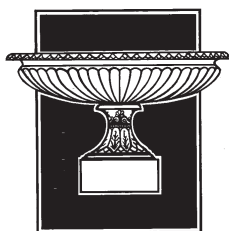
Л

Т

А

И

ИЮЛЬ

АВГУСТ

4/2012

*Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал*

Главный редактор -
Станислав ВТОРУШИН

Редакционная коллегия:

Елена БЕЗРУКОВА

Юрий ВИСЛОГУЗОВ

Ольга ГРИШКО -
редактор отдела прозы

Анатолий КИРИЛИН

Евгения КЛИНК -
редактор отдела поэзии

Юрий КОЗЛОВ

Иван МОРДОВИН

Юлия НИФОНТОВА

Александр РОДИОНОВ

Константин ФИЛАТОВ -
редактор отдела
публицистики

Владимир ШНАЙДЕР

Оформление
Александра
КАЛЬМУЦКОГО

Технический редактор
Галина ЗАРКОВА

Компьютерный набор
и верстка
Наталья АЛЕКСЕЕВА

Учредитель:

Краевое автономное учреждение
«Алтайский дом литераторов»

Адрес редакции и издателя:
656043, г. Барнаул,
ул. Короленко, 105
Тел. 65-82-43
E-mail: juraltai@rambler.ru
© «Алтай», № 4-2012

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Николай ГАЙДУК. Звезда героя. Роман	3
Мария РАЙНЕР. Птица. Рассказ	79
Андрей РОМАНОВ. Рассказы (Маленькая трагедия. Справедливости ради)	86
Сергей КУЗИЧКИН. Новеллы (Три имени любви. В день твоего рождения).....	93
Виктор БЫЧКОВ. «Тонь-Тонь!». Рассказ.....	102
Любовь НАУМОВА. Искорки.....	119

Поэзия

Леонид МЕРЗЛИКИН. Армейская тетрадь. Стихи.....	76
Из поэтической тетради (Настя КАЛИНИНА. Е. ЯРО- ШЕНКО. Т. ЧАЩИЛОВА. Ю. ВОЛОВИКОВА. Л. КАЗАНЖИ. Е. ТКАЛИЧ. В. ПОЛЯКОВА. С. РУБА- НОВА. Е. РЯБОВА. Е. ЕРМАКОВ. В. КРЮКОВА). Стихи	106
Галина ШВЕЦ-НЕКРАСОВА. Теплый свет. Стихи.....	115

Литературный дебют

Марина СНЕГОВА Рассказы (Свет Любкиного детства. Синие варежки)	111
--	-----

Очерк. Публицистика

Станислав ВТОРУШИН. До кровинки здешний чело- век.....	125
Анатолий КИРИЛИН. Мой брошенный дом.....	134
Василий КАЗАНЦЕВ. От первых коммун до новой де- ревни.....	150
Галина УЛЬЯНОВА. «Есть в России умные люди!»	160
Вячеслав ВОЗЧИКОВ. Роберт Рождественский - Орфей Великой эпохи	170

Наш вернисаж

Людмила ЛИХАЦКАЯ. Алтай в лицах.....	173
--------------------------------------	-----

В мире интересного	176
---------------------------------	-----

Подписано к печати 05.07.2012 г. Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 15,17. Печать офсетная. Тираж 1600 экз. Заказ 3487. Цена в розницу договорная.

ОАО «ИПП «Алтай». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ТУ22-0339 от 31 мая 2012 г., выданное Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Николай ГАЙДУК

Николай Гайдук родился на Алтае в 1953 году. Окончил Алтайский государственный институт культуры и Высшие литературные курсы в Москве.

Автор книг «Калинушка-калина», «С любовью и нежностью», «Волхитка», «Лирика», «Святая грусть», «Царь-Север» и других, издававшихся в России и за рубежом.

Постоянный автор журнала «Алтай». Живет в Дивногорске.

ЗВЕЗДА ГЕРОЯ*

Р о м а н

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

1

Домой он пришел в потемках, но свет почему-то включить не решился, и потому не увидел на столе записку, оставленную сыном, часа два как уехавшим отсюда.

Сутулясь и пряча окурки в рукав, Степан Солдатеич посидел во мраке - будто в окопе сидел, опасаясь «ангела смерти», как называли снайпера на фронте.

А потом он встряхнулся.

- Мать моя, Родина! - возбужденно заговорил, поднимаясь. - А чего я тут сижу, как старый крот, впотьмах? Надо устроить праздник на нашей улице! Пир на весь мир по поводу Победы и звезды героя! А что? Имеем право!

Стародубцев затопил баню - с дороги надо было сполоснуться, тем более, что весь он почти насквозь пропах свежим дымом пожара, с которыми пришлось повоевать, в результате чего одежда прогорела в двух или трех местах.

Покуда баня накалялась на краю огорода, Степан Солдатеич, прихватив небольшой фонарик, слезил в погреб - хорошо обустроенный, камнем отделанный «бункер», находящийся под домом.

Соленья вытащил, варенья, какие-то банки, похожие на противопехотные мины, прохладные бутылки с водкой - стеклянные гранаты, способные взрывать людские души и сердца.

Входя в азарт, он собрал три стола по разным комнатам - соединил воедино. Крахмальную скатерку достал, ни разу еще не использованную с тех пор, как жена перед смертью постирала ее и погладила.

* *Продолжение.* Начало в № 2-3 за 2012 г.

Стол потихоньку, полегоньку нагружался яствами, и на душе у старого солдата с каждой минутой веселело. Свет он по-прежнему в избе не включал - за окошком луна разгоралась, выплывая из плотных предгрозовых облаков. Да так разгоралась лампада небесная - никакого электричества не надо.

Глаза уже привыкли к пустому полумраку, подсеребренному высоким, горным светом, и Стародубцев вскоре стал различать не только то, что было в доме, но и то, чего не было.

2

Вдруг он увидел покойницу Долю - в скромном платье с голубыми незабудками, в белом платке, подвязанном у подбородка, Доля вышла из кухни и встала напротив стола. Потеребила кончик туго заплетенной своей косы и вздохнула, весело играя синими глазами.

- Господи! Ну, кто же так скатерку стелет, Степочка?

- А чего? Нормально.

- Да где же нормально? - Жена засмеялась. - Ты же на левую сторону...

Слегка смутившись, Степан Солдатеич махнул рукой.

- А я откуда знаю, где у нее лево, а где право... Где сено, а где солома. У меня только два класса, Долюшка, и всего лишь один «колидор».

Посмеиваясь, покойная жена перестелила скатерть, а Стародубцев тем временем откуда-то из-за печки достал трофейный патефон с потертыми буквами *Elektrola*, несколько раз со скрипом покрутил блестящую ручку - и в тишине зазвучал проникновенный, самобытный голос Клавдии Шульженко, голос, который невозможно спутать ни с каким другим:

Синенький, скромный платочек

Падал с опущенных плеч.

Ты провожала и обещала

Синий платочек сберечь.

И пусть со мной

Нет сегодня любимой, родной,

Знаю, с любовью

Ты к изголовью

Прячешь платок голубой.

Степан Солдатеич хотел обнять свою ненаглядную Долюшку, потанцевать собрался под эту песню, как бывало, в молодости, но жена вдруг отстранилась от него.

- Степочка! - испуганно сказала она, округляя глаза. - Что это? Кровь?

- Где?

- На руках у тебя.

- А-а! - Он смутился, доставая грязный носовой платок. - Да это так... ерунда... Из автомата стреляли.

- В тебя?

- Стреляли в меня, а попали в него.

- В кого?

- Да какая разница? На войне - как на войне. Ты что, забыла?

- Степа! Окстись! Ты о чем говоришь? Война, слава богу, закончилась уже сто лет назад...

- Нет, голубушка, нет! - пробормотал он, пытаясь оттереть сухую кровь, киноварью прилипшую к жилистым сильным рукам. - Ну, чего ты испугалась? Доля, Долюшка! Давай станцуй!

- Да он сломался у тебя.
- Кто?
- Патефон.

Немецкая трофейная Elektrola змеєю зашипела в тишине, захрипела и стихла - ржавая пружина ослабела. И в тот же миг весенний гром, будто из пушки, громыхнул где-то за рекой, за темным бором. Молочно-синеватый свет ослепительной молнии широко расплескался под окнами - странные тени запрыгнули в комнату, крестовина оконной рамы на стене на мгновение отпечаталась громадным крестом. А вслед за этим в горницу влетела темнота, и все пропало - и жена, и патефон, и столы из комнаты куда-то улетучились.

И до того неожиданно все это произошло - Стародубцев чуть не сел мимо лавки, возле которой стоял.

- Фу ты, мать моя, Родина! - прошептал он, тревожно глядя по сторонам. - Надо в баньку сходить да ложиться, а то уже мерещится, бог знает что...

3

На дворе было тепло, на небе тучи сгрудились - луну за рекой все плотней зажимало черно-фиолетовым. Лунный свет временами прорывался еще, но уже почти не освещал огромную Валдайскую возвышенность на юго-востоке и Тихвинскую гряду, уходящую на северо-восток.

От огорода, от поля за домом пахло весенней землей, готовой колоситься, рожать хлеба. И в то же время - слабо, но все-таки явственно - потягивало дымом дальнего пожарища; весенние палы продолжали шататься по сухим луговинам, по степям, по лесам.

Он занавесил окошко в предбаннике и посидел в темноте.

«Каждый год одно и то же! - включая свет, подумал. - Неужели же порядок нельзя навести? Такие леса выгорают, что просто ужас! Ну, ладно, если молния - тут вопросов нет. Стихия. А то ведь сколько горя от наших дундуков. Кто окуроч бросит, а кто и специально траву запалит - ручонки чешутся».

Неяркая лампочка осветила на стенах предбанника три старых плаката, покоробленные от влаги. На одном из них был нарисован солдат, схвативший овцу за шкуру и «вытряхнувший» из нее матерого волка-фашиста. «Враг хитер - будь начеку!» - вспомнил Стародубцев крупную надпись, которую уже почти не видно на старом плакате. И на втором плакате надпись почти истлела от времени и влаги. Зато на третьем надпись была отчетливой: «Мы победили! Слава нашему великому народу, народу-победителю!»

Поплевав на руку с киноварью засохшей крови, Степан Солдатеич перекрестился на этот старый, кое-где облупившийся иконостас. Зябко пожегился, покрываясь «гусиной кожей» и, передернув плечами, сутуло шагнул в такую просторную баню, какую вряд ли мог бы построить другой деревенский мужик - непрактично это, не по-хозяйски, дров черт знает сколько надо извести, пока натопишь такую прорву. Все это так, все правильно, только что же делать, если есть болезнь такая - клаустрофобия. С нею, с проклятой, волей-неволей надо считаться. Вот и пришлось построить «для целого колхоза», как шутил когда-то сам Степан Солдатеич, когда начал планировать баню.

Дров он обычно не жалел, кочегарил по полной программе. Но сегодня то ли притомился, то ли что еще - не было в нем куража, огонек во взоре не светился. Сегодня он так себе - «почесался» веником и бросил. Понуро

посидел на верхотуре, погрелся, равнодушно глядя на свои худые телеса, там и тут изорванные в молодости в боях, кое-как заштопанные при свете керосиновой лампы, при гулких разрывах над крышами военно-полевых госпиталей. Какие-то раны еще давали знать о себе, а какие-то уже совсем «завяли», забылись за давностью лет. Среди множества отметин той великой войны - одна отметина была весьма и весьма необычная.

В левой груди - там, где сердце должно помещаться - поместилась большая дыра, еще в сорок первом году зашитая какой-то специальной металлической пластиной. «Стародубцев! - изумленно сказал тогда хирург. - Повезло тебе, что сердце справа! Уникальный случай! А то бы хана тебе, парень!» Страшно бледный после операции, он улыбался через силу и шептал: «Наше дело правое! Мы победим!»

4

Закончив мытье, он посидел в предбаннике, внимательно разглядывая руки, точно проверяя: хорошо ли кровь отмылась? Кровь отмылась хорошо - руки были чистые, только под ногтями синели полумесяцы мазута, давно уже ввевшегося.

Покряхтывая от блаженной усталости, он переоделся в чистое белье, вернулся в дом и остановился около портрета покойницы Доли - посмотрел в ее печальные глаза.

- С легким паром, Ванечка! - услышал он грудной, приятный голос.

- Ой, спасибо, Долюшка! - устало отозвался Стародубцев. - Никудышный парильщик из меня. Махнул три раза веником и спекся.

- Дак не молодой уже, - укоризненно сказала Доля. - Хватит хорохориться, петухом порхать.

Утомленно улыбаясь, Степан Солдатеви́ч посмотрел за окно - как будто в далекую молодость.

- А то ли дело раньше! - Он вздохнул, качая головой. - Целый взвод мог перепарить, веришь, нет? Все по щелям, как тараканы, разбегались. Ей-богу. Взводный, помню, упрямый хохол, давай со мной с дуру тягаться. Да не просто так - ему, хохлу, с любой овцы хоть шерсти клочок или сала шматок. Ну, вот он и поспорил со мной на сапоги. У меня, я помню, скороходы были крепкие такие - век не износятся. А у него - хромочи. Офицерские.

Стародубцев помолчал, доставая курево. Почесал правое ухо, шрапнелью посеченное в бою.

- Ну, и чем дело кончилось? - спросила жена.

- Дак, понятно, чем. - Он поднялся. - Взводный мой из бани босиком по снегу побежал. Ей-богу. Ну, пойду, маленько подымлю, а то ведь снова заругаешь, если тут начну...

Выйдя из дому, Стародубцев покурил на крыльце, ощущая, как сердце с правой стороны заполошно колотится - как будто к левой стороне перебраться хочет.

Луна разгоралась, черемуховым цветом застилая все подворье, крышу сарая и соседние амбары, стоящие возле реки. И в этом призрачном свете он увидел фигуру покойницы Доли - вышла из сарая и направилась к нему, не касаясь ногами земли, - пушинкой плыла по двору. Остановившись, Доля поставила перед крыльцом полное ведерко молока - свежий, серебрящийся удой. (Долюшка знала, что он большой любитель свежего парного молочка).

Какое-то время они сидели на теплом крыльце, говорили «за жисть». Потом помолчали, как могут молчать только люди, много лет прожившие бок

о бок - это было золото молчания и золото несказанной любви. Хорошо им было рядом, умиротворенно.

Стародубцев забылся и даже как будто заснул, только заснул с открытыми глазами. А когда он вздрогнул и очнулся - покойной Доли не было рядом на крыльце. И не было перед крыльцом полного ведерка парного молока - Долюшка взяла его с собой и широко и высоко разлила по небесам над крышей родного дома. Он сразу это понял, когда глянул вверх - Млечный Путь серебрился над тихим селом, затекая за крайние избы, за черный чердак Стародубцева.

«Ушла? - с сожалением подумал он, вставая. - Ну, ладно, Долюшка, и я пойду, хотя мне там теперь одному неуютно».

Пустые прохладные комнаты, в которых уже ощущалось отсутствие женской руки, в последнее время смущали его какой-то «натянутой» тишиной, похожей на звенящую струну, готовую порваться.

Как будто проверяя что-то в доме - все ли тут на месте и нет ли там кого? - Степан Солдатеич походил по комнатам, залитым «небесным молоком», стараясь почему-то не наступать на те половицы, которые могли бы предательски скрипеть.

Домина был огромный - для ребятишек строил (и для своей проклятой клаустрофобии).

«А где же наш Николик?» - подумал Степан Солдатеич, стоя рядом со столом, на котором лежала записка Николика - капитана Чирихина.

Тяжело вздыхая, Стародубцев забрался под одеяло цвета солдатского сукна. Потянулся, блаженно зевая. Была у него мысль, была надежда на то, что он заснет без задних ног - после Москвы, после вагонной колготы, после большого и трудного марш-броска по здешним полям и перелескам, после бани.

Но поспать ему, увы, не удалось.

5

Война по ночам по-пластунски приползала к нему, а потом вставала в полный рост - взрывала мирный сон и взвизывала дыбом остатки серебристых волос на голове, продырявленной полвека назад в том сражении, где он отличился геройством и награжден был «Золотой Звездой». Из этих кошмарных «боев» его постоянно выводила жена - медсестра. Но жена скончалась позапрошлой осенью, и Стародубцеву теперь худо приходилось - затяжные «бои» изматывали. Частенько снились «Викинги» - немецкая дивизия СС. Мотобригада «Валония». Снилось тридцатьчетверка, за рычагами которой сидел Стародубцев. Многотонный танк со страшной легкостью проплывал как будто по жидкой красной глине - по живому человеческому мясу, из которого только что состояли «Викинги», «Валония» и всякая другая сволота в эсэсовских мундирах, там и сям украшенных Рыцарским крестом с золотыми дубовыми листьями, с мечами и бриллиантами, брызжащими в грязь.

Эти кошмары в последнее время до того довели Стародубцева, что даже спать ложился неохотно - опять проснется в ледяном «крупнокалиберном» поту.

Именно так и случилось. Только-только он провалился в пучину желанного сна, и вот на тебе...

С чугунной головой поднявшись после «боя», Степан Солдатеич постоял возле раскрытого окна, глядя на звездное небо и стараясь за простой оконной рамой увидеть контуры немецкой «рамы» - так на фронте называли «фокке-вульф», самолет с бронированным брюхом, который невозможно было снизу подстрелить. Частенько с этой «рамы» летчики сбрасывали пустую проды-

рявленную бочку - поднимался жуткий вой, выматывающий душу. А вслед за «рамой», как правило, немецкие самолеты появлялись кучей.

Ночной весенний ветер за окном посвистывал, а Стародубцев слышал завывание пустой продырявленной бочки, сброшенной с самолета.

Обеими руками зажимая уши, он походил по горнице. Остановился возле старого комода, еще довоенного. Давно уж надо было выбросить комод, да только жалко - напоминал о молодости и потому казался дороже всяких модных и фигурных отлакированных «дров», в переизбытке стоящих по мебельным магазинам.

Ветер за окошком стих - звук продырявленной бочки пропал, но зато пришла беда другая, уже почти реальная: за окошком выстрелы слышались - где-то в пойме здешние охотники стреляли уток.

Степан Солдатеич насторожился. Была еще надежда на то, что это слуховая галлюцинация, но через минуту выстрел повторился, и теперь уже как будто ближе - под речным обрывом.

«Мать моя, Родина! - подумал он, остановившись возле комода. - Неужели «викинги»? Выследили, значит?»

Руки стали дрожать от волнения. Стародубцев достал из комода гимнастерку образца 1943 года - застиранную, заглаженную. Надел. Стоячий ворот застегнул на две блестящих пуговицы.

За окошком опять раскатились выстрелы - дуплетом.

«Викинги!» - теперь уже уверенно подумал Стародубцев, натягивая старый стоптанный сапог. - Сейчас я вас обую!»

Плохо гнущимися пальцами он достал коробку - на ладони сверкнуло пятконечное золото.

Нацепив награду на грудь, Стародубцев на минуту задержался возле портрета жены - отдал ей честь и твердо вышел в сени, где предрассветный сумрак уже разлился прохладной синькой, почему-то пахнувшей как дымный порох.

На стене висела карта бывшего Советского Союза.

Стародубцев снял зачем-то карту, аккуратно сложил ее, сунул за пазуху и по деревянной скрипучей лестнице - прямо из сеней - пошел вверх.

6

Глухая чердачная темень пробудила в нем звериные инстинкты. Обострившимся нюхом он почуял отсыревшие тесины вверху, а под сапогами заволновалась сухая прогорклая пыль. Воробей завозился в углу или пискнула мышь - звук царапнул по нервам, как звук пролетающей пули, заставляя вздрогнуть. Неловким движением он опрокинул какую-то железную коробку - наделал шуму.

Летучая мышь сорвалась сверху - распахнутые крылья теплым воздухом ударили в лицо. Бесшумно пролетев по чердаку и с помощью своих локаторов умудрившись ни за что не зацепиться, летучая мышь пропала в проеме слухового окна. Это была «гигантская вечерница», старая знакомая. «Гигантские вечерницы» - их тут было то две, а то четыре - давно поселились на чердаке. Сначала Стародубцев брезговал такими постояльцами, похожими на чертей и вампиров, да к тому же были и неудобства от них - пачкали пометом все, что ни попадя. Стародубцев хотел их прогнать с чердака - решеткой забрать слуховое окно. А потом откуда-то узнал он, что в Америке во время Гражданской войны «добро» летучей мыши - как это не смешно - служило одной из составных частей при изготовлении пороха. «Ну, тогда

ладно, - с грустным юмором подумал Стародубцев, по-новому глядя на этих загадочных тварей. - Значит, есть у вас порох в пороховницах? Ну, живите куда. Может, еще пригодитесь. Когда мои боеприпасы будут на исходе, я из вашего дерьма буду делать порох!»

Так он шутил когда-то, но теперь было ему не до шуток.

Лампочка, прикрепленная под крепким треугольным сводом, озарила очень серьезную картину: весь чердак был набит оружием времен Великой Отечественной. Причем оружие тут не пылилось, не ржавело в бездействии. Бессонными ночами к нему прикасались заботливые руки фронтовика. Хорошую смазку и мужицкую ласку тут получали станковые и ручные пулеметы, карабины, револьверы. Здесь были ящики со старыми, изъеденными ржавчиной патронами, гранатами. На полках и полочках виднелись ремни, масленки, чехлы, сумки для коробок с лентами.

Он постоял возле раскрытого чердачного окна, подышал свежим воздухом, таящим в себе ароматы зацветающих полей, лугов и печальную, полынную горелинку - дымом тянуло из темноты.

«Горит, горит село родное, горит вся Родина моя!»

Закрыв глаза и плотно стиснув зубы, Стародубцев - по многолетней привычке - за несколько секунд разобрал ручной пулемет Дегтярева. Под грубыми пальцами зазвякали основные части и механизмы: ствол со ствольной коробкой и прицельным приспособлением; затворная рама с газовым поршнем; затвор и все остальное, знакомое до боли - в буквальном смысле слова.

Разборка и сборка оружия удивительным образом успокаивали Стародубцева. С облегчением вздыхая и чему-то грустно улыбаясь, он подумал: «Какие, к черту, «викинги»? Когда все это было? Да и было ли? Как будто страшный сон смотрел в далекой молодости...»

И тут случилось непоправимое - то, что подломило психику.

Реактивный лайнер где-то в глубине предутреннего неба перешел звуковой барьер - над чердаком раздался характерный хлопок, заставивший фронтовика содрогнуться всем телом. Летучая мышь заметалась где-то под стропилами, зацепила провод, на котором висела лампочка - свет на чердаке погас, но самым страшным образом стал «разгораться» реактивный рев над крышей. Неоднократно побывавший под бомбежками немецких самолетов, Степан Солдатеич побледнел и замер - как будто из мрамора высеченный. Потом он тихо, но свирепо матюгнул фашистов и, как можно скорее, собрал пулемет, зарядил.

И опять под берегом раскололся выстрел охотников за утками.

«Ну, все! - затравленно подумал он. - Мать моя, Родина! И сверху накрыли, и с тылу обходят!»

Глаза его вдруг сделались какими-то жутковато-темными, бездонными - так бывало перед рукопашной.

Коротким движением - взмахом правой руки - Степан Солдатеич вырубил чердачный свет и несколько мгновений постоял в голубоватой темноте, в тишине, слыша свое хриплое дыхание. Сердце в правом боку билось больно, сильно.

Он закрыл за собой металлический люк, напоминающий люк танка «Т-34» и с каким-то весело-отчаянным и горько-радостным чувством вдруг подумал о том, что возврата уже с этой крыши на землю не будет - дальше он пойдет небесными путями.

- Эх, мать моя, Родина! - зарычал он сквозь зубы и рывком развернул пулемет.

Холодный ствол ударил по стеклу - осколки на землю посыпались.

Стародубцев выглянул в чердачное окно и заметил край солнца, встающего над макушками дальнего бора. А в тумане на лугах ему почудился угловатый силуэт «фердинанда», рядом с которым приземлился «фокке-вульф». И очень явственно вдруг он почувствовал дым от весенних палов, разгулявшихся где-то на том берегу. И вся эта печальная картина в воспаленном мозгу фронтовика неожиданным образом превратилась в картину апокалипсиса, где пылали русские деревни, села и города, захваченные врагами.

И через несколько мгновений тишину весенней предутренней земли распорола пулеметная очередь!..

Округа откликнулась эхом, собачьим лаем. Золотогрудые овсянки посыпались с амбаров и сараюшек - беспокойно заметались по дворам, перелетая с дерева на дерево. Люди в соседних домах всполошились - занавеска взметнулась на одном окошке, на другом. За огородами замычали коровы. Черная стая ворон закружилась над речною поймой.

Рокочущая глотка пулемета неожиданно вселила в Стародубцева какое-то дикое веселье. Глядя на пустые гильзы, со звоном отлетевшие в пыль под сапогами, Степан Солдатеевич хрипло хохотнул и опять надавил на гашетку, и затрясся вместе с пулеметом, яростно оскаливая крупные прокуренные зубы, сквозь которые вдруг стала прорываться песня:

Строчит пулеметчик
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

Глава вторая

1

Моложавый, энергичный глава района Пустовойтов Семен Азартович неспроста имел такое отчество - и родитель его был человеком азартным, и сам он отличался той чертой характера, которую можно назвать чертовщиной, временами азартно полыхающей в глазах. Чертовщинка та могла - в одно мгновение - стать такою чертовщиной, когда Семен Азартович преобразался до неузнаваемости. Такие странные преобразования стали с ним происходить после того, как он обзавелся неплохим капиталом, сколоченным где-то в Москве. Там он пристрастился играть в картишки, в рулетку и прочие игры, где ставки были по ночам просто фантастическими, астрономическими.

Обладая азартным характером, Пустовойтов любил, а главное умел азартно и работать, и отдыхать - все у него получалось «на кураже», в самом хорошем смысле слова. Это был крепкий, основательный хозяйственник, хотя и отличавшийся твердым стилем руководства. «С нашим народом иначе нельзя!» - говорил он, объявляя кому-нибудь строгий выговор или подписывая очередной приказ об увольнении. - Народ надо держать в ежовых рукавицах».

За три года правления Пустовойтов модернизировал почти все инфраструктуры, обеспечивавшие жизнедеятельность района. А в последнее время день и ночь занимался проблемами жилищно-коммунального хозяйства: необходимо было полностью модернизировать тепловые сети, системы канализации и водоснабжения, привести в порядок внутридомовые территории и дороги.

Проблем и вопросов, связанных с перспективой развития района, было - выше крыши и, тем не менее, Семен Азартович не забывал «держать руку

на пульсе времени», как писала про него районная газета. А весеннее время пульсировало праздником Победы - полным ходом шла подготовка.

Районный центр день за днем преображался. Красились фасады старых домов. Тополя в белых чулочках красовались у дороги. Транспаранты появились на домах и административных зданиях: там и тут на жителей райцентра смотрел трехметровый усталый солдат, улыбающийся в прокуренные усы и прижимавший к себе миловидную девочку. Разноцветные салюты сияли на плакатах, где горела кровавая надпись, посвященная Дню Победы. Но все эти плакаты, транспаранты и растяжки над улицами - все это было дело привычное, дело, можно сказать, давно уже набившее оскомину.

Оригинальным в празднике Победы должна была стать так называемая «реконструкция событий».

2

Теперь уже трудно сказать, кто первый додумался в области или в Москве, в какую такую светлую голову пришла эта необычная идея, но факт остается фактом - идея пришла и ей, что называется, не дали от ворот поворот. Напротив - перед ней распахнули ворота.

Странная идея заключалась в «реконструкции военных событий, имевших место быть на данной территории».

Пустовойтов сначала критически отнесся к этой затее.

- Что нам, деньги некуда девать? - спросил он, будучи на совещании в области.

- За деньги можете не беспокоиться, - заверили его. - Москва дает «добро» и обещает проплатить мероприятие.

- Обещанного три года ждут, - проворчал Пустовойтов.

На него посмотрели с недоумением и даже косо.

- Вы что, Москве не верите?

- Боже упаси.

- Ну, вот и все! - скомандовали в области. - Принимайте план военных действий!

Пустовойтов, не скрывая недовольства, посмотрел на чертежи и схемы. Языком поцокал и тяжело вздохнул.

- Ну, что же? - поднимая руки вверх, он сделал вид, что сдался. - Значит, будем воевать. Деньги по ветру пулять.

- Что значит по ветру? - удивился главный чиновник, руководящий областью. - На таких наглядных примерах мы будем воспитывать подрастающее поколение. Раньше была «Зарница», а теперь - сами знаете - нет ни шиша. Пустота. А природа не терпит пустот.

- Я вас понял.

- Вот и прекрасно. Езжайте и воюйте на здоровье.

И вскоре после этого в районе, которым командовал Пустовойтов, на окрестных полях и лугах молодые добровольцы энергично стали махать топорами, стучать молотками. Там и сям на берегах, на полях и на главенствующих высотах появились советские фанерно-дошчатые танки со звездами, а напротив них - покрашенные будто бы горелым дегтем - замаячили силуэты страшных «фердинандов», «тигров», «пантер» и всяких прочих гитлеровских зверей, выходящих из темного соснового бора, из белоствольного березового колка. Гости, пролетающие или проезжающие по району, - так, во всяком случае, планировалось - должны были увидеть танки и пушки не

только фанерные, но и самые настоящие, прошедшие боевыми дорогами. (Их сюда привезли из какого-то музея бронетанковой техники). И самолеты на полянах можно было встретить настоящие: советские бомбардировщики, давно уже снятые с производства; немецкие, тоже привезенные из какого-то военного музея.

3

Весна ликовала в тот год с каким-то необычайным вдохновением и силой. Реки в районе рановато отшумели искристыми ледоходами. Горланно галдящие грачи пробежали тучами по небу и деловито взялись за строительство новых и за поправку старых гнезд. День за днем выпаривались крошечные, липучие листочки - с нежным перетреском расщелкивались почки на деревьях. По вечерам где-то на туманном берегу соловей вдруг становился соловьем-разбойником - забубенными песнями будоражил округу, не давая спать влюбленным парочкам. Посевная страда начинала ронять пыльный пот в борозду - грохотала тяжелая хлеборобная техника. А по ночам в округе было тихо, умиротворенно. Огромное чистое небо как будто сходило на землю, отражаясь в реках и озерах. С боку на бок перевернутая пашня дышала ароматом чернозема, прогретого за день. Старые копны у берега посещал коростель. Раззеленевшимся лугом - неподалеку от дома Пустовойтова - пробегал какой-то полуночный зверек, сверкающий изумрудно-золотыми глазками. Зверек ломал росистые стебли первоцветов и начинал разорять гнездовья с теплыми насиженными яйцами или с желторотыми птенцами.

Особняк Пустовойтова стоял на окраине районного центра. Ночную тишину лишь иногда нарушала то разбитная молодежная компания на площади, то старенькая чья-нибудь гармошка и полузабытая русская песня - приспели майские праздники.

«Уже гуляют, черти! - занимаясь утренней зарядкой, думал глава района. - А кто за вас работать будет, интересно?»

4

Азартная натура Пустовойтова, безусловно, сказала и во время подготовки к празднику Победы. Перво-наперво Семен Азартович взял на «пригужальник» всех местных бизнесменов и толстосумов. Он, конечно, малость обнаглел, пользуясь служебным положением, но совесть его при этом была совершенно чиста - не для себя старался.

- Вы тут жируете! - говорил он, позвонив очередному богатею. - А за чей вы счет жируете, позвольте вас спросить?

- То есть как это - за чей? Да я своим горбом... - начинал оправдываться местный князек. - Не спал, недоедал...

- Э, батенька! Нет, нет! - горячо перебивал Пустовойтов. - Все, что есть в закромах у тебя, да и у меня - чего греха таить! - все это у нас, благодаря Победе! Благодаря старикам-фронтовикам!

- А-а! Вон куда вы клоните, Семен Азартович? Намек ваш понял.

- Вот и хорошо. Люблю понятливых! - Пустовойтов, довольный, сопел в телефонную трубку. - Короче, так. С меня бутылка, с тебя закуска. На стол фронтовику. Усек?

- Усек. А сколько их в районе?

- Да их скоро по пальцам сосчитаешь.

- Это верно! - вздыхали на том конце провода. - Дядька у меня в прошлом году скончался. Всю войну прошагал. До Берлина. До самого логова...

- Ну, вот видишь. - Семен Азартович улыбался в трубку. - Я рад, что мы друг друга понимаем. Короче так. С тебя две тонны колбасы, три тонны сыру... Ты че затих? Записываешь?

- Да нет. - Местный князек в растерянности. - Я думаю... Кха-кха... Куда вам столько сыру?

Глава района глубоко вздыхал.

- В мышеловки. Куда же?

- В какие мышеловки?

- Фрицев ловить по случаю Победы! - И Пустовойтов хохотал на том конце провода, так хохотал, что барабанные перепонки трещали у того, кто слушал этот хохот.

Шутки - шутками, а все же неспроста Семен Азартович вопрос поставил именно так: «с меня бутылка - с тебя закуска».

Сын Пустовойтова занимался ликероводочным бизнесом. Все в этом деле у них было налажено - Семен Азартович и голову и руки приложил, когда еще не был главой района. А уж когда народ его избрал - несолидно как-то стало «водкой заправлять» по всей губернии, вот и пришлось ликероводочный заводик передать Емельяну. И все бы ничего, да только сын - в мамашу, видать! - оказался на редкость жадным. С первых же дней он стал хитрить, экономить на том, на этом, а в конечном счете - на здоровье людей. Раньше «пустовойтовка» была - чище детской слезы. А потом - день за днем - превратилась в такую «пустоводковку», а такую бормотуху, что сам Семен Азартович на ней обжегся: свой день рождения чуть было в похороны не превратил.

- Сукин ты сын! - разъярился тогда Пустовойтов. - Да что ж ты делаешь? Ты сам-то ее пробовал?

- Кого?

Отец схватил початую бутылку.

- Вот эту вот - продукцию свою.

Емельян, черноволосый, краснотубый, хорошо упитанный бугай, многозначительно ухмыльнулся.

- Своя продукция у нас - для своих людей! - напомнил он. - Я же тебе ящик подарил на день рождения. Неужели выпил?

- Да вот он, за шторкой стоит.

- За шторкой! - фыркнул сын. - На столе он должен быть, а не за шторкой! Это же самая лучшая водка прошедшего года. Да ты открой, понюхай... Ну? Ты чуеть?

- Да ни хрена я не чую после твоей бормотухи!

Сын достал серебряную рюмку. Налил до краев.

- Значит, так. Объясняю популярно для язвенников и трезвенников. - Он подмигнул отцу. - Это английская картофельная водка. Она получила Гран-при на самом престижном в мире конкурсе алкашей... - Сын выпил рюмку и засмеялся. - Ну, то есть, я хотел сказать, на самом престижном конкурсе алкогольных напитков, который проходил в марте прошлого года в этом, как его... В Сан-Франциско.

Отец нахмурился, глядя на сияющую рожу Емельяна.

- Оболтус! - заворчал он. - Чему ты радуешься? Тому, что травишь своих соотечественников?

- Ой, папочка! Не надо громких слов! - Емельян поморщился. - Я тоже был бы рад такую водку выпускать.

- Дак в чем же дело? У тебя же первоклассное оборудование!

- Дело в том, что у меня тут не графство... - Сын развел руками.

- А при чем тут графство?

- Объясняю. - Емельян налил вторую серебряную рюмку. - Сырьем для производства этой водки служит картофель, который выращивается на ферме в графстве Хер... Прошу прощения - сразу-то не скажешь. Кха-кха. В графстве Херфордшир. Великобритания.

- Ну, так что? - сурово спросил отец. - Мне тебя туда послать? Или куда подальше? Ты что меня позоришь, идиот?

Емельян спокойно выпил вторую серебряную рюмку.

- Давай без выражений, па, - попросил он, закусывая. - Ты пораскинй мозгами, па. Если я идиот, то родители кто? Это же вопрос наследства. Не так ли?

Пустовойтов сердито прошелся по комнате. Остановился напротив сына. Посмотрел в его набрякшие от выпивки глаза.

- Сопьешься ты, Емеля! - с горечью сказал отец. - Надо было все же в армию тебя...

Краснощекий бугай, на котором пахать да пахать, сделал кроткую мину и тихо напомнил голосом великого страдальца:

- Па! Так у меня же и плоскостопие, и сколиоз, и частичная потеря памяти - я забываю, где поел, чего попил. - Емельян засмеялся, обнимая отца. - Па! Да брось ты хмуриться! Ну, выпущу я завтра праздничную партию - специально для фронтовиков. Ну, честно говорю. Только не злись.

- Ты выпустишь. Пустомеля.

- Почему это я Пустомеля?

- А я не знаю, почему это тебя - Емельяна Пустовойтова - по всему району и даже по всей области кличут Пустомелей. Видно, заслужил, сынок. Припозорил ты нашу фамилию. Водочка была-то - «Пустовойтовка». А стала - «пустоводковка». Вот так-то, Пустомеля. Стыд и срам. Если дело дальше так пойдет, я тебя точно в армию отправлю. Там из тебя мигом человека сделают.

- Сделали уже. Не одного. - Пустомеля скривил губу. - Одноклассник мой позавчера в цинковом гробу домой вернулся.

- Откуда он вернулся?

- Из горячей точки... - Емельян назвал координаты.

- Ну и тебе тут не фиг прохлаждаться! - рассердился отец. - Иди отсюда, чтоб глаза не видели...

Зная характер отца, Емельян потихонечку ретировался, надеясь, что завтра или послезавтра отец «отойдет».

Собираясь честно выполнить свое обещание по поводу качественной водки на День Победы для фронтовиков района, Пустомеля задумался. Ломать - не строить. Верно в народе говорят. Как теперь по-быстрому восстановить порушенные технологии? За день, за два не отрегулировать. Тут нужны месяцы, а то и годы. А праздник-то вот он - за огородом уже. Как быть? Что делать? И тогда Пустомеля решил хитрым образом выкрутиться из щекотливого положения. Он в подвалах взял английскую картофельную водку, получившую Гран-при на самом престижном в мире «алкогольном» конкурсе, - и перелил ее в бутылки со своими этикетками. Простенько и со вкусом. Но дело в том, что Пустомеля был не одинок в своих премудростях. Английскую картофельную водочку кто-то уже в подвалах подменил на свою родную «пустовойтовку». И таким вот образом этот напиток - довольно приличная партия - поступил в распоряжение главы района.

Подчиненные Пустовойтова - клерки всяких мастей и должностей - привычно стали паковать подарки фронтовикам; коробки, перевязанные Георгиевской лентой, и все такое прочее, что делалось уже традиционно перед праздником Победы.

5

И надо же такому приключиться: именно в это время в гороскопе Семена Азартовича выдался один весьма печальный день. Прямо скажем, черный день, который не заладился не только что с самого утра - с самой ночи. И всему виной была жена - так он считал. Та самая жена - вторая, молодая, которую Семен Азартович встретил в Париже на Елисейских Полях и поэтому звал ее Свет-Елисеевна.

Глухая перепалка с женой-красавицей произошла в кровати под одеялом, когда Пустовойтов стал домогаться своей супруги и неожиданно получил категорический отказ. Демонстративно отодвигаясь от мужа, Свет-Елисеевна ссылаясь на критические дни, на головные боли от перенапряжения в своей конторе, где она «давит клопов» на калькуляторе - главный бухгалтер в районной администрации. Семен Азартович был изумлен таким вероломным отказом. Поворочался, как будто на хлебных крошках, насыпанных на простыню. Встал, спустился на крыльцо и закурил.

Ночь была тихая, нежная - лирики молятся звездам и лунам подобных ночей. И хотя Семен Азартович далек был от пустопорожней лирики, но сердце-то не каменное - сердце изнывало такими вот ночами, мать их в душу. И вдруг он зашвырнул окурочек - куда подальше. Сплюнул и пошел наверх - штурмовать решил свою законную, как штурмуют крепость неприятеля. «Мужик я или нет, в конце концов!»

Но штурмовать было некого - Свет-Елисеевна, как будто догадавшись о его намереньях, откочевала в соседнюю комнату и на задвижку закрылась.

- Нет, ну это уже чересчур! - зарычал он, как раненый зверь. - Что случилось-то?

- А ничего! - с легким, приятным акцентом ответил нежный голос из-за двери. - Поменьше будешь по бабам бегать!

- Кто? Я?

- Ну, не я же.

- Ты что? Господь с тобой! Белены объелась?

- Нет. Я на диете.

Пустовойтов опустил на ковер возле двери.

- Свет-Елисеевна! Открой, ну что ты как дите? Давай поговорим.

- Мы уже на эту тему говорили.

- И что?

- Иди спать.

Муж покачал головой, прошептал еле слышно:

- Как не выбираешь их, как не сортируешь, а все равно сплошные дуры попадаются!

- Вот и я про то же, - нежно вдруг ответила Свет-Елисеевна прямо под ухом за дверь. - Как не выбираешь вас, как не сортируешь - одни кобели попадаются.

«Беседа прошла в теплой и дружеской обстановке! - мрачно подумал он, по звериным шкурам, расстеленным на полу, хмуро шагая к себе и сам поневоле зверея от возмущения. - Ну, хоть бы какие-то причины были для этой ревности! Нет, причина есть, конечно. И причина веская - дура потому что! Привез на свою голову. Так что сам дурак. Постой. А может, у нее любовник появился? Нападение - лучший способ защиты. Тактика древняя и безотказная».

В общем, всякие мысли полезли в башку Пустовойтова, в результате чего он не выспался, встал ни свет ни заря и, помятый, мрачный приехал на работу раньше времени.

- А где мой кофе? - рявкнул он на секретаршу, которая вошла после него и не успела даже снять свой синий скромный плащик.

- Одну минуточку! - пролепетало юное создание, в качестве секретарши работавшее без году неделя. - Я сейчас...

- Что значит, сейчас? - Пустовойтов дал силу своему слепому раздражению. - Я повторять не люблю! Сказано было, чтоб кофе со сливками был перед моим приходом на столе...

- Но ведь вы же приходите в семь, - голос секретарши задрожал от обиды.

- В семь! - тупо согласился шеф.

- А сейчас, извините, половина седьмого.

- Да? - Пустовойтов метнул черный взгляд на большие настенные часы. - Черт знает что! Отстают они, что ли? Вы их сейчас же поставьте на семь ноль-ноль и принесите мне кофе.

- Хорошо, как скажете, - пролепетала обескураженная секретарша.

Через пять минут он выпил кофе со сливками, только на душе, увы, не полегчало, как это обычно было с ним после кофейной церемонии.

- Что там с подарками фронтовикам? - сухо спросил он секретаршу.

- Уже почти сформировали.

- А ну-ка, принесите. Погляжу.

- Сейчас.

Секретарша принесла сигнальный экземпляр подарка и удалилась.

«А ничего девах! - мелькнуло в голове. - Раньше я ее не замечал. Дела, мать их, заботы!»

Стараясь отвлечься от этих мыслей, Семен Азартович не спеша развернул и внимательно стал рассматривать то, что собирались дарить фронтовикам. Все это было, в общем-то, недурно. Смотрелось эффектно и дорого, хотя, на самом деле, стоило копейки.

Прогулявшись по кабинету, Пустовойтов задержался у небольшого встроенного бара, открыл его, достал рюмку и решил попробовать «пустовойтовку» - что там приготовил Пустомеля для районных фронтовиков? Конечно, никакой необходимости в такой проверке не было, просто нервы были на взводе по случаю размолвки с женой и вообще - какой-то черный день по гороскопу, вот и захотелось этот день хоть маленько высветлить хрустальной водочкой.

Рюмка шибанула по мозгам, да так, что Пустовойтов чуть мимо кресла не сел. Сердце под рубахою разбухло - заколотилось где-то под горлом.

«Ну, сынок! Скотина! - подумал Пустовойтов и на мгновение ощутил себя Тарасом Бульбой: - Я тебя породил, я тебя и убью!» Но через минуту-другую он передумал убивать сына. Криво усмехнувшись, он убил вторую рюмку огнеопасной водки. Ну, вторая пошла уже мягче. И вот уже мир перед ним приятно покачнулся, потеплел. И наступающий день - каким-то дураком объявленный по гороскопу как самый неудачный для Пустовойтова - стал превращаться в разноцветный день, самый беспечный, самый чудесный.

Пустовойтов вызвал секретаршу - синеокою, фигуристую куколку, на которую сынок его, Пустомеля, давненько уже глаз положил. (Вдруг почему-то вспомнилось об этом).

- Ну, как там наш Берлин? - спросил Семен Азартович, небрежно подписывая бумагу с печатями.

- Какой Берлин? - растерянно спросила секретарша. - Вы ничего не говорили мне насчет Берлина...

- Ах, да! - Шеф нахмурился, откладывая ручку с золотым пером. - Я был вчера сказать. Надо вам, голубушка, срочно созвониться с Берлином.

Там есть один проворный малый - Штайнер Фриц Агидиус. Перспективный малый. Очень даже резвый - на поле бизнеса. Вы, кстати, не знаете, что такое Агидиус? Как переводится? А?

Секретарша слегка улыбнулась.

- Простите, но я даже не знаю, что такое Фриц и что такое Штайнер.

Глава района засмеялся, колыхая крупными мясистыми щеками.

- Да я, признаться, тоже - ни в зуб ногой. Это я в газете недавно прочитал и удивился. Агидиус - это значит молодой козел. Ну, надо же, как точно! - Семен Азартович двумя ладошками шлепнул себя по ляжкам. - А я все смотрю на него и все думаю: какой он резвый на поле бизнеса. А ему сам бог велел прыгать стрекозлом. Ха-ха... Вы срочно позвоните, у нас ведь реконструкция военных событий. Вы же знаете? Ну, вот. А Штайнер этот, он стратег и тактик, несмотря на то, что молодой...

Секретарша, в недоумении глядя на возбужденного шефа, осторожно напомнила:

- Вы говорите, срочно? А телефон? Вы же не сказали телефон.

- Неужели не сказал?

- Да нет же...

- И что это с памятью? - несколько игриво удивился шеф и посмотрел на перламутровую пуговку над разрезом белой кофточки секретарши.

Машинально застегнув пуговку, которую и раньше не мешало бы застегнуть, юное создание приготовилось записывать номер телефона «молодого козла из Берлина».

В кабинете шефа повисла продолжительная пауза - он откровенно любовался секретаршей, стоящей в дверях и старательно сжимающей обе пухлых ноги под юбочкой, - сжимающей так, как это делают только благородные девицы. («Правда, они, благородные, таких коротких юбочек не носят!» - мимоходом отметил Пустовойтов).

Стараясь хоть как-то заполнить странную паузу, секретарша спросила, глядя на большие настенные часы:

- А сколько там сейчас, в Берлине? Можно звонить или рано еще?

- Время в Германии отстает от московского на два часа, - пояснил Пустовойтов, неслышно открывая дверцу небольшого встроенного бара, где засверкали рюмки, стаканы и бутылки всевозможной формы и содержания.

- На два часа от московского... - Секретарша смущенно опустила глаза. - У меня с математикой всегда были сложности. Это значит, сколько там сейчас?

- А вы присядьте, мы посчитаем. - Пустовойтов заговорил неожиданно глубоким приятным баритоном. - Что будем пить, мадам? Кофе, чай? Коньяк? Виски или бренди?

- Да че я - сбрендил? - испуганно сказала секретарша с таким простодушием, что Пустовойтов расхохотался.

- Вы - просто прелесть!.. Тебя как звать-то? Я все забываю.

- Любомила...

- Прелесть!

- А вам кофа или вам чаю? - спросила секретарша, хлопая наивными глазенками.

- Кофа! - Он засмеялся. - Ты присядь для начала.

Такое «начало» секретарше совсем не понравилось, но послушаться шефа она не осмелилась. Опустившись на край дивана, Любомила поправила юбочку и двумя руками обхватила колени.

Взволнованно дыша и думая, что надо бы опомниться, не делать глупостей, Семен Азартович рядом присел и руку - потную, дрожащую - опустил на теплое колено секретарши.

- Извините... - Поспешно вставая, Любомила залилась румянцем. - Я принесу вам кофе... Или что вам надо?

- Все! - весело ответил он. - Или ничего!

- Я вас не понимаю... - пролепетала девушка.

Он удержал ее за руку. Встал. Взгляд его стал - взглядом коршуна, готового вцепиться в беззащитную птицу.

- Ты хочешь здесь работать, птичка? Или нет?

- Хочу.

- И я хочу... - сквозь зубы зарычал Семен Азартович, дрожащими пальцами начиная расстегивать кофточку на груди секретарши.

Парализованная вероломством шефа, она стояла - ни жива ни мертва.

- Что вы делаете? - прошептала бледными губами. - Не надо...

- Надо! - набухающим горлом зарокотал Пустовойтов. - Завтра будет у тебя новая квартира и новая зарплата. Слышишь? А этого Емелю-Пустомелю я отправлю в армию. Он тебе не пара.

Юное создание заплакало.

И в эту минуту в приемной телефон затрезвонил.

Секретарша вздрогнула и опрометью выбежала из кабинета.

6

Всклокоченный Семен Азартович метался как на привязи, на телефонном проводе.

- Вы там че? - брызгая слюной, орал он, не стесняясь в выражениях. - Да ты мне, скотина... Я тебя самого прикончу из того пулемета! Ты куда смотрел, осел в очках? У тебя под носом фронт... война под носом, а ты даже соплю свою не можешь подтереть! А что? А как ты хочешь?.. Давай, свисти тревогу и поднимай своих! Что? Герой Советского Союза? Нет у нас Советского Союза - и героя не должно быть!

Напоминая разъяренного быка с дикими глазами, налитыми кровью, Пустовойтов раздраженно бросил трубку мимо рычага. Закурить хотел, но пальцы, мелко задрожав, сломали сигарету. Всклокоченной башкою покрутив по кабинету, Семен Азартович обнаружил секретаршу около стола и раздраженно засопел.

- Извините, - пролепетала девушка. - Там Москва...

- Какая Москва? - Пустовойтов нахмурился. - Дура! При чем тут Москва? Я же просил с Берлином соединить!

- Москва на проводе... Они вас требуют...

Обломки сигареты полетели на пол. Обеими руками охвативши голову с темными курчавыми волосами, Семен Азартович так заскрипел зубами, как будто пожирал что-то железное.

- Ох, мать твою! Москва? Этого нам только не хватало! - Кто доложил? Когда? Всех уволю!

Секретарша виновато вздохнула, поправляя юбочку.

- Может, сказать, что вы вышли? - рискнула она посоветовать шефу.

Совет пришелся не ко двору.

- Конечно, да! Я вышел из себя! - опять стал кричать Пустовойтов и замалхал руками так, что секретарша поспешила отойти подальше от стола. - Да постой ты, дура!.. Стой!.. Где, какая трубка-то?

- Вот эта... - Любомила крашеным ногтем потыкала по воздуху. - Черненькая...

- Ну, все, иди! - Резким движением руки шеф как будто вымел секретаршу вон из кабинета - дверь за ней моментально захлопнулась.

Вставая по стойке «смирно», Пустовойтов стал докладывать о чрезвычайном происшествии, «имеющем место быть на нашей территории». Обычно румяный, спокойный, пышущий здоровьем и жизнерадостной силой, этот матерый мужик в мановенье ока превратился в какого-то нашкодившего школьника. Он побледнел, вспотел. Толстые щеки его, напоминающие футбольный мяч, непонятным образом обвисли - будто мяч прокололи. И солидный живот Пустовойтова как-то странно обвис. И даже новые штаны со стрелками, еще не смятыми на толстой широкой заднице, тоже обвисли.

Глава третья

1

Трасса федерального значения в этом районе была недавно отремонтирована: свежий асфальт постелили; установили дорожные ограждения; построили новые пешеходные переходы; линии искусственного освещения оборудовали; поставили информационные щиты, предупреждающие о приближении к опасному участку. «Щиты у вас хорошие, - говорил потом Белоцерковский, начальник районной милиции, обращаясь к дорожникам. - Только вот здесь, на повороте, нужно поставить знак: «Осторожно! Может работать пулемет!» Но эти шуточки будут звучать позднее. А тогда - хоть плачь.

Старый, потемневший от времени чердак Стародубцева возвышался над березами и тополями. Сектор обстрела - из чердачного окна - был довольно широкий.

Желтобрюхий многотонный бензовоз, на приличной скорости летящий по трассе, стал первой серьезною жертвой.

Пулеметчик дал короткую очередь - клочья асфальта, как черные птицы, взлетели перед капотом, заставляя шофера изумленно выкатить глаза. (Он выстрелов не слышал.)

Спрыгнув с подножки, водитель подумал о проклятом гвозде. Наклонился над пробитым колесом и удивленно присвистнул - дырок было много. И совсем уже странно было то, что асфальт кусками разорвался на дороге - один такой кусок валялся на обочине, другой, поменьше, оказался на капоте, рядом с резиновым дворником.

«Странно! Что за дела?»

Водитель посмотрел по сторонам.

Тихо было кругом. (Даже как-то слишком тихо.) Встающее солнце просеивало свет сквозь решето придорожных деревьев. Бабочка беззаботно порхала над поломанным железным ограждением. Стрекоза мельтешила слюдянистыми крылышками.

И тут вторая очередь вонзилась в тишину!

Возле кустов за дорогой земля со свистов вздернулась черными разбрызганами, а на самих кустах ветки одна за другой поломались, обнажая мякоть. Полетели изорванные листья.

С водителя как будто кожу сдернули.

Округлив глаза, похолодев от ужаса, он растерялся, но только на миг. Могучая какая-то пружина, о существовании которой он даже не догадывался, вдруг сильно согнула его и подбросила прежде, чем он что-то успел сообщ-

разить. Перелетев через высокий железный бордюры, водитель по-кошачьи мягко шлепнулся на землю и пополз, потешно отключив зад, лихорадочно оглядываясь и ноздрями остро ощущая запах разливающейся горючки.

«Не успею на... - молотком стучало в голове.

2

Густой поток машин, текущий следом за бензовозом - и грузовики, и легковушки - все вдруг затормозили, как по команде. Кто-то в кого-то едва не врезался, не соблюдая дистанцию. На дороге началась неразбериха, ругань - особенно сильно возмущались те, кто был далеко от взрыва.

Ближе всех оказался пожилой человек с наградными колодками на стареньком пиджаке. Чуть прихрамывая, он подошел к лежащему шоферу бензовоза.

- Эй, браток! Живой?

Шофер сел на землю, отплюнулся от пыли на губах. Встопорщенные волосы пригладил.

- Да вроде живой.

- Ну, вставай. Что? Контузило?

- Хрен его знает, пока не пойму...

Послышалась разноголосица. Ругань.

Какой-то худосочный паренек с лентой на груди - «Свидетель» - уже хмельной по случаю женитьбы друга своего, развязною походкой приблизился к толпе.

- Граждане! А что это? Война?

- Типун бы тебе на язык!

- А что за хренотень? Я слышал выстрелы.

- Да какие выстрелы? Выхлопная труба у меня барахлит.

Фронтвик с наградными колодками на стареньком пиджаке, прихрамывая, отошел от водителя бензовоза и, остановившись посреди дороги, зачем-то стал внимательно разглядывать свежие дырки.

- Интересно, какого калибра твоя выхлопная труба? - задумчиво спросил он. - Видишь, как покрошило асфальт? Это, скорей всего, из пулемета...

Свидетель развеселился.

- Откуда, батя? Что, здесь партизаны объявились?

- А вот этого, милоч, я не могу сказать.

Глядя вдаль, «Свидетель» прищурился, и вдруг лицо его изобразило ужас.

- Ох, ни черта... - закричал он, пригибая голову. - А что мы здесь торчим? А если тот придурок опять стрелять начнет? По коням, братцы! Надо разъезжаться!

- Не паникуй, - сказал пожилой человек с наградными колодками. - Пулеметчик нас не видит.

- По коням, братцы! - продолжал кричать свидетель, отдаляясь к своей машине. - А то вместо свадьбы придется справить похороны.

- А нам по барабану, лишь бы выпить, - со смехом откликнулся кто-то. - Эй, свидетель! Ну, давай, свидетельствуй, что там такое?

- Реконструкция военных действий! - неожиданно брякнул свидетель. - Я читал в газетке.

- Ты читал, свидетель, да маленечко недочитал, - ответили ему. - Денег нам не дали на войну.

Седая старуха, сидящая в люльке мотоцикла, перекрестилась.

- Да и слава богу, что не дали. Ишь, придумали - в войну играть. Как малые дети.

За рулем мотоцикла сутуло сидел бородатый старик. Урюмо смотрел на всех.

- Это потому что их жареный петух не клевал в одно место...

- Вот-вот! - Старуха опять перекрестилась.

Машины понемногу стали разъезжаться - пробка на дороге рассасывалась.

3

Стародубцев, пару минут перекурив на чердаке, обосновался за другим пулеметом, и не спеша, аккуратно, стал «зачищать» сектор обстрела, выходящий на север. Там тоже дорога была, правда, не такая оживленная, но весьма приличная.

Эту дорогу глава района года полтора назад приказал в срочном порядке проложить возле Мирлоубихи.

- Для своего заводика старается! - шептался народ.

- Так он же оставил завод. Там теперь заправляет сынок. Пустомеля.

- А какая, хрен, разница? Семейный бизнес.

- Оно, конечно, верно. Рука руку моет.

Примерно так народная молва обсуждала появление в лесу какого-то «закрытого объекта», на два, на три гектара обнесенного заборами с колючей проволокой, вдоль которых лениво бродили охранники с автоматами. Иногда по этой дороге проходили большие фуры и даже «автопоезда» - тяжелые, надсадно рычащие, обляпанные яркими наклейками, рекламирующими всякие «товары народного потребления». Выгрываясь на федеральную трассу, автопоезда и фуры, включая фары даже среди бела дня, на больших скоростях разбегались по городам и весям огромной Валдайской возвышенности и дальше, в Московскую область, в Москву.

4

Дальнобойщиков было двое - пожилой и молодой.

Пожилой водитель фуры - Павел Дмитрич Полетаев или просто Митрич, был одет в черную рубаху, поверх которой натянута коричневая штормовка, заштопанная во многих местах. Штаны у Полетаева пошиты из какой-то «кирзы» - ни папираса их не прожигала, ни случайный гвоздь, торчащий из забора, прокусить не мог. Черт его знает, где он только взял такую необыкновенную материю. Полетаев водитель опытный, со стажем. Выпивая водку в гараже после работы, Митрич любил похвастаться насчет того, что он вдоль и поперек исколесил всю Новгородскую область: с закрытыми глазами мог проехать всю Валдайскую возвышенность. Темные волосы Полетаева давно уже побиты густою сединой, косицами спадающей на покатый лоб. Губы у Митрича тонкие, бледные. Нижняя челюсть «отважно» вперед выдается - крупная челюсть боксера, а вот зубы на ней удивительно мелкие; из-за этих зубов Митрич даже как будто стеснялся лишний раз засмеяться - в кулак себе хихикал, или уж привычка у него такая.

Второй водитель фуры - молодой, веснушчатый Федька Нинабей, человек веселый, безобидный. Нинабей одет был в старый, грязно-синий джинсовый костюм, кое-где промасленный. На шее у него - золотая цепь, как будто взятая из хрестоматийной сказки Пушкина: ученый кот на такой здоровенной цепи запросто мог бы сидеть или даже ученый кобель, как зубоскалили мужики в гараже. Из-под кепки Федора, лихо сидящей на продолговатой голове, выбивались курчавые волосы, пружинами качаясь над бровями.

Загрузивши фуру под потолок, водители покинули территорию ликероводочного завода.

Федька Нинабей спать завалился - благо постель хорошая была в этой машине иностранного производства. А Полетаев сел за баранку - он ездил «по светлой дороге», в первой половине дня, а напарник - во второй.

Пулеметчик долбанул по автопоезду в ту минуту, когда машина стала выворачивать на трассу федерального значения.

Сначала по-над дорогой полегли кусты, посеченные пулями, а затем - после второй короткой очереди - досталось и огромной фуре-дуре. Накренившись на пробитые скаты, фура потеряла равновесие и медленно, нехотя стала заваливаться на бок. Заскрежетали какие-то железные суставы и кости - и фура опрокинулась в придорожный овраг, заросший молодыми сосенками и красноталами.

Задремавший напарник выпал из просторной «люльки».

- Митрич! Твою мать! - закричал он, испугавшись. - Ты что наделал?

- Это не я, не ори...

- А кто?

- Не знаю.

- Скаты, что ли, лопнули?

- Похоже...

В ту минуту, когда фура опрокинулась, в просторную кабину дальнобойщиков как будто залетела стая голубей: накладные, прижатые магнитом, вырвались на волю, а следом за ними замелькали какие-то календари, картинки с голыми бабами из журнала «Плейбой». Плоскогубцы откуда-то упали на доску приборов. Папиросы посыпались.

Лежа на боку, фура немного «пофурчала» и заглохла - только два колеса, поскрипывая, какое-то время лениво катились по воздуху. И в тишине вдруг стало отчетливо слышно, как за спинами шоферов - внутри опрокинутого прицепа, размалеванного рекламами - глухо, но мощно зазвенело стекло. Такое ощущение создалось от разнообразного этого звона - как будто бы огромная хрустальная гора на куски развалилась.

Оскаливая зубы, Федька с трудом открыл дверцу в кабине, покореженной после падения.

- Приехали! - в сердцах сказал он, добавляя то, что не печатают.

- Приплыли! - уточнил Полетаев, наблюдая, как земля и трава кругом фуры покрываются мокрыми пятнами.

- Митрич? Я не понял! - Почесывая ушибленную голову, Нинабей посмотрел по сторонам. - Что это было?

- Стреляли в нас, башка твоя еловая! - Митрич махнул рукой. - Иди за мной, пока не продырявили...

Короткими перебежками - пригибаясь, оглядываясь - они добрались до надежного укрытия.

- Вот ни хрена себе! - Нинабей кепку свою отряхнул о колено. - Стреляли? А я не слышал.

- Так ты же спал.

- Ага. - Федька зевнул. - Так сладко закимарил, и вот на тебе! А какая падла тут стреляет? Охотники, что ли?

- Да какой охотник нам колесо прострелит? - Митрич посмотрел на опрокинутый автопоезд. - Здесь надо поработать или автоматом, или...

- Вот это вляпались! - Парень закурил, нехотя улыбаясь. - Митрич, а ты не слышал по поводу реконструкции военных событий в этом районе?

- А это что такое? И с чем его едят?

- Местные власти в войнушку поиграть захотели.
Полетаев сплюнул, принюхиваясь.
- А воняет-то как, мать честная! Как только люди пьют такую гадость?
Лучше самогонку в бане гнать.

5

Лужайка была идеальная - для современной пастушьей идиллии. Свежая трава уже кругом закучерявилась, ручеек позванивал на дне оврага. Солнце пригревало с утрачка. Что еще надо пастуху? Лафа.

Положив под голову седло, снятое с коня, пасущегося неподалеку, бородач Иннокентий Гаев, или просто Кеша, сначала краем глаза караулил небольшое стадо, мирно пасущееся на лужайке. Потом он какое-то время с философской отрешенностью созерцал горы белоснежных облаков над головой и синие глубины мироздания, проступающие между белоснежными хребтами, где иногда стрижи мелькали, коршун круги нарезал. Но вскоре пастуху это созерцание наскучило и он, пригретый солнцем, закимарил, а потом даже всхрапнул, не обращая внимания на божью коровку и муху, попеременно садившихся на лохматые брови, на пепельно-серую бородачку, похожую на кочья мятой пакли.

А через несколько минут впросонках Кеша Гаев услышал тихий стрекот, отдаленно похожий на стрекот сороки. Это был привычный звук для пастуха - сороки часто в гости прилетали, ковырялись в коровьих лепешках. Но затем Кеша услышал нечто странное - как будто мощный зверь, выходящий из темного леса, вдруг зарычал, захрипел.

Растопыривая глаза, Кеша поднялся и, покрутив головой, увидел огромный автофургон, по-звериному рычащий на выезде из леса, и как-то очень медленно, как будто нехотя клонящийся в придорожный овраг. А потом почувствовал приглушенный звон разбитого стекла...

Из кабины перевернутого автофургона выбрались два шофера, стали бегать вокруг да около, что-то кричать и руками размахивать.

Почесывая бороду, Кеша зевнул.

- Бараны! - пробормотал пастух. - Зальют шары и лезут за баранку!

Ярко размалеванная фура была метрах, наверно, в двухстах от лужайки. Пастуху, конечно, интересно было бы сходить, посмотреть, что там случилось, да как себя чувствуют «два барана за баранкой». Но, во-первых, идти было лень, если честно. А во-вторых, ноги от старости в суставах болели, скрипели. Можно было бы, конечно, заседлать конягу и поехать туда, но идти за конем, да седлать, да зауздывать - для старика это была целая история. В общем, он махнул рукой на это дело, решил достать махорки да покурить.

И тут весенний ветер слабенько задергался под носом пастуха - ветер, летевший из оврага, в котором лежала фура, как могучая корова, откинувшая копыта.

Кеша Гаев шумно пошмыгал тупым, мясистым носом, похожим на грушу, припорошенную редким, но грубым волосом.

«Не понял! - Глаза пастуха беспокойно забегали, а во рту вдруг скопилась слюна. - Что это? Откуда?»

Пастух с неожиданной прытью подскочил, забывши о больных суставах, и снова стал принюхиваться, для пушей уверенности прикрывая глаза.

«Профессиональное» чутье не обмануло сивобородого Кешу: из оврага, в котором примостилась фура, с каждой минутой все крепче, все гуще протягивало духом родимой водочки - духом куража, духом загула, когда хоть трава не расти и хоть коровы подохли.

6

Милицейская машина с мигалкой на крыше показалась на федеральной трассе. Доехав до места, где замер бензовоз, патрульная машина, развернувшись поперек дороги, перекрыла движение. А через несколько минут к милицейской машине подкатил черный джип - глава района прибыл.

О чем-то коротко посоветовавшись, Пустовойтов хлопнул дверцей, и черный джип, свернув на старую, почти заброшенную проселочную дорогу, добрался до опрокинутой фуры, возле которой сидел уже весьма «хорошенький» пастух и о чем-то глубокомысленно философствовал со своими коровами, пасущимися по пьяной траве - все кругом было водкой залито.

- Двигатель целый? - хмуро спросил Семен Азартович, стоя под прикрытием больших деревьев.

- Да вроде бы не зацепило, - ответил Митрич. - А кто там играет в войну?

- Непонятно пока. Выясняем. - Пустовойтов поправил галстук. - Сейчас прибедет кран. Быстро поднимайте свою дуру, и чтоб духу не было...

- Ну, дух-то здесь останется! - заверил пастух, поднимая указательный палец. - Тут русский дух, тут Русью!..

- А это что за клоун? - спросил глава района, не узнавая Кешу или делая вид, что не узнает. - Кто его напоил?

- Никто! - заверил Нинабей. - Сам из канавы нажрался, лопухом закусил.

- Вот уж поистине, свинья грязи найдет! - проворочал Пустовойтов.

Неожиданно расхохотавшись, Кеша достал нехитрую пастушью дудку, попробовал сыграть на ней, но дудка лишь хрипела да мычала, и тогда пастух запел, сам себе дирижируя двумя руками:

Имел бы я златые горы
И реки, полные вина -
Все отдал бы за ласки взоры,
Чтоб ты владела мной одна!

Глава района - с легкой усмешкой и легким презрением - глянул на него и снова заговорил с водителями автопоезда.

- А где ваш директор?

- Емельян Семенович? - Нинабей посмотрел на Митрича. - Ты видел?

- Да кто ж его знает? - заворчал Полетаев. - Он же нам не докладывает. В области, наверно.

- А на заводе нет? Не видели? Ну, как увидите, так скажите, чтобы он срочно со мною связался.

- Хорошо, передадим. - Нинабей посмотрел в ту сторону, откуда должен был подъехать подъемный кран. - А как же поднимать, Семен Азартович? Вдруг он снова полоснет из пулемета?

- Я сейчас тоже об этом думаю. - Пустовойтов достал сигареты. - Вам придется пока посидеть в засаде. Надо сначала с этим чертом разобраться... С пулеметчиком...

Полетаев задумался, глядя вдаль.

- Хорошо бы снайпера сюда! - посоветовал он. - Или штурмом брать придется.

- Возьмем! - успокоил Пустовойтов. - Посидите пока, не рискуйте. Да смотрите, чтоб этот клоун не попал под пули. Отвечай потом за дурака.

Этот Кеша-пастух вызывал в нем и жалость и раздражение; когда-то он был Иннокентий Васильевич Гаев, представительный мужчина; имел в райцентре приличный дом, хозяйство - все было. А потом, после развала Союза,

все это стало потихоньку продаваться, пропиваться, потому что Иннокентий Васильевич мечтал пожить как в песне, которую он только что исполнить попытался - «имел бы я золотые горы и реки полные вина». Гаев - где-то по неопытности, а где-то по жадности - отважился «прокрутить» какое-то прибыльное дело. Взял банковский кредит - под большие проценты - думал быстро вернуть, да обжегся на какой-то афере. Долг отдавать было нечем. Кеша распродал все, что можно было, отрастил себе жидкую сивую бородачку и пошел в пастухи. Это вызывало жалость и сочувствие. А раздражение у Пустовойтова вызывал тот факт, что Емельян - его сын, сегодняшний директор ликероводочного завода, в юности без ума, без памяти влюбился в Викторину Гаеву, дочь пастуха. А Виктория даже в то время была равнодушна к нему, а теперь и подавно - была она деваха крепкая, спортсменка, надежда Олимпийского резерва, последние годы жила в Москве. Пастух, конечно, знал всю эту сердечную историю и втайне злорадствовал - так, во всяком случае, казалось Пустовойтову.

Закурив, Семен Азартович посмотрел в сторону Кеши и сплюнул.

«Да и черт с ним! - подумал, шагая к машине. - Убьют, так одним дураком будет меньше!»

Мысль по поводу снайпера, высказанная Полетаевым, понравилась главе района. Резко хлопнул дверцей джипа, Семен Азартович по бездорожью стал пробираться мимо кладбища, мимо березовой рощицы. Черный джип, издав далеко похожий на черного быка, роющего землю, то пропадал из виду, ныряя в ложбинку, то выползал наверх.

Минут через пять Пустовойтов остановился около заброшенной белой колокольни, похожей на Пизанскую башню - колокольня давно уже криво стояла над берегом тихой, полноводной реки.

7

Шоферы фуры посидели под соснами, покурили, изредка выглядывая из-за укрытия. Полетаев - несмотря на то, что пожилой - был человеком непоседливым. Он прошелся между соснами, шурша своими «кирзовыми» штанами. Вернулся к напарнику.

- Ну, и че он придумает там, на колокольне? - заговорил как будто сам с собою Митрич. - Если оттуда стрелять - нужен ба-альшой специалист!

- Он - голова района! - с ухмылкой напомнил Нинабей. - Скумекает чего-нибудь.

- Скумекает, как выпить дать, - согласился Полетаев. - Мы вот с тобой не скумекали завод прибрать к рукам, а он скумекал.

В окрестном лесу было тихо. Птицы щебетали под сурдинку. Белка между деревьями пробегала промельком - или это солнце поигрывало яркими лучами. В кустах шиповника - неподалеку - пьяный пастух похрапывал, время от времени закатывая такие дребезжащие рулады, как будто в нем все гайки раскрутились. Разношерстные коровы, оставшись без присмотра, уже далеко, широко разбрелись по кустам, по траве, жирно проступившей по всему пространству поймы, кое-где еще сверкающей водою, оставшейся от бурного половодья.

- Митрич! - Парень чумазой ладонью шлепнул себя по лбу. - Так у него же какой-то родственник совсем недавно стал мастером спорта по биатлону.

- У кого? У пастуха?

- Да при чем тут пастух! Я про Семена, про главу...

Пожилой водитель под мышкой поцарапал.

- Биат... слон? - переспросил он, показывая мелкозубую усмешку грызуна. - Биатлон? Это - как? Это - что?

- Темнота! - ругнулся Нинабей. - Ты, наверно, только в литробол играешь?

- Было дело, ага. А теперь так ни-ни! - побожился Полетаев. - Да и водка теперь - сатана. Выпьешь полстакана - дуба дашь.

- А ты не пей по полстакана. Пей по пол-литра.

- Не дай бог...

Посмеиваясь, напарник поднялся, посмотрел на опрокинутую фуру, из-под которой продолжали вытекать водочные ручейки. Одна половина широкой металлической двери лежала на земле - разбитые бутылки в траве блестели.

- Митрич! - Парень вздохнул, глядя на осколки. - Это сколько же тонн мы угрохали?

- А при чем здесь мы? - Полетаев насупился. - Лично я платить за этот груз не собираюсь. Там какой-то придурок стреляет, а мне платить? Извиняйте. Я ехал тихо, ехал аккуратно.

- Так и я платить не собираюсь. - Нинабей поморщился от водочного духа. - Какую дрянь они там производят? От нее даже резина трескается, глянть.

- Да это не от водки. Это - пулемет...

- А у нас что водка, что пулемет - одинаково сбивает наповал. - Федька достал из груды битого стекла целую, но мокрую поллитровку.

- Дурень! - крикнул Полетаев. - Уйди! Убьет!

- Ох, блин! Забыл! - Парень отпрыгнул за дерево и потихоньку начал скручивать башку поллитровке.

- Ты че? Хочешь выпить? - возмутился Митрич. - Перестань! Скажут, пьяные были! Тогда точно придется платить.

- Ну, ты же будешь трезвый, - резонно ответил напарник и покрутилazole нос горлышко открытой «Пустовойтовки». - Фу, как воняет, блин! Ее в противогазе надо пить...

- Пустомеля старается, - сказал Митрич. - Ни стыда ни совести.

- А раньше, - вспомнил парень, - «Пустовойтовка» шла за милую душу.

- Раньше! - Полетаев мелкозубо ощерился. - Раньше все было другое. И страна, и водка. И хлеб, и селедка.

Презрительно морщась, Нинабей закупорил поллитровку и отбросил - в сторону спящего пастуха.

- Будет чем похмелиться.

- Не отравить бы старика, - заволновался Митрич.

- Ничего, он крепкий. Слышишь, как храпит? Аж кусты кругом него трясутся.

Они помолчали, сидя в укрытии, покурили, скучая в ожидании подъемного крана.

- Федька, - вспомнил Полетаев, отгоняя пчелу от себя. - А почему ты спросил про этот биан... слон?

Напарник поднялся, голову осторожно высунул из-за огромной корявой сосны - посмотрел в сторону белой кривой колокольни.

- В биатлоне, Митрич, есть железное правило: там за каждый промах ты должен рысью пробежать по штрафному кругу - сто пятьдесят километров.

- Ну, ты звезданул! - Полетаев засмеялся, прикрываясь кулаком.

- Ой, правда! Чего это я? - Нинабей поправил кепку на голове. - Нет, не километров, конечно. Сто пятьдесят метров. Ну, короче говоря... - Парень глаз прищурил и руку вытянул, будто бы целясь указательным пальцем. - Там стрелки должны быть первоклассные.

- Ну? - Полетаев глянул на него небольшими, простодушными глазами. - И че дальше?

Напарник сигарету сунул в зубы.

- Ну, ты же сам сказал, что нужен ба-а-льшой специалист, чтобы с той колокольни стрелять.

Они помолчали, слушая надсадное жужжание пчел, «груженных» цветочной пылью. Кузнечики в кустах, в траве трещали. Стрекозы над поляной в воздухе дрожали серебряными сверлышками.

И вдруг тишина эта ахнула - и в стороне колокольни поднялся к небу желтовато-красный взрывной фонтан. Земля кусками полетела над пустырем - как стая черных воронов...

Дальнобойщики, сидящие под сосной, подскочили.

- Что такое? - роняя сигарету, спросил Федька.

- Вот это шандарахнуло! - прошептал Полетаев, прищуриваясь. - А кого там взорвали? Главу?

Парень помолчал, приглядываясь.

Глава района, пригибаясь, пробежал от колокольни к машине, и в ту же минуту черный джип рванул, куда подальше...

- Нет. - Федька поднял сигарету. - Живая голова. Уехал.

- Ну, слава богу. А что за война?

- Так я же говорю тебе - реконструкция военных действий.

- Да поди ты к черту с этой конструкцией! - осерчал Полетаев. - Эти шуточки с огнем до добра не доведут!

Стадо коров, испуганное взрывом, перестало выстригать молодую травку на поляне. Настороженно вскинув головы и перестав жевать, коровы стояли, смотрели в сторону белой кривой колокольни. А пастух тем временем продолжал похрапывать в голубоватой тени под кустом. И так самозабвенно он похрапывал, так вдохновенно посвистывал, трубочкой вытягивая губы в бороде, как будто играл на пастушьей сказочной свирели.

Глава четвертая

1

Мастер спорта по биатлону - Зиновий Зимин - среди спортсменов давно уже известен как Зимовий. Отец у него был военный - семья кочевала по всему Советскому Союзу. Когда Зимину было лет восемь, жили они под Новгородом, потом в Старой Руссе, а потом отца перевели в Москву. Там-то и начал Зимовий спортивную карьеру. Правда, сперва он занимался лыжными гонками, а в биатлон перешел потому, что однажды для выступлений на соревнованиях по биатлону не хватало людей. Тренер стал набирать подростков - предпочел Зимина и еще одного длинноногого гуся, который позднее «слетел с дистанции». Надо сказать, что Зимовий до этого вообще стрелять не мог - только из рогатки. Так что винтовку он осваивал с «нуля». Тренер показывал даже самое элементарное - как надо лежать, как стоять при стрельбе. Десять дней Зимовий обучался «азбуке» биатлона, затем поехал на соревнования и вдруг заявил о себе очень даже серьезно. И после этого пошло-поехало - в буквальном смысле слова. Через год он был уже серебряным призером в Финляндии. Еще через год - победа в командной гонке на чемпионате мира в Италии. На следующий год в Канаде на чемпионате мира Зимовий был третий в индивидуальной гонке - двадцать километ-ров по горам и долам, плюс пять огневых рубежей. Ну, а потом Зимовий «оперил-

ся» - вышел из юниорского возраста, стал выступать во взрослой категории. Параллельно с этими «физическими» успехами Зимовий наращивал успехи духовного плана: окончил Российский государственный университет физической культуры. И все это - между тренировками, которых было чертовски много. (А как без этого?). Он постоянно ездил по разным этапам Кубка России. Потом, как победитель этих этапов - в частности, как победитель «Ижевской винтовки» - выступал на этапах Кубка мира. После этого парня включили в сборную для участия в Олимпийских играх. Он был капитаном сборной, и команда привезла в Россию «олимпийское золото». Привезла во многом благодаря капитану - и тренер подчеркивал это, упомянув всех, кто участвовал в играх.

Зимовий получил в Москве двухкомнатную квартиру. Купил машину. Жениться думал.

Насчет женитьбы - это целая история. Как странно порою все в жизни бывает: первую свою любовь - девчонку из Новгородской области - Зимовий встретил на тренировках в Италии, в сказочно-красивом местечке Форни Аволтри. Первая любовь его тоже занималась биатлоном, так что встретиться было не мудрено. Удивительно другое. Сразу же понравившись друг другу, влюбленная парочка не сразу поняла, что эта их встреча в заснеженных итальянских горах - знак судьбы. Они уже встречались - над русской лирической рекой, где росла тогда высокая черемуха, с головы до ног «заснеженная» весенним цветом, ароматным, хмелящим.

2

График у Зимовия был довольно плотный. В эти края он заглянул всего на пару дней - познакомиться с родителями будущей жены, а заодно и детство вспомнить, окуней да карасей подергать на реке под той черемухой, где он когда-то встретил Вику, Викторию Гаеву, первую свою любовь.

Утром, когда они заговорили на эту тему, Виктория сказала, махнув рукой:
- Та черемуха давно уже засохла на корню. Да и речка засохла.

Зимовий удивленно глянул за окно, где золотился яркий солнечный лоскут реки, слегка помятой ветром.

- Как это - засохла? А это что? Мираж?

- Там теперь эта... Мам! - Виктория поморщилась, не в силах вспомнить мудреное словечко. - Мам! Ну, как ее? Что там теперь?

Моложавая, но уже седая женщина вышла из соседней комнаты. Была она вся прибрана, причесана - постаралась для будущего зятя.

- Там теперь старица.

- Во! - Виктория скуповато улыбнулась. - Старица. А речка ушла в другую сторону.

- Чудеса в решете! Ну, поедем, проверим! - предложил Зимовий, натягивая синюю спортивную куртку, на которой - и спереди и сзади - краснели буквы «RUSSIA».

Плечистая, дебелая Виктория - как многие девушки-спортсменки - была далека от сентиментальных созерцаний, казавшихся ей бесцельными и бесполезными. Зачем куда-то ехать и глазами хлопать, глядя в пустоту? Что проку с этого? Другое дело, если побегать по здешним полям и лесам, потренироваться, или матери-отцу помочь по дому, по хозяйству - это девушке было понятно, близко к сердцу.

- Ты, может, один пока прокатаешься? - осторожно предложила Вика.

- Ну, как это - один? - Зимовий брови вскинул. - А ты?

Спортсменка энергично развела сильными, неженскими руками - будто хотела комнату обнять.

- А мы пока тут с мамкой все перетрем, перетрясем.

- Доченька, да поезжай! - смутилась мать. - Я и сама тут управлюсь. Привыкла.

- Вот уеду, и снова тут будешь сама! - решительно сказала дочь, закатывая рукава.

Промолчав, Зимовий сделал вид, что недоволен, хотя, если честно сказать, парню давненько хотелось побыть одному - после каторжных тренировок, после многочисленных болельщиков, толпами стоящих вдоль биатлонной трассы, после отелей, самолетов, пресс-конференций и прочей бодяги, отнимающей время и силы.

- Ну, ладно, - как бы нехотя согласился он, застегивая молнию на куртке. - Сгоняю ненадолго. Если шурин мне доверит свой «perpetuum mobile».

Шурин - брат жены, мрачноватый с виду, малоразговорчивый мужик - шарил по карманам телогрейки.

- Перпетум шнобиле? Прошу не выражаться в нашем доме! - сказал он, шутя, и отдал Зимину ключи от машины. - Это, конечно, не твой «мерседес», но для наших колхозных дорог - само то.

Вышли во двор, прошитый муравью. Шурин распахнул широкие тесовые ворота.

- А что? Вполне приличная карета! - оценил Зимин, оглядывая старенькие «жигули», стоявшие в дальнем углу. - Как с бензином, Шурик?

- Нормально. - Одной рукой приподнимая серую фуражку, Шурик другою рукой озабоченно поцарапал загривок. - Слушай, Зиновий! А может, мне с тобою прокатиться? А то как-то неудобно получается - хозяева бросили гостя.

- Ничего, - успокоил спортсмен. - Гость - не маленький мальчик.

- Нет, ну все-таки... - Шурин сел за руль, из окошка выглянул. - Мы же с тобой ненадолго? Ну, вот и хорошо. Садись. Погнали.

3

Старица - или староречье, старка - находилась в полукилометре от районного центра. Высокой той черемухи - памятной черемухи из детства - там даже близко не было. Поначалу старица с рекой соединялась только в половодье, а затем - год за годом - старка стала постепенно зарастать травой, кустами; там образовалось жирное болото, в котором «буксовала» здешняя скотина, а порою даже гибла, не в силах выбраться. Но время подсушило почву, подлечило, и на этом месте появился сырой зеленый луг, по весне зарастающий высокой, крепкой таволгой, на которую домашний скот не очень-то позарится.

Выйдя из машины, парень постоял на зеленом плоском бугорке.

- Вот и все, что осталось от берега, с которого когда-то было жутко прыгать! - подытожил он, притопнув ногой.

- Было дело, прыгали. - Шурин мрачновато усмехнулся, выходя из машины. - Я даже труссы тут потерял однажды.

- Это как же так ты умудрился?

- Ну, как? Нырнул в трусах, а вынырнул без них. А на берегу девчонки, пацаны. Вот покрутился я тогда, как змей на раскаленной сковородке. Потом дружок мой притащил рубаху да штаны. Я отплыл подальше, там оделся.

Они побродили по бывшему берегу, поросшему какими-то чахлыми кустиками.

- Вот так-то! - вздохнул Зимовий. - Все течет, все меняется, как сказал премудрый Екклесиаст. А прошло-то всего ничего. А ежели пройдет сто, двести, триста лет? Даже трудно представить, что тут может быть, чего не может.

- Да ничего особенного, - закурив, спокойно сказал шурин. - Вон Господин Великий Новгород - столько он веков уже стоит?

- И то верно! - согласился Зимовий. - Говорят, что слово «новгородцы» впервые упоминалось в летописи 859 года.

- Не знаю, не читал, а только факт есть факт: природа с тех пор не сильно изменилась кругом Новгорода.

Ладонью подрубив лучи восходящего солнца, шурин посмотрел на северо-восток, где по его представлениям должен был находиться Новгород, на протяжении многих веков служивший серьезной защитой для северных и западных границ Древней Руси. Но кроме дымки над полями и над лесами в эти минуты ничего нельзя было увидеть - далеко до Новгорода.

- А почему же здесь так получилось? - Зимовий показал рукой на старицу.

- Скорей всего, что мусором забили родники. Здесь одно время свалку устроили.

- А! Ну, понятно тогда.

Шурин затоптал окурок, сплюнул под ноги.

- Что? Погнали дальше.

Промолчав, Зимин подумал, что лучше бы ему одному прокатиться по этим местам.

- Ладно, Шурик, погнали.

Дальше дорога стелилась вдоль берега реки, «убежавший из детства» - основное русло протекало теперь между березами, соснами. Плугами стальных ледоходов и силами сверкающих веселых вешних вод - километрах в четырех от районного центра - река распахала участок земли так, что появились небольшие острова, на которых можно было бы прекрасно отдохнуть.

- Только тут нужна лодка, хотя бы резинка, - рассуждая на эту тему, говорил Зимин. - Можно с утра переплыть, развести костерок, котелок для чая подцепить, удочку закинуть в тихий омут, где все черти водятся - вот был бы отдых, рядом с которым и Канары и Гавайи отдыхают.

Неожиданно затормозив, шурин вдруг предложил:

- А давай мы так и сделаем? Ну, а что, в самом деле? Вы когда еще с Викой приедете?! Выходи. Я сгоняю домой, резинку возьму - у меня отличная надувная лодка. Вику возьму.

- Не согласится.

- Никуда не денется. Поедет.

Выйдя из машины, Зимовий засмеялся, растерянно пожимая плечами. В кармане у него была дорогая заграничная зажигалка - курить - не курил, а с огнем постоянно почему-то баловался.

- Ну, давай! - сказал он, чиркнув зажигалкой. - Я только «за».

Шурин лихо развернулся и поехал в сторону села - только пыль веревочкой завиваться стала по-над дорогой. «Во, какой решительный мужик!» - с удовольствием подумал Зимовий; ему такие нравились; не каждый был способен принимать решения по принципу «приятного сюрприза».

Коротая время в ожидании, Зимин трусцой побегал по берегу, «покувыркался» на толстых березовых и сосновых сучьях и ветках, используя их в качестве брусьев и турника. Изредка поглядывая в сторону села, Зимовий думал: «Скорей всего, один вернется шурин. Не уговорит он Вику. Упертая деваха. Ну, а как иначе? Только с таким характером и выйдешь в мастера».

Под руку опять подвернулась заграничная зажигалка, и Зимовий решил запалить костерок. Наломал сухих веток, трещавших как макароны. Нагрел сухой прошлогодней листвы. «Только надо поосторожней! - подумал он, глядя по сторонам. - Вон тут сколько горелого лесу. Весенние палы, видать, полыхали. А может быть, горе-туристы, теперь этих чертей полно везде и всюду».

И вдруг - между стволами берез недалеко - он заметил милицейскую машину.

4

Всякий человек, имеющий возможность путешествовать по разным странам, бессознательно принимает правила чужой игры, чужой страны. Русский турист, например, поневоле становится более вежливым, законопослушным. Зимовий на всю жизнь запомнил одну историю, которая приключилась в Германии, куда он приехал на очередные соревнования на Кубок мира. Случилось это не с ним, а с одним туристом из России, который стоял на площади, курил и ждал автобуса. (Зимин со стороны наблюдал). И вот, когда автобус подошел, русский турист хотел окурочку выбросить, но урны рядом не оказалось, и тогда - воровато посмотрев по сторонам - парень выбросил окурочку на асфальт и вознамерился войти в автобус. Однако не успел он и шагу сделать, как увидел полицейских перед собой - возникли, черти, как из-под земли. Суровые стражи порядка потребовали поднять окурочку. Пока русский турист поднял чинарик, пока отнес его к ближайшей урне, - автобус уехал. Зимин этот случай запомнил еще и потому, чтоб никогда самому не оказываться в подобной щекотливой ситуации, связанной со стражами порядка.

Вот почему, когда возле костра остановился «черный воронок», Зимин себя почувствовал как тот русский турист, бросивший окурочку посреди чистоплюйской Германии.

Из машины вышли два крепких парня, упакованные по полной программе: бронежилеты, автоматы.

- Молодой человек, - обратился к нему старшина с темно-зелеными глазами. - А вы знаете, что на территории не только нашего района, но даже нашей области огонь разводить категорически запрещено?

- Знаю, - смущенно сказал Зимин, пряча в кулаке зажигалку.

- Так в чем же дело? - спросил старшина, присаживаясь на корточки возле огня.

- Соскучился! - признался Зимовий. - Давно уже не был на родине.

- Бывает, - согласился милиционер, поправляя автомат. - А сами-то откуда?

- В Москве теперь живу. А раньше - здесь вот... - биатлонист глазами обвел округу.

- А как ваша фамилия? Зимин? Зиновий Зимин? Мастер спорта?

Милиционеры как-то странно переглянулись.

- Вы костерок-то погасите, погасите! - необычайно ласково посоветовал старшина.

- Да, конечно! - Зимин затоптал огонь, поднимая копоть и сажу, полетевшую на обувь, на спортивные брюки.

Старшина с темно-зелеными глазами закинул автомат за спину.

- Ну, так что будем делать, товарищ Зимин? Или господин? Как вам угодно?

- Да мне хоть как... - Зимовий задвигал желваками, напряженно глядя на милиционеров.

- Короче, так! - в приказном порядке проговорил старшина. - Придется проехать!

- Да что уж я такого-то... - пробормотал Зимин, пряча в карман зажигалку.

- Вы ничего такого, - тихо согласился старшина. - И все-таки придется. У нас приказ.

- Мужики! Да бросьте вы! - Биатлонист растерянно улыбнулся. - Тоже мне - поймали преступника! Что? Делать нечего, что ли?

Несколько неуважительный тон задел милиционеров.

- Ну, все! Пошли! - Два мордоворота «нежно» сгребли Зимина под микитки. - Пошли!

- Иду, - сдержанно сказал спортсмен. - Только вы, пожалуйста, руки уберите!

Милиционеры неожиданно послушались. (Они вообще вели себя несколько странно, подсознательно отметил Зимин.)

- Прошу! - с вежливой улыбочкой пригласил старшина, вытягивая руку в сторону «черного воронка». - Не обижайтесь, но у нас такой приказ.

В голове Зимина промелькнула шальная мыслишка - он бы, конечно, запросто мог убежать от этих толстопузых милиционеров, которые и знать не знали, что такое двадцатикилометровая индивидуальная гонка - старейшая дисциплина в биатлоне. Но Зимину - мастеру спорта, олимпийскому чемпиону - стыдно было бегать от милиции, тем более что ничего преступного он не сотворил. «Ну, развел костер - и что? Делать нечего, вот и катаются по полям, по лесам, ловят «самых страшных преступников». Сейчас приедет шурин, не найдет меня, начнется паника. Отдохнул, называется».

Так думал он, сидя уже в «черном воронке», лихо мчавшимся по полям, по перелескам - в сторону Миролюбихи.

- Стоп! - спохватился Зимин, присматриваясь. - А куда мы едем, мужики? Вы что, заблудились? Райцентр - это же в другую степь!

Поворачиваясь на переднем сидении, старшина улыбнулся ему.

- Вы не обижайтесь, но у нас приказ.

- Да какой приказ? Что за фигня? - Зимин стал раздражаться. - Я что-то вас не пойму. Что случилось? Зачем вы меня сграбастали? Что я такого-то сделал?

- Да вы-то ничего, там кроме вас наделали! - сбивчиво стали рассказывать милиционеры. - Дело у нас государственной важности. Вы - Зимин? Зимин. Вы мастер спорта? Ну, вот. Все правильно. Глава района - дядька ваш - срочно приказал вас найти и доставить.

Зимин присвистнул от удивления.

- А сразу не могли сказать?

- Так вы бы сразу, может, и не согласились. Костерок-то развели не на пять минут. Правильно я говорю? - спросил старшина, поправляя кобуру на пузе.

У Зимина со своим дядькой были натянутые отношения. «Спортзалы надо строить, а не развивать ликероводочные заводишки» - вот был главный камень преткновения между мастером спорта и главой района.

- Да, - признался биатлонист, - добровольно вряд ли я поехал бы. А что у вас там? Что за срочность такая?

- Да там один мужик затеял бойню...

- Где? Какой мужик? - Зимин посмотрел по сторонам. - И при чем тут я, в конце концов?

- Ну, все эти вопросы - это уже не к нам. Это вам глава района объяснит. - Голос старшины вдруг стал не просто мягким, но даже маленько заискивающим. - Только вы не сердитесь, пожалуйста, что мы вот так вот вас - под белы ручки. Нам же надо было поскорей.

5

Биатлониста привезли на место боя. Милицейская машина остановилась в укрытии за деревьями, откуда вышел Пустовойтов в черном костюме, белой рубашке с галстуком, сверкающим дорогой заколкой. Строгий этот наряд был немного подпорчен - плечо пиджака будто испачкано известью (прислонялся к березам). Белая сорочка на воротнике чернела кривой полоской, новые, недавно сияющие туфли смотрелись уже как старье, избитое на кремнистых дорогах.

Подойдя к племяннику, Семен Азартович, крепко пожав ему руку, вкратце изложил суть дела.

- Выручай! - Глава района кивнул подбородком. - Видишь, что тут творится?

- Дядя! Я что-то не очень тебя понимаю, - признался племянник.

- А что тут понимать? Какой-то псих засел на чердаке и поливает из пулемета. - Пустовойтов торопился, нервничал и потому, должно быть, взял неверный тон. - Ты что, не видишь? Разуи глаза! Или тебе надо, чтоб горы трупов громоздились по всей дороге?

- Мне это не надо, дядя, - сказал спортсмен, машинально вынимая из кармана заграничную зажигалку. - А тебе что надо от меня?

Пустовойтов закурил и машинально протянул пачку племяннику. Парень молча отказался, пряча зажигалку в карман.

- Давай в сторонку отойдем, - глубоко затягиваясь, предложил Пустовойтов, покосившись на милиционера, стоявшего неподалеку.

Они отошли к трем раскидистым соснам, стоящим наособицу.

- Значит, смотри, племяш. План вот какой. - Пустовойтов показал на легковушку в кустах. - Сейчас ты садишься в машину, и тебя обходными путями привозят на колокольню. Там тебя ждет винтовка с оптическим прицелом. Хорошая винтовка. Классная, можно сказать.

- Винтовка? На старой колокольне? - удивился Зимин. - Откуда она там? С Гражданской войны?

- Сюрприз хотел сделать, - признался Семен Азартович. - Купил тебе в подарок, когда узнал, что ты за границей золото выиграл.

Измученно покачав головой, племянник хотел рассказать, что выбор винтовки для стрельбы в биатлоне - это целая наука. Два года назад личный тренер Зимина специально ездил в Германию в город Ульм на завод фирмы «Anschutz», где производят винтовки. Там из нескольких десятков оружейных стволов - в соответствии с определенными требованиями - сначала отобрали два лучших ствола. Потом - самый лучший. А потом московский Комитет по физической культуре, спорту и туризму перечислил в Германию деньги - и деньги немалые. Потом эту стандартную винтовку Зимин подпихивал, подлаживал под себя. Дядя вряд ли знал всю эту «кухню»; купил, наверно, что подвернулось под руку, что подешевле - на уток охотиться.

- Спасибо, конечно, - без особого энтузиазма поблагодарил Зимин. - Только зачем эти хлопоты?

- Сюрприз, говорю, хотел сделать. - Пустовойтов глубоко вздохнул. - Думал тебя в гости пригласить и там вручить. В торжественной, так сказать, обстановке. А получилось вон как - в боевой обстановке. Ну, кто бы подумал? Давай, племяш! Давай! Оттуда его можно запросто снять. Я уже ездил, проверял.

- Кого? - Племянник нахмурился. - Кого ты хочешь снять?

- Преступника! - Разгоряченный Пустовойтов с трудом сдержался, чтобы не накричать на тупого племянника. - Надо его срочно обезвредить! Пони-маешь? Иначе тут будет... как на Курской дуге! Отряд из города - когда еще приедет. Да и нету у них мастеров. Ты же их всех переплюнешь. Выручай, племяш! Давай, пока он тут не накрошил капусты!

- А кто там? - спросил Зимовий, оборачиваясь.

- Да черт его знает! - Пустовойтов резко поправил галстук. - Вроде бы стреляют из дома Стародубцева...

- А мне сказали, что Стародубцев должен быть сейчас в Москве. Награду получает...

- Должен, должен! - Пустовойтов сплюнул, посмотрев на бензовоз. - Видишь, как он геройствует? Давай скорей в машину! Тут каждая минута дорога!

Напрягая желваки на широких скулах, Зимин решил сказать, что он спортсмен и стрелять по человеку не намерен, но в это время вдалеке снова где-то заработал пулемет, раскидывая дробное эхо по окрестности. С деревьев полетели ветки, посыпалась кора.

Пустовойтов и Зимин испуганно притихли, оказавшись возле одной и той же сосны - только с разных сторон. Посмотрели друг на друга и отвернулись.

Зимин в это мгновенье мрачно усмехнулся: «Вот это он придумал! Ну, не дурак ли?»

И Пустовойтов запоздало спохватился: «Эх, не надо было привозить его!»

Семен Азартович уже и сам прекрасно понимал, что спорол горячку, но кипучая натура его ни минуты не могла находиться в «простое». Вызвав племянника «по тревоге» и вскоре осознав, насколько это глупо - заставлять мастера спорта стрелять не по мишени, а по живому человеку - твердолобый Пустовойтов не думал отступать. Не привык он пятиться, не тот характер.

- Ну? - выходя из-за сосны, спросил Пустовойтов. - Теперь ты понял, чем тут пахнет?

- Понял, - многозначительно ответил Зимовий, продолжая стоять за сосной. - Уголовным кодексом тут пахнет, дядя. Ты под статью меня собрался подвести?

- Я всю ответственность беру на себя! - Пустовойтов кулаком постучал по галстуку. - Я тут - глава района, а не хрен собачий!

- Ну и стреляй тогда сам! - Зимин повысил голос. - А я не буду!

- Значит, по другой статье пойдешь! - Пустовойтов тоже повысил голос.

Племянник растерялся.

- По какой это другой?

- А как пособник!

- Ха! - Зимовий сплюнул в сторону. - Смеешься, дядя?

- Ага. Теперь самое время. - Глава района стряхнул с пиджака мелкую сосновую кору. - Я ж тебя прошу как человека.

Зимовий тяжело вздохнул.

- В том-то и дело, что я - как человек - не могу в человека стрелять. Не обучен.

- А ты стреляй в мишень.

- Дядя! - Биатлонист неожиданно улыбнулся. - Как ты не поймешь? Стрелять с дистанции в пятьдесят метров по электронной мишени - это одно, а стрелять с дистанции в один километр по живому человеку...

Перепалка эта длилась несколько минут. Потом Семен Азартович растратил свой пыл. Устало вздыхая, он вышел из-за деревьев и озабоченно уставился в ту сторону, откуда должна была приехать районная милиция.

Облако пыли порой поднималось под берегом - видно, там пробиравлась машина.

- Ну, так что? Назад поедешь? У костерка будешь сидеть? - угрюмо спросил Пустовойтов. - Или, может, все-таки прокатишься до колокольни?

- Да уж какой костерок, - вслух подумал Зимин, чиркая зажигалкой. - Теперь уж покоя не будет. Ну, ладно, прокачусь до колокольни. Только так - для интереса. А потом пускай меня отвезут, куда я им скажу. Договорились?

- Ну, ясное дело. Давай, племяш, не подкачай. Я все беру на себя!

- Погоди. Я ничего не обещаю.

- И не надо, племяш, время дорого! - Семен Азартович обнял спортсмена, одетого в фирменную куртку с надписью «RUSSIA» на спине и на груди. - Тебя обнимаешь теперь - как будто всю Россию берешь в охапку - от Мурманска до Владивостока! - пошутил глава района, провожая Зимина до машины. - Ну, все, племяш, ни пуха ни пера.

- Иди ты, дядя, к черту!

Глава пятая

1

После Первой и Второй мировой войны многие поляки, принимавшие участие в боях, стали добавлять к своим фамилиям военные прозвища. Новая эта традиция - наряду с традициями старыми - послужила еще одной причиной возникновения в Польше довольно большого количества двойных фамилий. Так появились гордые Бой-Белоцерковские. Но позднее, когда семья поляков - в силу разных причин - оказалась на русских просторах, то супруги Бой-Белоцерковские со временем утратили свою «боевитость», сохранив ее, однако, в гордой крови и сполна передав по наследству: у них был единственный сын Бронислав.

В Московской школе милиции, где Бронислав учился на «хорошо» и «отлично», друзья и товарищи знали, что его полная фамилия Бой-Белоцерковский, и поэтому частенько подшучивали: ты не Бронислав, ты - Бронебой.

После окончания школы милиции карьера Бронебая сложилась на редкость удачно; многие из тех, с кем он учился, ходили еще под мелкими звездочками лейтенантов, а он уже - под крупной звездой майора.

Звание полковника Белоцерковский получил как подарок на сорокалетие - так совпало по судьбе, по службе. Получил не за красивые глаза - отличился при задержании особо опасного рецидивиста.

В сорок три Белоцерковский стал начальником районной милиции.

За четыре с половиной года своей кропотливой работы Белоцерковский многого добился. Раньше райотдел милиции ютился в деревянном двухэтажном доме барачного типа. Много раз полковник ездил в область - стоял на строительстве нового здания. И вот оно теперь, в центре села - кирпичное, светлое, просторное, с кабинетами, где сотрудники не сидят на голове друг друга, а в коридорах люди не пишут заявления на коленках. Кроме нового здания районной милиции появился новый автопарк, новые виды вооружения. Уровень преступности в районе снизился до рекордной отметки - на всех совещаниях и заседаниях отмечали Бой-Белоцерковского. «Вот это Бой так Бой! - говорили в курилках. - Если бы все мы дали такой бой преступности, так давно бы уже наступил коммунизм!» Однако наступила демократия, и после этого - после разрухи СССР - уже не только по

районам, а по всей стране покатылся такой беспредел, который ни полковникам, ни генералам невозможно было остановить.

«И вот вам результат, - угрюмо думал Белоцерковский, - пулемет молотит среди бела дня! Это куда годится? Все, полковник! Все! Бери шинель, иди домой!»

2

Направляясь к месту происшествия, Белоцерковский твердо решил, что будет рапорт подавать об увольнении. Лучше уйти самому, нежели с позором, с треском выгонят, а все уже давненько шло к тому; в ноябре прошлого года на заседании Совета безопасности губернатор области довольно жестко раскритиковал работу правоохранительных органов, обвиняя их в отсутствии профессионализма и в неспособности контролировать ситуацию - на то были причины.

Легковая машина, в которой находился начальник милиции, неожиданно свернула в лес - так ехать было дольше, но безопаснее.

И опять Белоцерковский углубился в невеселые размышления.

«Рапорт подать - это завтра. А сегодня главное - не допустить кровопролития. И хорошо бы, конечно, управиться своими силами. Хотя МВД уже в курсе, наверное. Пустовойтов постарается сделать все, чтобы выставить милицию недееспособной. До президента как бы не дошло. Тогда вообще - караул!»

Белоцерковский был из категории тех редкостных людей, которые как будто бы рождаются в погонах - военная косточка. Этот гордый поляк имел обостренное чувство собственного достоинства, чувство офицерской чести. Собственно, поэтому и произошел у них конфликт с главой района.

Семен Азартович однажды «захотел стать «главнокомандующим» - так потом рассказывал полковник. Пустовойтов попытался всю районную милицию подмять под себя. Вы, дескать, должны выполнять все мои приказания - в такой прозрачной форме глава района обозначил свою позицию в частной беседе вскоре после победы на выборах.

- Мы вам ничего не должны! - ответил тогда начальник милиции. - Вы же знаете наш девиз: «Служа закону - служу народу!»

Вот с тех пор у них и начались трения всякого рода - и по пустякам, и по-крупному. И сегодняшнее это ужасное «ЧП с пулеметом» Пустовойтов, конечно, может использовать для устранения начальника милиции. Хотя, разумеется, и самому главе района не поздоровится, и лучше всего было бы замять это ЧП на уровне области.

«И все-таки отставка неминуема! - решил гордый поляк. - Уеду на родину, в Белую Церковь. Правда, там сейчас хохлы командуют парадом, к ним без хорошего куска сала теперь не подступишься. Но и здесь оставаться - что делать? Водочным заводиком я не обзавелся, как некоторые...»

Выйдя из машины, Белоцерковский с неприязнью посмотрел на фигуру главы района, в позе Наполеона стоявшего неподалеку - на безопасном бугорке.

3

Пулемет молчал уже несколько минут, и округа стала оживать голосами дроздов, клестов. Над головками цветов закружились пчелы. Стрекозы, бабочки запорхали над зелеными полянами. Кукушка в боровой глуши размеренно «годы считала». По синему, почти безоблачному небу, несколько ворон пролетели в сторону убитого лося, у которого кто-то уже умудрился голову с рогами открутить. Кроме картавых ворон, жирующих на свежей туше сохача, были там и собаки - тощие, бродячие, похожие на волков, злобно сверкающих голодными глазами.

Белоцерковский смотрел в бинокль, изучая обстановку.

По-над крышей, откуда стреляли, засинел пороховой дымок, истончаясь на ветру и пропадая.

- Ну, и что там у него? Патроны кончились? - напряженно спросил Пустовойтов, подходя к начальнику районной милиции.

- Может, кончились, а может, перекур. - Полковник протянул бинокль. - Посмотрите.

- Да глаза бы мои не глядели! - хмуро ответил Семен Азартович и отошел от полковника, чтобы через минуту вернуться, спросить: - Ну, так что? Когда вы штурмовать намерены?

Полковник пожал плечами - погоны встопорщились.

- Ждем приказа.

И опять глава района отошел от него. Хотел закурить, но вернулся, покусывая губу.

- Ждете, когда он здесь трупов наделает?

- Нет. Я же сказал: мы ждем приказа. Мы люди военные. И вообще... - Белоцерковский из-за укрытия посмотрел на треугольную «пилотку» чердака, темнеющего вдаль. - Во время штурма могут быть жертвы, как с той стороны, так и с этой.

Пустовойтов закурил.

- Ну, то, что будет с той стороны, меня не волнует, - признался он, пряча руки в карманы. - Этот герой тюрюгу себе уже схлопотал!

- Откуда вам известно, что там герой? Стародубцев должен быть в Москве.

- Да, в конце концов, не важно, кто там! - Пустовойтов еле сдерживал гнев. - Этот придурок сядет - без вопросов! А может, и под вышку подойдет, если вы тут будете телиться.

Полковник строго зыркнул на него.

- Во-первых, выбирайте выражения. А во-вторых, при чем здесь мы?

- А кто?

- Москва. Москва. Как будто вы не знаете.

Вдруг давая волю раздражению, Пустовойтов презрительно хмыкнул:

- А без Москвы нам тут уже ни чихнуть, ни пукнуть, да?

Надвигая фуражку на брови, полковник спросил:

- А у вас, должно быть, грипп? Или газы, простите, замучили?

Глаза Пустовойтова яростно вспыхнули. Он потискал кулаки в кармане. Медленно сплюнул окурок с губы.

- Слушай, полковник... Я что-то не понял... Что ты хвост распушил? Ты, может быть, уже обрадовался, что меня могут снять из-за этого ЧП? Или ты, может быть...

- Попрошу не тыкать! - Гордый поляк посмотрел ему прямо глаза. - Мы с вами водку не пили, детей не крестили.

- Ага! Значит, обрадовался? Да? Обрадовался! - почему-то решил Пустовойтов. - Я так и знал! Только рано, полковник. Рано.

Глубоко вздыхая, Белоцерковский поправил фуражку.

- Нужно быть дураком, чтобы радоваться по такому печальному случаю.

Глава района рот разинул, собираясь что-то сказать, но полковник резко развернулся на каблуках - дырки в песке провертел - и широким шагом отошел к своим подчиненным, стоящим в отдалении под прикрытием сосен.

За дорогой стало слышно пенье ручейка, бегущего вприпрыжку по железобетонному желобу. Вдалеке трещал горящий березняк, передавая пламя другим деревьям: рыжий огонь белкой прыгал уже по сосне и, подминая под себя вершину, тянулся на ветру - перемахнуть на соседний смолою пропитанный ствол.

Где-то в глуши заболоченных мест заволновались лягушки, прыгая по широким листьям кувшинок, хрипловато квакая и плюхаясь в воду. Кукушка - теперь уже поблизости - голос подала и смолкла, не доверяя тишине, пропахшей прогорклым дымом. За рекою где-то дятел застучал по сухому дереву. Жизнь брала свое, хоть стреляй, хоть жги ее, а все равно - поет, цветет и пахнет.

- Это я скажу тебе, как на войне, - рокочущим басом заговорил Святослав Капитонович Рукосуев, поправляя охотничье ружье, закинутое за спину. - Там как только чуток передышка в лесу после боя, так соловей-разбойник тут как тут - начинает наяривать.

- Да там-то хоть понятно, там война, а тут... - Белоцерковский брови сдвинул. - Кто там партизанить вздумал?

- Командир, а ну-ка! - попросил Рукосуев. - Дай-ка посмотреть твой телевизор.

- Бинобль? Ну, держи, Капитоныч.

- Ишь ты, какая причуда. - Рукосуев осмотрел новую военную «причуду» в камуфляжной раскраске, хорошо прорезиненную, изящно сработанную из каких-то легких ударопрочных полимеров. - Солидная штукенция. На фронте, я скажу тебе, не было таких, - пробормотал он и зачем-то заглянул в бинокль с обратной стороны: небо над дорогой с овчинку показалось.

- Не ту программу смотришь в телевизоре, - закуривая, заметил Белоцерковский.

Фронтвик, сосредоточенно сопя, приложился к лупоглазым, прохладным окулярам, покрутил ребристое колесико, наводящее резкость и удивленно прищелкнул: на стекла Цейса была нанесена угломерная сетка с дальномерной шкалой - для измерения расстояния до объекта, если известны его размеры.

- А где тут резкость наводить? - спросил фронтвик.

- Да вот же, под пальцами.

- Понял. Есть такое дело.

Сначала перед глазами Рукосуева закачался темный стебель чертополоха - большой, размытый, затем такие же размытые серые стога поплыли по-над берегом, размазанные сосны - все смотрелось так, как будто Рукосуев поллитра водки выпил. Потом, когда резкость наладилась, он стал внимательно рассматривать сельские крыши, сеновалы, на которых копошились куры, огороды, старые сараи - все то, что могло быть укрытием для «партизана», засевавшего за пулемет.

- Ну, как? - поторопил полковник. - Сориентировался? Чья это изба?

- Какая изба? Их тут много...

- Крайний дом. Кто там живет? Стародубцев?

Святослав Капитонович посмотрел на избу фронтвого товарища и ничего подозрительного не заметил. Окуляры бинокля скользнули по берегу, примыкающему к огородам. И тут произошло невероятное: над берегом - в виде черно-красного фонтана - поднялся мощный столб воды около катера и золотисто-черные клубки огня показались такими близкими, что Рукосуев приглушенно вскрикнул и отшатнулся, растопыривая пальцы.

Полковник едва успел поймать вспорхнувший бинокль.

- Ни черта себе! - прошептал он, бледнея. - А это еще кто там?

Взрывная волна, прокатившись по берегу, воду в реке взъерошила. Черная стая ворон и галок закружилась над огородами и врассыпную полетела на все четыре стороны.

Капитоньчу стало неловко за свой испуг.

- Ну что? - хмуро спросил он. - И при чем тут Стародубцев?

- Да, пожалуй, - нехотя согласился полковник. - Там, скорее всего, не один человек.

- Там, скажу я тебе, целый отряд партизан, - мрачно пошутил Рукосуев. - Вот она, ваша реконструкция военных событий. Накликали.

- Лично я не кликал, Капитоньч. Мне эта мыслишка сразу не понравилась.

- А кто? Пустовойтов?

- Он тоже был против, насколько я знаю.

Ветер, дующий от реки, принес тошнотворный запах тротила, заставивший фронтовика скривиться так, как будто у него одновременно все зубы заболели.

- На понюх не могу я терпеть эту дрянь! - сказал он, сгибая руку в локте и зажимая нос. - Как понюхал однажды на фронте, так до сих пор с души воротит!

Отвернувшись, Рукосуев отошел от полковника. Постоял за деревьями, глядя в сторону взрыва. Головой в недоумении покачал. Откровенно говоря, у него сначала были подозрения по поводу Степана Солдатеевича, у которого после контузии, говорят, не все было в порядке с головой. Рукосуев знал, что фронтовой товарищ собирает по лесам оружие, «консервирует» его на чердаке. Но откуда эти взрывы? Поначалу рвануло на северной стороне - в районе колокольни. Потом под берегом - на юго-восточной стороне. Кто там шалил так сурово? Как будто взаправду целый отряд партизан.

5

Стародубцев - матерый, опытный солдат - давно уже мог заменить целый отряд партизан.

Много лет тому назад, когда основные работы по строительству дома закончились, Степан Солдатеевич стал заниматься такими «мелочами», о которых предпочитал не говорить даже с закадычными друзьями. Он понимал, что делает «что-то не то», но удержаться не мог - фронтовая привычка стала второю натурой.

На чердаке он сделал четыре окна - на все четыре части света - оборудовал там пулеметные гнезда. Из погреба, напоминающего бункер, на все четыре стороны уходили рукава подземных переходов, один из которых выныривал возле реки, другой - за огородами, а третий и четвертый - в ближайшем сосняке.

Иногда по ночам Стародубцев спускался в бункер и, проверяя состояние подземных переходов, уходил из дому. Сидел на берегу реки, курил, по фронтовой привычке скрывая в рукаве или в ладонях огонек папиросы, который мог бы стать мщением для «ангела смерти» - немецкого снайпера.

Кругом все было тихо. Теплая вода в реке едва журчала. Безбрежно, безмятежно помигивали звезды над землей. Пахло травами, цветами. Казалось бы - живи да радуйся. Ан да нет!

В глубине души он сомневался в надежности русского мира, в ясности русского неба над окрестными полями, над лесами. В темноте он как зверь,

поводя тугими волосатыми ноздрями, чуял сладковатый запах тления, струящийся из бора, в котором все еще прели, догнивали останки Второй ударной армии, попавшей в мясорубку 1942-го года в ходе Любанской операции. Вторая ударная в ту зловещую зиму предприняла попытку прорваться к осажденному Ленинграду, а немцы - не будь дураками - взяли всю Вторую ударную армию в клещи, посадили в котел, оставив только узкий коридор, который насквозь простреливался. Почти полгода без жратвы, без боеприпасов, без медикаментов Вторая ударная в этом бору полегла в таком катастрофическом количестве, что не хотелось даже эти цифры помнить, чтобы с ума не сойти. Именно там, в бору, командующий армией генерал Власов сдался в плен и встал под знамя Гитлера, чтобы воевать с большевиками.

Нет, к сожалению, не было мира в душе Стародубцева; было перемирие, тревога - и это ощущение оказалось верным накануне праздника Победы, когда вдруг в темноте за рекой или в соснах закопошились «викинги», а может, власовцы или черт их знает, кто там был.

...И вот тогда, когда на чердаке перегрелся один пулемет, а второй вдруг заклинило - патрон пошел наперекос - тогда он вспомнил о своих подземных переходах и оказался недалеко от белой кривой колокольни, возле которой остановился черный «джип» главы района. Степан Солдатеич не собирался причинять никакого вреда Пустовойтову. Нет. Зачем? Все было куда как «проще». Черный «джип» - угловатый, большой, богато оснащенный противотуманными и другими фарами - показался жутко похожим на силуэт «фердинанда». И Стародубцев наверняка взорвал бы тот проклятый «фердинанд». Только годы уже у бойца были далеко не молодые, и силушка в руках была не та. Связка гранат, которую метнул он в сторону «фердинанда», просто-напросто не долетела. Так что Пустовойтову крупно повезло. Он отделался легким испугом, а новый «джип» его отделался двумя-тремя царапинам на крыле, на капоте.

А второй могучий взрыв на берегу - это уже браконьерам досталось.

Стародубцев давно полюбил рыбалку у себя за огородом - укромное, пригосее местечко. Сидя за удочкой, покуривая, созерцая воду и небеса, Степан Солдатеич отрешался от горестных дум и настраивал душу на философско-лирический лад, мало заботясь о том, поймает ли он что-нибудь, нет ли. А уж когда он поймал, да такую громадную рыбину, что многие стали завидовать - тогда его израненное сердце капитально попало на рыболовный крючок. Случилось это много лет тому назад - громадный сом тогда ему попался. Рыбаки постоянно руками разводят, когда начинают рассказывать о своих непомерных уловах. Но тут - извините, подвиньтесь! - без этого невозможно было обойтись. Длина сома была - ни много, ни мало - два метра двадцать сантиметров. И потянул он - под шестьдесят килограмм. Степан Солдатеич закопчил тогда громадного сома и почти всю зиму от него «откусывал», вспоминая знатную рыбалку, про которую даже в областной газетке пропечатали. Правда, больше такой рыбины ему не попадалось, но интерес к рыбалке в душе его долго трепетал, горел золотым азартным огоньком. И только в последние годы огонек этот стал угасать, потому что браконьеров развелось больше, чем рыбы в реках и озерах. Ни раз, ни два уже за огородами - в предвечерних сумерках или раноутренних - Степан Солдатеич видел современные катера, оборудованные и оснащенные по последнему слову техники. Рыбаки на этих катерах были, как правило, наглые, уверенные в своей безнаказанности, с головы до ног вооруженные. Рыбу они ловили сетями, не стесняясь даже перегораживать реку. И не стеснялись они рыбу глушить всеми теми видами «глубинных бомб», какие

только были под руками. И не дай бог случиться рыбнадзору на пути таких рыбаков. Чтобы уйти от штрафа в несколько тысяч рублей - браконьеры были готовы на убийство.

В то утро на реке - километрах в десяти от Миролюбихи - разыгралась такая драматическая история, которая грозила перерасти в трагедию. Областной рыбнадзор почти поймал с поличным браконьеров. Почти - потому что «близок локоть, да не укусишь». Рыбнадзор готов был схватить браконьеров за жабры, да только мощность моторов у них была разная - у тех, кто призван охранять реки и озера, и у тех, кто грабит реки и озера.

Нахально «сделав ручкой» рыбнадзору, остроносый катер браконьеров стал уходить по реке и очень скоро ушел бы - не первый раз уже затевались такие «гонки на выживание». Но в это утро браконьерам не повезло - мотор заглох. И пока механик, матерясь, чинил мотор, пока безвольный катер самосплавом шел по реке, - лодка рыбнадзора стала приближаться. И тогда левый борт браконьерского катера оцетинился автоматным огнем.

Стародубцев, сидя на чердаке, перезаряжая пулеметную ленту, вдруг услышал знакомые звуки и насторожился. Взяв бинокль, он посмотрел на реку и моментально оценил обстановку. И через несколько минут - пройдя подземным ходом - он был уже там, на берегу, возле которого швартовался катер с тремя браконьерами, одетыми в камуфляжную форму, издав далеко похожую на форму дивизии «Викинг».

В нескольких местах простреленная моторка рыбнадзора причалила к берегу после того, как катер начал тонуть, а браконьеры, взятые в плен, были обезоруженные - три здоровых мужика лежали мордами в песок. И никого рядом не было. Только ласточки-береговушки носились по-над водой, испуганно вереща.

6

Историю эту - с нахальными браконьерами и затопленным катером - начальник милиции узнает ближе к вечеру. А тогда еще было утро - солнце над рекою разгоралось, и ветерок раздергивал черное облако дыма, заклубившееся по-над берегом.

- Что за партизаны там? - вслух подумал начальник милиции, глядя в сторону берега. - Там кто-то с бойцами ОМОНа сражается, что ли?

- А какие там бойцы? Откуда? - спросил Рукосуев.

- Из города. Мы ждем отряд ОМОНа. - Белоцерковский закурил. - Капитоныч, а ты же воевал с этим самым... С Степаном Стародубцевым.

- Я с ним не воевал. - Рукосуев нахмурился. - Я с Гитлером воевал.

- Капитоныч, ну, ты ведь понимаешь, о чем я спрашиваю. Судя по всему, стреляют из дома Стародубцева. Так? Ты что в бинокль увидел? Определил, чей дом?

Сорвав травинку, Рукосуев покусал ее. Пожал плечами.

- Хрен его знает! - пробормотал он, откинув стебелек. - Не видно.

- Да все тут видно, Капитоныч! Все как на ладони! Из дома Стародубцева колотят! - Гоня желваки по скулам, полковник спросил: - Он что, старый дуб? Уже День Победы отпраздновал?

- Зачем? Он вообще не пьет! - Рукосуев стал защищать боевого товарища. - Это, я скажу тебе, мужик спокойный, тихий.

- Ни черта себе - «тихий»! - изумился полковник. - Этот «тихий», между прочим, не так давно переночевал у нас в отделении.

- Да ну? И за что он туда угодил?

- Говорит, что клизму врачу поставить хотел.

Рукоусев несколько секунд смотрел на полковника, а потом как-то мелко, нервно засмеялся.

- Клизму? Кому? Будраковичу? Так это я научил. - Капитоныч вздохнул. - Надо было меня сажать. А так-то он тихий... Книжки на фронте читал... По памяти мог шпарить целыми часами.

- Какие книжки?

- Разные. Он же хотел быть учителем. А потом была кошмарная контузия. Госпиталь. Его хотели комиссовать, но мужик он упрямый - доказал, что может воевать.

- Может! - Начальник милиции кивнул на бензовоз, на горящий березовый колок. - Тихий, говоришь? Такие тихие в дурдоме должны быть.

- А он в Москве! - угрюмо напомнил Рукоусев. - Ты же сам говорил, Бронислав Брониславич. И в газетке писали...

- Все так, все правильно. - Белоцерковский фуражку приподнял и поцарапал темечко. - А кто же там воюет? Домовой на чердаке у Стародубцева?

Уходя от вопроса, Капитоныч посмотрел на фуражку начальника милиции.

- Кто только придумал их, горшки такие.

- Ты о чем, Капитоныч?

- Да я вот смотрю на фуражку твою, Бронислав Брониславич. Смотрю и удивляюсь. Откуда они, такие ночные горшки? Отродясь таких не было ни в Красной армии, ни в Белой.

- А какие там были?

- А ты повнимательней посмотри на фуражки старых русских офицеров. И у всех у них были нормальные фуражки. Какому-то дураку-генералу пошли для выпендрежа, а потом и другие подхватили эту моду. В такой фуражке только фотографироваться. Или стоять на параде. Или в штабе сидеть - с умным видом.

Не принимая это на свой счет, Белоцерковский спокойно сказал, поправляя фуражку:

- Капитоныч! Главное, в конце концов, не то, что у нас на голове, а то, что в голове. Разве не так?

- Так-то оно так, - возразил Капитоныч, - но коровье седло мы, однако, не носим. Нам фетровую шляпу подавай.

Молча усмехнувшись, Белоцерковский жилистыми пальцами расстегнул пуговку под горлом. Жарковато уже было - солнце начинало припекать. Трудолюбивые пчелы жужжали, перелетая с первоцвета на первоцвет и вытряхивая последние крошки росы из цветочных чашечек.

- Ладно! - Белоцерковский отмахнулся от пчелы и посмотрел на часы, блеснувшие под рукавом мундира. - Теперь уже скоро приедут. Выясним, кто там тихий такой. В тихом омуте, сам знаешь, Капитоныч...

- А может быть, это идет реконструкция? - предположил Рукоусев.

- Какая реконструкция?

- Военных действий.

- Да ты что, Капитоныч? Совсем?.. - Белоцерковский чуть не матюгнулся. - Я вообще не знаю, какому дураку это в башку взбрело...

- Так это в Москве, говорят, замутили...

- Вот Москва-то как раз и прикрыла эту реконструкцию. Денег нет.

- Ну, ясно, - тут же согласился Капитоныч. - Разговорали.

Собираясь что-то сказать, полковник осекся: распугивая птиц, под берегом раздался мощный рев, и на поляну выскочила боевая грозная машина, способная напугать противника одним своим видом.

Глава шестая

1

Боевая машина ОМОНа оказалась такой машиной, которую многие тут видели только на картинках да по телевизору. Это был бронированный «Тигр», защищенный по пятому классу - с большим запасом прочности. Снизу доверху машина была заляпана грязью - даже боевую раскраску не разглядеть. Даже бойницы, расположенные по стенам с боков, из-за грязи не сразу угадывались.

Мотор заглох, и в тишине закрипела дверца.

Из боевой машины выпрыгнул огромный человек в камуфляжной форме с эмблемой ОМОНа - выпрыгнул легко, очень ловко, как натренированный могучий зверь в черном наморднике. Этот зверь был настолько огромен, что у многих, кто увидел его, в первые секунды возникло изумление: как он вообще смог поместиться внутри?

Вдавливая в землю камни под собой, могучий зверь, поправляя маску на глазах, подошел к начальнику районной милиции, честь отдал и представился низким басом:

- Командир ОМОНа капитан Чирихин.

- Не зацепил, надеюсь? - спросил полковник, подбородком показывая куда-то вдаль.

- Все путем! - заверил Чирихин. - Прошли под прикрытием берега.

- Так там же сплошная болотина! - удивился Белоцерковский.

- А у него подвеска от бронетранспортера. - Командир ОМОНа кивнул в сторону «Тигра». - БТР-80 вам не знаком? Он был проверен во многих боях и войнах.

- Знаком, - не очень уверенно ответил полковник, странным образом робея рядом с капитаном.

Командир ОМОНа был двухметроворостый богатырь, с формой индивидуального пошива, поскольку он не подходил ни под какие размеры. А если под формой был еще надет бронезилет, а сверху цеплялась вся военная амуниция - ножи, пистолеты, гранаты и прочее - фигура Чирихина даже издали смотрелась очень устрашающе. А вблизи эта фигура производила впечатление боевого слона, с которым лучше не связываться.

Интересно то, что командир ОМОНа первым делом почему-то посмотрел на главу района, стоявшего особняком.

- Ну, что тут у вас? Жертвы есть? - спросил Чирихин, обращаясь к полковнику, а глядя на главу района.

- Нет, слава богу. Нет.

- Уже хорошо! - Голос капитана был такой же могучий, как вся его фигура - голос рокотал на сдержанных тонах и при этом заставлял вибрировать барабанные перепонки всех тех, кто находился в радиусе метров десяти. И оставалось только догадываться, что будет с барабанными перепонками, если командир ОМОНа повысит голос или гаркнет во всю свою мощь. - А кто там воюет? Не выяснили?

Белоцерковский, искоса глядя на приближавшегося руководителя района, тихо сказал:

- Там Герой Советского Союза...

- Кто? - чуть не рывкнул Чирихин. - Я не ослышался?

- Нет, не ослышались, - еще тише сказал полковник. - Так что желательно взять бы живым. Понимаете?

Командир ОМОНа поправил оружие на боку.

- Понимаю... - взволнованно сказал. - Еще как понимаю.

- Ну, вот и хорошо. - Полковник замялся, глядя на подходящего Семена Азартовича. - Надо поаккуратней...

Подошедший Пустовойтов резко перебил:

- Не поаккуратней надо! Нет! Надо так сработать, чтобы как можно скорее подавить пулемет!

- Согласен. - Командир ОМОНа снова как-то очень пристально, внимательно посмотрел на Пустовойтова.

Из машины тем временем вышли все другие бойцы - один другого крепче. Командир приказал им «покурить в тенечке».

- А мы пока осмотримся на местности, - сказал капитан, снова глядя на Пустовойтова. - Вы глава района? Я правильно понял?

- Правильно, - ответил Семен Азартович, принимая позу Наполеона. - Я - глава.

- Хорошо. - Командир ОМОНа быстро, но зорко посмотрел по сторонам и тихо предложил Пустовойтову: - Может, мы отойдем? Надо кое о чем поговорить.

- Охотно, - тоже тихо, заговорщически сказал. - Советоваться надо, чтоб дров не наломать. Давайте познакомимся. Как вас, простите?

- Иван Иванович Иванов, - снова негромко произнес командир, делая вид, что не замечает руки Пустовойтова, протянутой для знакомства.

Глава на секунду смутился и вдруг почувствовал, что что-то здесь не так. Но секунда прошла - и это ощущение улетучилось.

- Ну, что же? - немного фамильярно сказал Пустовойтов. - Очень приятно, Иван Иванович.

- Ну, это как сказать... - Двухметроворостый командир усмехнулся под черным намордником. - Встречу при таких обстоятельствах нельзя назвать приятной.

- Да, да. И все-таки... Вы, кажется, недавно к нам...

- Пойдемте! - перебил капитан. - Не будем время терять.

И в голосе Чирихина, и в его движениях ощущалось присутствие мощной энергетики. Это был командир молодой, но матерый, в свое время окончивший Рязанское Высшее командное училище связи; потом служивший в Воздушно-десантной дивизии. Какое-то время Чирихин был заместителем командира разведывательной роты по связи, позднее лямку тянул в Отдельной бригаде воздушно-десантных войск...

2

Пустовойтову было приятно, что командир ОМОНа решил посоветоваться именно с ним, а не с начальником районной милиции. Поправляя галстук, сбитый на сторону, Семен Азартович пошел за командиром, наблюдая, как блестят подковки на его каблуках - трава, раздавленная двухметроворослым офицером, уже не поднималась под каблуками.

Они отошли за деревья. Тут было тихо. Птица пела где-то в мохнатой сосновой кроне. Пчелы жужжали в цветах. На пригорке стояли две-три березы, раненные пулеметчиком; стволы сочились соком - там и тут капель ударяла по ржавому, пыльному прошлогоднему листарю.

- Ты смотри-ка! Он даже сюда достал! - заметил Чирихин.

- Разгулялся, падла! - подхватил Пустовойтов.

- Это точно! Разгулялся! - Командир ОМОНа молниеносным движением вдруг вынул пистолет из кобуры и зарокотал хрипловато-нежным голосом: - Ну, что? Давай знакомиться?

Пустовойтов обалдело выпучил глаза, когда ствол пистолета плотно прижался к его переносице.

- Что?.. В чем дело?.. - Глава района попытался уклониться от оружия. - Что происходит?

- А то, что я сейчас дырку сделаю в твоей башке и скажу, что так оно и было! - Чирихин передернул затвор и снова прижал прохладный ствол к горячей переносице Пустовойтова.

Капля пота по лбу потекла - задрожала на конце ствола, сильно вдавившегося в кожу.

Глаза Пустовойтова собрались в кучу, когда он попытался посмотреть на пистолет.

- Что вы себе позволяете? - пересохшими губами прошептал он. - Ты кто такой?

- Я - кошмар твой! - туманно объяснил Чирихин.

Глава района знал, что у него полно недоброжелателей, есть даже крупные враги, которые спят и видят его уничтоженным. Но Пустовойтов никогда бы не подумал, что на него могут устроить покушение вот так - среди бела дня, в нахаловку.

- Ты что? Ненормальный? - Глава района повысил голос, явно привлекая к себе внимание. - Ты что позволяешь себе? Капитан! Рожу спрятал под маской и думаешь, можно...

Командир ОМОНа моментально сдернул черную маску, и в первую секунду Пустовойтов с ужасом подумал, что лучше бы он этого не делал.

У командира не было лица - он его оставил в боях за Родину, во всяких «горячих» точках. Вместо лица был обезображенный кусок мяса, из которого смотрели два звериных глаза - ничего человеческого Пустовойтов не увидел в этих ледяных зрачках.

- Ну, что? Узнал?

- Нет, не узнал.

- Сейчас узнаешь.

Удар был сокрушительным.

Солнечный мир потемнел перед глазами Пустовойтова и покатился в тартарары.

Тяжело дыша от ярости, бушующей в груди, двухметроворостый богатырь присел на пенек, закурил, дожидаясь, когда Пустовойтов прочухается.

Чахоточно покашливая, глава района встал на карачки. Заполосно глядя на командира, он пополз куда-то в ближайшие кусты.

Чирихин поднялся, двумя-тремя шагами догнал его и опрокинул кованым ботинком.

Пустовойтов подпрыгнул, утробно охнув, и упал на спину, полоумно глядя в небеса, где расплывались черные круги, как стая воронов.

- Сука! - прошептал он, кривясь от боли. - Что ж ты делаешь?

- Я делаю свою работу, - сказал командир, глядя в землю. - А ты что делаешь - это вопрос.

Пустовойтов хотел встать, но не смог - ноги подламывались.

- И что я тебе сделал? - тихо спросил он.

- Да мне-то ничего... - сказал после нескольких глубоких затяжек Чирихин.

- Капитан! - дрожащими губами пробормотал глава района. - Считаю, что ты покойник. Тебя живьем зарюют.

- Бесплезно, - спокойно сказал Чирихин. - Меня зарывали уже. Первый раз в Нагорном Карабахе, потом в Чечне. Ну, а если тут зарюют - я не против. Тут родная земля. - Чирихин сплюнул рядом с ним. - Если ты еще не понял, Сема, то я популярно тебе объясню, - снова хриловато-нежным голосом заговорил капитан. - Я - твой кошмар. Я - старший брат... Кха-кха...

- Какой такой брат?
 - Ну, секретарша у тебя... Ты просекаешь, Сема? Ты секретаршу хотел поиметь, а поимели тебя. Не повезло тебе, Сема. Сочувствую. Ну, с кем не бывает? Так вот. Объясняю очень популярно. - Командир ОМОНа не спеша намотал на кулак черный галстук главы района - резко приподнял его. - Слушай сюда! Ты, скотина! Если ты еще хоть раз пальцем тронешь Любому... Кха-кха... Я тебя... на ближайшем фонарном столбе. Есть вопросы? Вопросов нет. А если ты, Сема, попробуешь ее уволить, я тебя пристрелю. Смотри сюда! - В руке Чирихина снова оказался пистолет. - Вот из этого ствола ты проглотишь пулю. Ты понял? Кивни головой, если понял. Ну, вот и хорошо. Ну, вот мы с тобой и осмотрелись на местности. - Чирихин постоял над ним, сигареты вынул. - Значит, я пошел к своим ребятам, а ты здесь. Кха-кха... Ну, просто ты здесь задержался по нужде. Договорились? Ну, вот и молодец, овца. Живи пока. Хотя таких, как ты - без суда и следствия - надо на месте пристреливать.

3

Настороженно поводя глазами по сторонам, Чирихин отошел подальше от главы района, понуро сидящего на земле.

Ручеек журчал в траве, в цветах, яркой лентой полоскался в камнях возле могучей сосны.

Глубоко вздохнувши, командир нагнулся, руки сполоснул в ручье. Посмотрел на небо, на деревья и широким шагом пошел к своим бойцам - только ветки трещали, да старые черные шишки от сосен уходили под землю от тяжести капитана Чирихина. Теперь он был, кажется, еще тяжелее, чем несколько минут тому назад - свинцовое бремя на душу легло.

«Ну, а как иначе? - подумал он, оглядываясь. - Можно было бы потом поговорить... Только хрен его знает, что будет потом. Пронюхают, что я приемный сын - и отстранят от проведения операции... Так что надо спешить, надо как-то отца образумить...»

Он остановился, краем глаза приметив что-то за деревьями.

Белая карета скорой помощи в целях безопасности ехала окольными путями - пробиралась по грязной лесной дороге.

- Медсанчасть пожаловала, - сказал Чирихин, подходя к своим бойцам. - Это очень кстати.

- А что такое? - Бойцы насторожились, поворачивая головы на крепких шеях. - Есть уже потери, командир?

- Нет. Ну, мало ли. Война. - Чирихин поправил черную маску. - Театр военных действий, как пишут в книжках.

Глава седьмая

1

Театр военных действий с каждым часом наполнялся новыми зрителями, новыми актерами и новой декорацией.

На машине «скорой помощи» приехал молоденький фельдшер Толя Кобзарь - худой, остроносый, с большими глазами, доверчиво смотрящими на мир, в белом, сзади сильно помятом халате. Зевая после бессонной ночи, Кобзарь сидел в машине, хотел вздремнуть, но шофер за рулем постоянно смолит папиросы и фельдшер, на понюх не выносящий табачного дыма, вынужден был, скучая, слоняться возле машины. От нечего делать он сощипывал зеленые иглы с ближайшей сосенки, перекусывал их и сердито выплевывал.

Когда иглы порой прилипали к халату - Кобзарь, по-мальчишески щурясь, ногтем сбивал их. Приехав сюда «по тревоге», молодой эскулап в глубине души был разочарован и даже раздосадован. В недоумении он поминутно крутил головой, на которой смешно сидела высокая медицинская шапочка, напоминающая поварской колпак.

На пустыре, примыкающем к речному берегу, на лесной поляне и дальше, в лесу - кругом было тихо до звона в ушах. Только птицы под сурдинку щебетали в сосняке. Изредка сорока стрекотала, да время от времени дятел-тудяга где-то строчил по сухому стволу.

«Вот и вся стрельба из пулемета! - слушая дятла, подумал фельдшер. - Чего подняли панику?»

Кобзарь подошел к водителю новой «скорой помощи», продолжавшему курить за рулем.

- Интересно, кого это в морг привезли?

- Куда? - проглотивши облако дыма, равнодушно спросил шофер.

- В морг. Ты разве не заметил, когда мы выезжали из ворот?

Водитель вяло пожал плечом.

- Покойниками не интересуюсь.

«Дубина! - подумал Кобзарь. - Ты только куревом интересуешься! Дым уже идет со всех щелей!»

Отойдя от машины, фельдшер снова сощипнул сосновую иглку и, перекусив ее, тихо выплюнул.

- А может быть, кого из пулемета уколошили? - спросил он, делая большие глаза.

- Да брось ты! - Шофер усмехнулся. - Какой пулемет?

Кобзарь на минуту задумался, наблюдая за пчелой, кружившейся над первоцветом.

- А зачем же нас сюда позвали?

- Да так. Учебная какая-нибудь хрень! - Шофер был тоже молодой, но уже отслужил. Работать на «скорой» - в отличие от Кобзаря - шоферу не нравилось, но приткнуться в какое-нибудь более теплое и денежное место пока не представлялось возможным.

Выстрелив окурком в кусты шиповника, водитель достал бутылку с минеральной водой, глотнул разок-другой и вышел - подразмяться.

- Смотри, чтобы не загорелось! - сказал Кобзарь, проследив за полетом окурка. - Кругом то и дело пластает!

- Тебе нужно работать в «ноль один», - не без ехидства заметил шофер, - а ты зачем-то в «ноль три» поперся.

- Тебя не спросил! - огрызнулся фельдшер и, помолчав, добавил: - Ты, кстати, знаешь о том, что необходимость в создании службы скорой помощи появилась именно «благодаря» пожару.

- Это как же так? - Водитель не поверил. - Заливаешь?

- Нет. Нам на занятиях рассказывали. - Кобзарь поправил шапочку, съехавшую на глаза. - В декабре 1881 года в Венском театре комической оперы был пожар, и было много пострадавших, которые сами не могли добраться до больниц. Вот после этого и появилась «Скорая помощь».

Любопытный этот рассказ водитель нарочно оставил без внимания. «Пускай не умничает!» - подумал он и лениво сплюнул в сторону окурка.

- Что-то они долго там беседуют, - сказал он, кивая подбородком на соседний лесок.

- Кто? С кем беседует?

- Командир ОМОНа и глава района.
- А ты как думал? - с важностью в голосе сказал Кобзарь. - Тут важна стратегия и тактика. Тут как бы дров не наломать.
Вознамерившись снова забраться в кабину, водитель замер, поставив одну ногу на грязную подножку.
- О! - проворчал он, присматриваясь. - Это кто там? Шеф, однако, едет послушать пулемет.
- Похоже, так. - Глядя на дорогу, фельдшер невольно выпрямился, как выпрямляется расслабленный солдат при появлении командира.

2

Рассохин к месту происшествия приехал «не послушать пулемет». У него, похоже, случай был совсем другой - судя по чугунному лицу Рассохина, по его опущенным глазам.

Выйдя из машины - это была его личная иномарка - он постоял, поежился не столько от ветра, сколько оттого, что было на душе.

- А где Пустовойтов? - спросил он у фельдшера, подошедшего к нему. - Не видел?

- Да где-то там... - Кобзарь потыкал пальцем, коричневым от йода. - С командиром ОМОНа ушел.

Рассохин посмотрел в ту сторону, куда потыкал фельдшер. Потом обратил внимание на новенький реанимобиль. Три таких машины, собранных на базе ГАЗ-32214 «газель», глава района совсем недавно в администрации области «выбил» для районной больницы. А что было до этого? Слезы были, вот что. Три допотопные «скорые» на базе УАЗ-452, которые только назывались «скорыми», а на самом-то деле черепахами ползали по райцентру. Пустовойтова многие, конечно, критикуют, и порой критикуют не зря. Взять хотя бы этот - в зубах навязший - ликероводочный заводик. На черта он ему сдался? Этот заводик только портит имидж главы района. И все-таки, кто бы что ни говорил, а Семен Азартович - мужик сильный, энергичный, все душой болеет за свой район. Это, во-первых, а во-вторых, Рассохин в последние два года близко сошелся с главой района - рыбалка сдружила, охота. Они и раньше-то - во времена Советского Союза - были накоротке, но теперь особенно; он со своей женой нередко бывал приглашенным в богатый особняк Пустовойтова; ели от пуза, пили, парились в сауне; бильярдные шары гоняли, как белых зайцев по зеленому полю - приятное, памятное времяпровождение. Вот почему Рассохину теперь было особенно тяжело - он привез печальное известие для Пустовойтова.

Глазами поискав главу района, повернулся к фельдшеру.

- Ну, как тут? Не стреляют?

Кобзарь поторопился сплюнуть зеленую иголку от сосны.

- Один только дятел строчит.

- Оно бы хорошо, когда бы так! - Рассохин отошел за кусты бузины, оглянулся на фельдшера и, отойдя еще дальше, расстегнул ширинку за кондовым стволом сосны.

Забывая, зачем он сюда пришел, Рассохин задумался: сообщать ему горькую новость главе района или лучше все-таки подождать, когда ОМОН расхлебает кашу с этим гребаным пулеметчиком.

Справивши малую нужду, Рассохин нашел командира ОМОНа и поинтересовался, где же Пустовойтов, с которым командир недавно разговаривал в лесочке. Пожав плечами, капитан сказал, что не имеет понятия, куда мог раствориться глава района.

3

Народу уже было много «на театре военных действий», поэтому никто почти не обратил внимания на то, как Пустовойтов вышел слегка прихрамывая из лесочка.

Глава района мрачно потребовал ключи у своего шофера, сел в машину и помчался по той дороге, которая находилась в секторе обстрела пулеметчика; Пустовойтов напрочь забыл про пулемет - голова в те минуты занята была совсем другим.

«Нет! - Он скрипел зубами. - Такие штуки прощать нельзя!»

Немилосердно газуя, подпрыгивая на кочках и колдобинах грунтовой дороги, Пустовойтов раза два чуть не опрокинулся на крутых поворотах, пока добрался до своей «резиденции» - трехэтажного особняка, стоящего в тихом сосновом бору, на берегу прозрачной, спокойной речки.

За железной, кованой решеткою ограды было тихо, пусто, если не считать охранника, истуканом сидящего за окном своей будки и всполошившегося оттого, что хозяин приехал в неурочное время.

Автоматические ворота - повинуясь хитроумной кнопке - плавно отъехали в сторону, и охранник выскочил из будки, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Но Пустовойтов даже не посмотрел в его сторону - признак сильного барского гнева. Осознавая это, охранник попятился, не забывая, однако, на всякий случай кланяться в спину хозяина.

Резко хлопнула дверца машины.

Пустовойтов, хищно раздувая ноздри, посмотрел по сторонам. В тишине позванивали птицы, перелетая с дерева на дерево. Посредине поляны - перед окнами особняка - серебряными струями переливался фонтан, напоминающий «Самсона, раздирающего пасть льва», - это была копия самого крупного и мощного фонтана Большого каскада, находящегося в Петергофе. Библейский богатырь Самсон, раздирающий пасть золоченого льва, тут поставлен был не в ознаменование победы русских над шведами. Глава района приказал соорудить фонтан в ознаменование своей победы на выборах, где пришлось побороться с серьезным противником Львовым.

Скульптура Самсона неожиданно заставила главу района внутренне встряхнуться. Пустовойтов - после недавнего унижения и позора - стал распрямляться, ощущая в себе странную стальную пружину, которая звенела и звала к самому быстрому и самому жестокому ответному удару.

«Я разорву ему пасть!» - глядя на «Самсона», подумал Пустовойтов и хотел пойти к двери, но услышал за спиною звук металлических ножниц и повернулся.

Древний садовник Мичура - трудолюбивый, добросовестный старик - постоянно что-то копал в саду, подстригал, пересаживал с места на место.

Издали поприветствовав «барина», Мичура кепку приподнял над желтоватой лысой головою, похожей на тыкву, пробормотал несколько слов себе под нос и опять стал топтаться вокруг плодово-ягодных деревьев, которые он пересадил прошлой осенью, мечтая о сладком урожае в нынешнем году.

И какая-то тихая, грустная зависть неожиданно кольнула сердце Пустовойтова. Жить бы вот так, как Мичура живет - в чудесном окружении цветов, деревьев, птиц и облаков. Эта мысль заставила главу района криво усмехнуться и даже сплунуть возле деревянного резного крылечка, с которого хотел он удочку забрасывать и рыбешку дергать. Хотел, по крайней мере, в ту пору, когда строил особняк, а потом желание пропало - суета за-

едала; суета и томление духа; он сам был как та рыба на крючке - все время дергался и жабрами хватал обжигающий воздух. Он все время как будто готовился жить - запасался добром, набивал закрома. А время уходило, и желание жить в тишине пропадало, и осмысление каких-то вечных истин уже казалось ненужным делом.

Забывая разуться в прихожей, оставляя на паркете грязные следы, Пустовойтов первым делом направился в ванну, втайне обрадовавшись тому, что жены дома не было. Принял душ. Переоделся в чистое белье.

В дорогом халате, надетом на голое тело, с мокрой головой, с махровым полотенцем на плече, пройдя на кухню, Семен Азартович залпом тяпнул стакан коньяка - будто стакан колодезной воды - хмель на него не подействовал, только в груди стало жарче.

«Нет! - застучала в висках кровь с коньяком. - Так оставлять нельзя! А иначе об тебя любая тварь ноги начнет вытирать!»

Душа у него клокотала. Никогда еще, нигде Семен Азартович не переживал такого унижения, такого позора, и хотя никто не видел, как его метелил командир ОМОНа - дело-то было в укромном местечке - все равно Пустовойтов не мог избавиться от ощущения, что он опозорен публично, при большом скоплении народа.

Откуда-то из-за шторы он выхватил металлическую стремянку - поднялся на антресоли. Покопался там в каких-то многочисленных коробках, раскрывая их, бросая на пол. Там были в основном коробки с какими-то омолаживающими кремами, мазями и черт знает какими припарками, на которых молодая женушка была как будто «свернута». И все это - врассыпную - полетело на пол...

Добравшись до нужной коробки - небольшой, раскрашенной веселыми цветочками - Пустовойтов достал пистолет, завернутый в чистую тряпочку.

Пряча пистолет в карман халата, он покачнулся на стремянке и едва не упал.

Соскочив на паркет - раздавив какой-то тюбик с кремом - Семен Азартович подошел к просторному окну, на котором висели до половины поднятые жабры металлических жалюзи. Тут он стал осматривать оружие.

Это был простой «Макаров», только со съемным глушителем, лежавшим в коробке. Пистолет Пустовойтов месяца два назад конфисковал у Емельяна - обнаружил в бардачке легковой машины, когда сын возил его на ликероводочный завод посмотреть, как там дело поставлено с легкой руки Пустомели.

Отец удивился тогда.

- Зачем тебе эта игрушка?

- Так. - Емельян пожал мускулистыми широкими плечами. - Для самообороны.

- Угрожают, что ли?

- Нет.

- А может, наезжает кто насчет завода? Может, заставляют дань платить? Так ты скажи. Я им рога обломаю.

- Да нет же! - Емелья говорил, но все же кое-что недоговаривал. - Я просто так купил, на всякий случай.

Пустовойтов разрядил оружие. Патроны спрятал в карман.

- Знаешь, сынок, я на всякий случай реквизирую эту игрушку! - твердо сказал он. - И новую тебе покупать не советую.

- Да ладно, что я, маленький? Сам как-нибудь разберусь.

- С кем ты разберешься?

- Да ни с кем. Вот прицепился.

- Ты, Емеля, не темни. Если есть проблемы, то говори как на духу.
- Нет проблем, говорю.
- Ну, нет проблем и пистолета тоже нет.

Так они тогда поговорили. Поначалу Семен Азартович думал выбросить эту игрушку, но потом зачем-то спрятал на антресоли - пускай себе лежит, хлеба не просит.

И вот теперь пригодилось. Оскаливая зубы, он выдернул обойму и проверил - полная. Ударом кулака поставив обойму на место, он широко оскалился, глядя за окно - там виднелся мокрый богатырь Самсон, раздирающий пасть золоченому льву.

«Раздеру! - подумал Пустовойтов про командира ОМОНа. - Пристрелю как собаку! Война все спишет! А секретаршу эту, сучку, я завтра же ... в хвост и в гриву, и с голым задом на улицу выставлю! Я вам, скотам, покажу! Вы еще не знаете, на кого нарвались!»

Он сорвал с себя халат - швырнул мимо кровати. Оделся и пошел по деревянной, лакированной лестнице, ведущей к выходу.

И тут наверху зазвонил телефон.

«Да пошли вы!» - подумал Пустовойтов, сердито сопя. На душе было муторно и разговаривать ни с кем не хотелось. А телефон тем временем продолжал настойчиво названивать - длинными «очередями».

Пустовойтов на секунду замер, глядя в сторону телефона, над которым висела фотография Пустомели. По инерции сделав еще два-три шага вниз по лестнице, Семен Азартович опять отчего-то замер. И опять зачем-то посмотрел на фотографию сына: нижний угол ее показался наискосок перечеркнутым узкой черной ленточкой - тень от оконного переплета.

4

Страшно скрипя тормозами, машина Пустовойтова остановилась недалеко от главного врача. Дверца резко хлопнула, заставляя задремезжать стеклинку приоткрытого окна.

Отчужденно посмотрев на главного врача, Семен Азартович закурил, сутуло стоя возле машины. Жадно сделав несколько затяжек, он решительно, хотя и медленно пошел к Рассохину. Тот, глядя на него, растерянно подумал: «А чего он так идет? Будто покатался верхом на рысаке».

Глава района подошел и, не здороваясь, напрямую спросил:

- Что там стряслось?
- Где? - Рассохин прикинулся непонимающим.
- Короче! - процедил Пустовойтов. - Мне уже успели кое-что сказать...
- Кто? - удивился главный врач. - Никто тебе сказать не мог.
- Ну, хватит дурака валять! - Пустовойтов занервничал. - Я только что был дома. Там по телефону кто-то что-то лепетал, и все время на тебя ссылался. Ты, дескать, запретил им говорить...

Поглядывая по сторонам, главный врач замялся - под туфлями трава закрипела.

- Я думал, может после...

- Говори сейчас! - потребовал глава. - Что стряслось?

Рассохин сделал паузу, во время которой над ними пролетел смолисто-черный ворон, так низко пролетел - даже ветер из-под крыльев волосы на голове зашевелил.

- Плохо дело, Семен! - Главный врач нахмурился. - Плохо дело! Крепись!

- Ну? - зарычал Пустовойтов, вынимая сигарету изо рта. - Рожай скорее! Что? С женою?

- Нет.

- А что тогда? Сын?

- Да! - выдохнул Рассохин, опуская глаза.

Пустовойтов стал бледнеть.

- Емелька? А что с ним?

- Погиб.

Сигарета выпала из руки Семена Азартовича.

- То есть как это - погиб?

- Застрелили.

Пустовойтов невольно присел, как приседают под тяжелым грузом - рука его растерянно пошарила по траве, не сразу нашла оброненную сигарету. Оглушенный новостью, он сунул окурочок горящим концом и отплюнулся - кожа на верхней губе чуть побелела и скукожилась от ожога. Окурочок полетел в траву и в следующий миг Семен Азартович голову двумя руками обхватил - крепкие пальцы в волосы вцепились.

- Неужели? - прошептал он. - Неужели эта тварь из пулемета?

- Надо ехать.

- Куда? - не сразу откликнулся Пустовойтов, тупо глядя в землю под ногами.

- В морг. На опознание.

Глава восьмая

1

Мрачный, от старости покосившийся морг находился на краю больничного двора - возле обрыва, поросшего полынками, тонкими березками, красноталом. Внешне это было вполне приличное бревенчатое здание, оставшееся, кажется, от каких-то дореволюционных церковных построек - что-то вроде часовенки с небольшим, но аккуратным деревянным шпилем на вершине тесовой крыши, расколотой многолетними солнцепеками и многозимними стужами.

Грубый запах протухшего мяса шибанул по ноздрям, как только они переступили порог. В коридоре было пыльно, тускло. Жирная крыса прошмыгнула под ногами - Пустовойтов чуть на наступил на длинный хвост.

По привычке пропуская главу района вперед, Рассохин поставил его в неловкое положение - Пустовойтов уперся в какой-то полутемный тупик, заваленный хламом.

- Сюда, - сказал Рассохин, заходя вперед и испытывая смущение за этот неухоженный «сарай». - Идите за мной. Тут ремонт, так что это... не обращайтесь внимания.

Пустовойтову показалось, что они как-то очень долго, нудно шли по коридорам, слабо освещенным, заставленным старыми носилками, тележками для перевозки трупов и тележками для перевозки гробов.

В дальнем углу громоздилась большая холодильная камера для хранения трупов на десять мест. Эту камеру недавно привезли, собрали и установили, но не успели еще подключить - что-то там с электрооборудованием было не в порядке.

Рассохин говорил об этом так негромко, так невнятно, как будто размышлял наедине с собой. Но у Семена Азартовича слух - и все другие чувства - настолько обострились, что он не выдержал и остановился, переставая шагать за Рассохиним.

- Я сюда приехал не на экскурсию! - резко оборвал он, полыхая глазами в коридорном пыльном полумраке.

- Извините, - спохватился главный врач. - У меня это - чисто нервное.

Раздувая треугольные ноздри, Пустовойтов еще хотел что-то сказать, но промолчал, подумав, что Рассохин все же молодец - в такую минуту не каждый способен быть рядом. Главный врач спокойно мог бы фельдшера послать вместо себя или какую-нибудь санитарку. Нет, он сам решил быть рядом. Это дорогого стоит.

Переступая через трубы и шланги, говорящие о затяжном ремонте парового отопления, они оказались в каком-то прокуренном закутке - сизый дым дрожащим студнем плавал на уровне груди.

- Кто там? Что? - раздался грубый голос, будто гром прогрехотал в дымном облаке. - Снова привезли? Да скоко можно? Пошли вы к черту!

Главный врач насутился.

- Джек! Ты снова пьяный?

- А ты меня поил? - вопросом на вопрос ответил Джек, еще не понимая, с кем он разговаривает.

Сквозняк - через открытые двери - выволок дымное облако и они увидели сутулого прозектора. Это был пятидесятилетний, седой человек монголоидного типа - кривоногий, широкоскулый, с черными раскосыми глазами, тускло мерцавшими за стеклами очков, с приплюснутым носом. Много лет уже он заведовал патологоанатомическим вскрытием трупов. У него была фамилия Джакаев, и поэтому студенты медицинского училища, ходившие на практику сюда, прозвали Джакаева «Джек-Потрошитель». Был ли он когда-нибудь женат - история об этом умалчивает. Доподлинно было известно только то, что Джакаев давно живет один - снимает какую-то избу на курьих ножках, но появляется там очень редко. Чаще всего прозектор прямо вот в этой «мертвецкой комнате» мертвецки напивался и отдыхал до утра. Похоже, что и сегодня дело шло к такому печальному раскладу: на металлической тележке для перевозки трупов стояла стеклянная колба со спиртом, на газете лежал кусок хлеба, скальпелем разрезанная луковица и кирпично-красный кусок колбасы со следами редких, но широких зубов. Все кругом было закапано застарелой кровью - будто шляпки ржавых гвоздей виднелись по стенам, на полу и даже на потолке, густо облепленном мухами, которые встревожились от сквозняка и нудно жужжали на окнах, закружились над головами.

На очках у прозектора были пятна от сала. Он протер очки о полу мятого халата и, обнаружив перед собою Рассохина, ничуть не смутился.

- Милости прошу! - сказал он тоном гостеприимного хозяина. - Разделите трапезу. Не погнушайтесь.

- Джек, - тихо спросил Рассохин, чуть наклоняясь к прозектору. - Где труп?

- Какой? - Джакаев икнул, пожимая плечами. - Их тут много...

- Ну, который из лесу недавно привезли. Где он?

- Из лесу который? - Джакаев хмыкнул, глядя поверх очков. - Так он и ушел, видно, в лес.

- Ты сам сейчас уйдешь вперед ногами! - Пустовойтов с неожиданной силой схватил прозектора за груди и так встряхнул, что с него слетели и очки, и хмель. - Где он? - захрипел Семен Азартович, едва сдерживаясь, чтобы не треснуть кулаком по пьяной роже. - Где мой сын?

Оказавшись без очков, прозектор неожиданно прозрел.

- А-а! Это вы? - пробормотал он, узнавая главу района. - Так это ваш сын? Так там он, там, в морозилке. Где же еще ему быть? - Джакаев наклонился за очками и забормотал: - Вы уж простите меня, такая вот собачья работенка, а зарплата, сами знаете, какая - только на водку хватает.

- Джек! Помолчи! Мы с тобою завтра потолкуем! - сказал Рассохин и вернулся к главе района. - Идемте, Семен Азартович.

- А я вам не нужен? - вдогонку крикнул Джек-Потрошитель.

- Как-нибудь обойдемся, - проворчал Рассохин, позванивая ключами и думая: «Какого черта он их запирает на замок? Как будто они разбегутся куда!»

Главный врач давно бы уже послал Джакаева куда подальше, да только на это «веселое» место никто не рвался - зарплата копеечная, а разгребать приходится такое дерьмо, что хорошего специалиста сюда не заманишь и золотым самородком. Вот и приходится терпеть Джека-Потрошителя с его попойками в «мертвецкой комнате».

Спускаясь по гнилым ступеням, они пришли в какую-то промозглую пещероподобную «морозилку», по потолку и стенам обвешанную кружевами инея. Там лежали несколько трупов, с головы до ног накрытых мятыми грязными простынями в каплях йода, в тусклых кровавых петухах.

Главный врач, избавляя Пустовойтова от жутких поисков, сам подошел поочередно к одному, второму и третьему трупам - приподнимая простыни, заглянул им в лица и опять накрыл. Потом остановился у того, что с краю - в дальнем углу, серебрянном от инея.

- Вот, - глухо сказал, - смотрите.

Пустовойтову даже не нужно было смотреть в лицо покойного. Он сразу понял, что это сын, как только заметил темно-синюю татуировку на левом плече: «ВИКИНГ». Это была наивная, юношески-глупая татуировка на память о первой любви - аббревиатура, означающая: Виктория Иннокентьевна Гаева.

Надломленно сутулясь - как под кошмарной тяжестью, - Семен Азартович стоял над трупом сына и дышал так шумно, так горячо, что сизый пар клубками вырывался изо рта, из широко раскрытых, подрагивающих ноздрей треугольной формы. От этого горячего дыхания с потолка вдруг посыпались кружева оттаявшего инея - и голова Пустовойтова на несколько мгновений стала седой. А потом, когда иней растаял и каплями скатился на лицо - Пустовойтов как будто заплакал, сам того не замечая.

Весь мир для него сузился - до размеров вот этой тележки для трупов. Он стоял, смотрел незрячими глазами на то, что еще недавно было сыном, и думал, скорей всего, о том, о чем думает всякий родитель, переживший своего ребенка; вспоминался тот веселый день, когда он приехал за мальчиком в роддом; вспоминались его первые шаги и первые слова; и вспоминались - горькой болью в сердце отдавались - первые затрещины, которые отец сгоряча отвешивал за непослушание парнишке. И вслед за этим неотступно - как дамоклов меч! - над Пустовойтовым нависало чувство собственной вины в том, что случилось. Не уберег. И тут уже ничего нельзя было переменить. И что стоит за этим? Судьба или злой рок? Или это все одно и то же? На все эти вопросы ответы знает только один Бог, тот самый Бог, в которого Пустовойтов не очень-то верил, а иначе многие поступки - против совести - он бы не совершил, и многие дороги на земле - темные, кривые - он бы стороною обошел.

2

Рассохин уже основательно заоченел в этой проклятой морозильной камере, но потревожить Пустовойтова не решался. И неизвестно, сколько бы они еще стояли в той морозильной камере, но тут на выручку пришел пьяный прозектор.

Приняв еще сто грамм на грудь, Джек-Потрошитель спустился в эту промозглую преисподнюю.

Неожиданно твердо ступая по грязному полу, Джакаев подошел к тележке с трупом и бесцеремонно взялся тыкать пальцем в ребра и в грудь покойника.

- Господа! Я, конечно, ни этот... - самокритично заговорил прозектор, поправляя очки, на которых капля крови прилипла как божья коровка. - Я не эксперт по баллистике, но все же... Ведь я на этом деле уже собаку съел. Уж вы поверьте.

Глава района словно бы очнулся от столбняка. Рукавом отирая щеку, повлажневшую то ли от слез, то ли от растаявшего инея, Семен Азартович глубоко вздохнул и повернулся.

- Что? - спросил он, двумя руками причесывая волосы, упавшие на лоб. - Что ты говоришь?

Прозектор зачем-то встал на цыпочки и, воровато подойдя к нему, полыхая узкими, угольно-смолистыми глазами, тихо, вкрадчиво сказал на ухо:

- Тут стреляли не из пулемета. Это Джек вам точно говорит.

- Да? - Пустовойтов посмотрел по сторонам, потом нагнулся, рассматривая дырки от пуль. - А что это, по-твоему?

Джакаев дернул худыми плечами.

- Скорее всего - автомат. Причем стреляли почти в упор. Пороховые газы на одежде видели?

- Нет. А где одежда?

- Да где-то наверху. Что? Принести?

- Принеси...

Джек послушно дернулся - пошел на разворот.

- Стой! Не надо! Потом посмотрю.

- Хорошо. - Джек вернулся. - Как скажете.

- А почему - автомат? - спросил Пустовойтов, неожиданно вспомнив про пистолет с глушителем, лежащий в своем кармане. - Почему автомат? Откуда такая уверенность?

- Ну, во-первых, потому что прошли очередь. А во-вторых... - Прозектор порылся в карманах и неожиданно извлек оттуда целую пригоршню пуль. - Вот, можете отдать на экспертизу. Калибровка, если я не ошибаюсь, 7,62 на 39.

- Откуда это? - удивился Пустовойтов.

- Пардон, - криво улыбаясь, сказал прозектор, - но вы забываете кто перед вами.

Рассматривая пули на своей ладошке - пули подрагивали - Пустовойтов спросил:

- А кто его привез? Откуда привезли?

- Рабочие в лесу нашли. Просеку рубили для высоковольтки.

- А где это?

- Километров пятнадцать отсюда.

- Ну, тогда, конечно, про пулемет и думать не приходится. - Глава района отвернулся от покойного сына. - А что еще ты можешь мне сказать по этому делу?

Прозектор помолчал.

- Там вообще дело темное! - Он опять бесцеремонно, привычно отбросил простыню с покойника. - Вот здесь вот переломы шейных позвонков.

- Переломы?

- Да. - Прозектор с трудом сдержался, чтобы не икнуть. - Я, конечно, не этот... не эксперт, но, по-моему, с ним поработал профессионал.

Пустовойтов какими-то незрячими глазами посмотрел на Джека-Потрошителя.

- Что ты имеешь в виду?

- Профессионал рукопашного боя. Но это лишь догадки. - Джакаев две ладони поднял перед собой, как бы защищаясь от нападков. - Это лишь догадки. Хотя... хотя я собаку съел на этом деле. Ну, ладно, господа, прошу прощения, я все вам сказал, все показал, так что вы меня это... не обессудьте.

Опустивши голову, Джакаев постоял возле порога морозильной камеры. Покосился на труп.

- Ты что-то еще хочешь сказать? - догадался главный врач.

- Ни сказать, а показать, - забубнил прозектор. - Ни показать, а отдать.

- Что ты там бормочешь? - не понял Рассохин.

Порывшись по карманам, прозектор протянул ему какой-то золотой немецкий крест, немецкий нарукавный знак «Krimtschild» и немецкую, потемневшую от времени, медаль за взятие крепости «Брест».

- Это было при нем, извиняйте, хотел прикарманить, - простодушно признался Джакаев. - Я ж не знал, что это сын главы района. Я вообще сначала подумал, что это какой-то немецкий солдат. А иначе, думаю, откуда все эти цацки?

Главный врач в недоумении посмотрел на блестящие «цацки» и передал их Семену Азартовичу.

- Все? - Пустовойтов неожиданно вспыллил, с откровенной ненавистью глядя на прозектора. - Мародер несчастный! Больше ничего не прикарманил? Нет? Ну, иди отсюда!

Джек-Потрошитель в ответ только молча развел руками и, не сдержавшись, громко икнул в тишине.

Скрипя ступенями - как снегом на морозе - Джакаев поднялся наверх; посидел у низкого окна, похожего на бойницу крепости; покурил; допил все то, что оставалось в литровой стеклянной колбе и, заперевши двери на крючок, заржавленный от крови, завалился на свободную тележку для перевозки трупов. И заснул мертвецким сном в мертвецкой комнате, где плавал запах табака, запах спирта и сладковато-васильковый запах трупов, которые Джек-Потрошитель потрошил даже во сне, о чем он неоднократно рассказывал студентам медицинского училища, приходившим на практику в морг.

3

Рассохин всей душой хотел побыть рядом с Пустовойтовым, поддержать его в минуты горя, но вскоре прибежала медсестра - глаза вот-вот лопнут от страха. И главврач только развел руками - надо было срочно идти туда, где страдала молодая роженица с неправильным положением плода; надо было срочно выяснять, что делать: или кесарево сечение или...

Извинившись, Рассохин поспешил покинуть главу района, испытывая глубоко упрямое чувство облегчения и даже чувство благодарности к медсестре и к той неизвестной роженице, к которой нужно было поспешать.

«Как странно! - думал он, шагая за медсестрой. - Тут смерть - и тут же рядом жизнь на волю просится!»

- А что там у нее? - спросил Рассохин, шагая за медсестрой.

- Тазовое предлежание. - Медсестра оглянулась.

- Полное?

- Да вроде бы не полное.

Пока Рассохин шел по коридору, глядя на стоптанные туфли медсестры, в голове у него промелькнуло все, что он знал по поводу течения беременности и родов при тазовом предлежании. Поскольку беременность была позади - оставались роды, способные осложниться излитием околоплодных вод, выпадением пуповины и слабостью того, что именуется родовой деятельностью.

«Кроме того, - думал он, уже осматривая женщину, - внутриутробная гипоксия плода, сокращение внутреннего зева шейки матки, запрокидывание ручек ребенка и разгибание головки плода. И все это, увы, чревато как детским, так и материнским травматизмом».

- Будем делать кесарево, - не сказал он медсестре, а приказал. - Готовьте операционную!

И вскоре после этого все «мирские» заботы и хлопоты вдруг отодвинулись от главного врача - он с головой ушел в то колдовство и в то священнодействие, которое можно сравнить - хотя бы отчасти сравнить - с великой работой Творца, создающего новую Жизнь. По сути дела, так оно и было. Не вмешайся он - Рассохин - в это коварное тазовое предлежание, так еще неизвестно, чем бы дело закончилось, а точнее говоря, хорошо известно из печальной практики, когда погибали и роженица, и дитя. Так что Рассохин был в буквальном смысле слова - Творец Новой Жизни. После всех необходимых приготовлений и после наркоза он осторожно - и в то же время решительно! - сделал вертикальный разрез. Такой разрез - в отличие от горизонтального - производится всегда при экстренном кесаревом сечении, чтобы как можно быстрее вынуть ребенка. И он вынул его, пересек пуповину и по заднице шлепнул - чтобы скорее в чувство привести. И под стерильным потолком операционной раздался бунтующий, торжествующий крик новой плоти и нового духа.

- Богатырь! - с улыбкой сказал Рассохин, довольный результатом сечения, и добавил то, что он обычно добавлял в таких случаях: - Нет, чтобы дитя поцеловать, когда он появляется на белый свет, так мы его сразу по заднице хлещем! Вы представляете, что он может почувствовать, приходя в этот мир?

Короткий прилив красноречия схлынул, и главврач вновь нахмурился, аккуратно зашивая разрез, восстанавливая брюшную стенку и накладывая швы и скобки на кожу.

Вся операция длилась - чуть больше тридцати минут, но сколько же нервов было потрачено, сколько пота, крови пришлось пролить за это время! Просто диво дивное, как плотно умеет сжиматься каждая доля секунды, как много помещается порой под куполом одной минуты, как будто под куполом вечности.

Потом к Рассохину пришли благодарные родители спасенной роженицы и новорожденного мальчика.

Простодушный какой-то мужик, пропахший табаком и водкой, похожий на пьяного ежика, жесткой бородой своей исколол Рассохина, пытаясь поцеловать. А за спиной пьяного «ежика» стояла смущенная розовощекая баба, протягивала главному врачу какой-то узелок с «дарами волхвов».

- Вы теперь будете крестным отцом, - говорила баба, не спрашивая на то согласия Рассохина. - Как теперь вы скажете, так мы мальчонку и назовем.

- Да? - не поверил Рассохин и вдруг что-то вспомнил, глядя за окно, где стояло на краю больничного двора здание деревянное морга. - А может, Емельяном назовете?

Пьяный ежик будто моментально протрезвел.

- Нет! - громко заявил он, поднимая кулак над головой. - Как хотите, но тока не так!

Рассохин был удивлен такой внезапной метаморфозой.

- А что? Почему? Хорошее русское имя.

Вздыхая, пьяный «ежик», потупив глаза, стал объяснять:

- Хахаль был у дочки - Емелька, ни дна ему, ни покрышки. Ребенка заделал и скрылся, паскуда. Он думает, что ежели он сынок начальника - головы района - так ему все позволено? Да я найду его и голову скручу.

Широко раскрывая глаза, Рассохин встал из-за стола и, разволновавшись, прошелся по кабинету. Остановившись, он какие-то бумаги на столе начал перекладывать с места на место.

А пьяный «ежик» тем временем все продолжал возмущенно что-то говорить и говорить по поводу проклятого хахала, который «заделал дитенка и скрылся».

Подойдя к просторному окну, Рассохин посмотрел в сторону морга. Подушечками пальцем побарабанил по подоконнику.

- Выйдите, пожалуйста, - тихо попросил он и автоматически добавил по латыни: - *De mortuis aut bene, aut nihil**.

4

Воздух за окном уже по предвечернему синел, когда Рассохин с облегчением вздохнул, освободившись от визитеров, управившись с делами как срочными, так и не очень. И только после этого, сидя в крутящемся кожаном кресле, он мыслями вернулся к тем земным проблемам, которые оставил, кажется, не несколько часов тому назад, а несколько дней - так далеко все это «мирское» отодвинулось.

«Неужели тот пулеметчик, взбаламутивший спокойствие всего района, - Степан Стародубцев? - подумал Рассохин. - Может, кто-нибудь другой сидит на чердаке?»

Желая рассеять сомнения, он позвонил сначала одному, потом другому «доверенному лицу». И все они в голос говорили одно и то же: да, за пулеметом был Герой Советского Союза Стародубцев.

«Странно! - устало удивился главный врач, собираясь ехать домой. - Вроде бы спокойный человек, и вот на тебе...»

Рассохин взял с вешалки черную шляпу, надел ее и уже потянулся к своему осенне-весеннему плащу пепельного цвета, но вдруг задумался о чем-то и медленно - как во сне - прошел к рабочему столу. Постоял и медленно снял плащ - бросил на стулья, стоящие вдоль стены.

«Я удивляюсь, - подумал Рассохин, - а между тем, ничего тут удивительного нет, к сожалению».

Не снимая шляпы, он покопался в картотеке, нашел то, что нужно и, пройдя в ординаторскую, достал из стеклянного шкафа историю болезни Стародубцева.

«Так, ну, и что мы здесь? - Рассохин вздохнул, снимая шляпу, как если бы снимал ее перед больным. Полистал амбулаторную карточку. - Вот так! Война никому еще на пользу не пошла! Психика идет на перекося...»

Перечитав до конца историю болезни Стародубцева, главный врач сел в машину и поехал к месту происшествия. Он, кажется, понял, как можно уговорить пулеметчика прекратить огонь и возвратиться к тихой, мирной жизни.

Глава девятая

1

Синий дым уже струился из чердачного окна, за которым грохотал пулемет, набросавший кругом себя целую гору отстрелянных гильз. Под сапогами пулеметчика валялись пустые матерчатые ленты, и заряженные, в каждой из которых было по двести пятьдесят патронов. Ствол пулемета, помещенный в специальный кожух, заполненный водой, раскалился уже до того, что крышка кожуха раздулась - паровому клапану трудно было справляться с давлением. Четыре литра клокотали в кожухе, грозя порвать его на лоскуты.

* О мертвых или хорошо, или ничего.

Стародубцев оставил в покое раскалившийся пулемет - воду менять было некогда. Пошатываясь, он перешел к другому чердачному окну, где стоял другой станкач на изготовку. Этот, правда, был похуже. Скорострельность похуже - двести выстрелов в минуту. И прицельная дальность похуже - меньше тысячи метров.

«Ничего, и так сойдет, - вытирая пот со лба, подумал Степан Солдатеич. - Я их близко не подпущу!»

Он прислушался к тому, что происходило поблизости.

Странное какое-то затишье повисло над чердаком и вообще над окрестностью. Через минуту-другую после того, как пулемет замолчал, жизнь в окрестном лесу и в лугах потекла как будто привычным чередом. Только воздух вдаль стал сурьмитаться - смолистый плотный дым раскручивался над деревьями, стоящими вдоль трассы. Дым все выше и выше поднимался в голубое поднебесье и забирал под кривое крыло потускневшее солнце, налившееся кровяными красками. Ветер заламывал дым на соседней версте, лениво теребил и растрясал вороньи перья - на далекие пашни, на крыши ближайших селений. Уродливые тени все шире ползли по траве, повторяя контуры дымных облаков. И все шире, все тревожней, все печальней распространялся над землей военный запах жженого железа, резины и самой земли.

«Тихо-то как! - Стародубцев был насторожен. - Задумали что-то, видать!»

В тишине было слышно, как надсадно дышал пулемет - из парового клапана воздух выходил. Солнечный свет, просочившийся в какую-то щелку, желтым жуком подрагивал на пустой коробке, откуда Стародубцев только что вынул пулеметную ленту, приятно тяжелившую ладони - десять килограмм свинца калибра 7,62.

- Не пропадем, Гришаня! Заряжай! - приказал он другу своему, однополчанину, смутная тень которого мерещилась в голубоватом чердачном сумраке. (Это был Григорий Горностай, побратим Стародубцева.)

- А с кем воюем, командир? - почудился в ответ ему голос Горностая.

- С «викингами». С кем же?

- Да? - Тень Горностая постояла возле чердачного окна. - Я что-то их не вижу, командир.

- А ты возьми биноклю.

- Хорошо. - Тень последовала совету. - Нет, все равно не вижу, командир. Сдается, мы воюем со своими.

- Ты что, охренел? С какими своими? - захрипел Стародубцев. - У них же знамя власовское! Разуи глаза, Гришаня!

- Нет, командир, извини, это Андреевский флаг, - ответила тень Горностая. - Мы со своими воюем.

Широко раскрытыми глазами, глядя в дальний угол чердака, Стародубцев обхватил голову двумя руками. Потом присел у пулемета и прошептал:

- Неужели со своими? Да как же так?

Тень Горностая в дальнем углу тяжело вздохнула и козонками постучала по своей голове.

- Крыша у тебя изрядно прохудилась, командир.

Стародубцев посмотрел на тесовые плахи, подогнанные одна к одной.

- Где прохудилась? Не протекает. А дожди-то были вон какие...

- Протекло, командир, протекло! - Тень Горностая горько усмехнулась.

- Что-то я не пойму твои шутки. - Стародубцев сплюнул на отстреленные гильзы - они в ответ сердито зашипели. - Ладно, браток, мы покурим пока. Обмозгуем это дело как следует быть.

- А я не курю, Солдатеич.
- Бросил? Вот молодец. А я все никак не могу, хотя врачи все уши прожужжали. Ну, тогда, Гришаня, возьми-ка вон там патефон, заведи. Хотя не люблю я эти трофейные штуки, но песня-то - наша, да какая, брат, песня! Клава Шульженко как славно поет про синенький скромный платочек, за который строчит пулеметчик. А еще там есть - «Давай закурим». - Стародубцев неожиданно повеселел. - Гришаня, а ты знаешь, кто написал эту песню - «Давай закурим»?
- Кто?
- Табачников.
- Да иди ты!
- Нет, я серьезно говорю. Представляешь, как оно бывает?
Тихая тень Горностая вздохнула.
- Представляю.
- Да! - Степан Солдатеевич закурил. - Нет случайностей на белом свете.
- Случай - царь Вселенной, - вспомнила тихая тень Горностая. - Так Наполеон сказал когда-то.
Стародубцев, рассердившись, отвернулся.
- Ты мне еще Гитлера приплети сюда!
- Командир, да брось ты...
- Щас докурю и брошу.
- Ну, что ты как маленький? Я же вспомнил просто так.
- А я просто так слышать не могу про эту тварь - про Гитлера. И ты это прекрасно знаешь.
- Ну, извини, командир. Отдохни, ты устал. Ты уже воюешь - бог знает, сколько...
В чердачное окно ворвался ветер, пошелестел какими-то газетами, валяющимися в дальнем углу, и тихая тень Горностая покинула старый чердак.

2

Умиротворенно, тихо, нежно, вкрадчиво весенний первый дождик зашеле-стел по крыше, по деревьям, стоящим недалеко от дома. И этот шелестящий равномерный звук - все больше уплотняясь и все крепче налегая на чердак - стал возвращать ему картины детства, где ярким солнцем широко и щедро засыпана была река, поляна, избы, огороды, «свесившие ноги» под обрыв. И несколько рослых коней - белой масти и черной - пришедшие на водопой, теплыми губами под берегом пощипывали воду, засыпанную солнцем, как будто крупным золотым овсом. И деревенская какая-то невзрачная собачонка норовила протиснуться между могучими конскими мордами, чтобы тоже напиться - как будто негде больше было это сделать. Кони сердито фыркали, вскидывая морды, - вода слетала с губ. Собачонка испуганно пятилась, зажимая хвост между ногами, а потом - когда кони снова начинали пить - собачонка снова норовила между ними встрять. Картины детства плыли перед ним, как бы наслаиваясь одна на другую или состязаясь наперегонки. Тут были картины, где отец его - Солдатея Иванович - рубил избу, сверкая топором, как полумесяцем. А неподалеку от отца ходил мальчишка - утопал по щиколотку в кудрявых стружках, пахнущих смолой, Уральскою тайгой, по горам поднявшейся к самому небу. Тут были картины таежного просторного покоса, где мальчик бродил по туманной траве - заблудился, рано утром выйдя из шалаша. Заблудился и так испугался, что даже не сразу откликнулся на голос матери. Тут были картины великого счастья, которое он полными горстями почерпнул только в пору короткого довоенного детства.

Весенний, теплый дождь убаюкал его, может быть, на две, на три минуты, но этого было достаточно, чтобы он - вздрогнув от грома, разломившегося над крышей - опять себя почувствовал бодрым и в буквальном смысле боеспособным солдатом, у которого даже близко не было мысли о том, чтобы сдаваться «викингам».

- Пускай они сдаются! Да, Гришаня? - бормотал он, закуривая последнюю папиросу. - Пленных будем встречать у Бранденбургских ворот!

Горностаи не ответил ему.

Зато ОНИ как будто услышали его.

Когда короткий теплый дождь закончился, Степан Солдатеич заметил машину, медленно выехавшую из-за укрытия. Это был военный газик с горящими фарами. Приглушенно урча, газик осторожно продвинулся в сектор обстрела и остановился на пригорке.

Из машины вышел командир ОМОНа капитан Чирихин.

- Может, лучше вместе? - спросил Рассохин, сидя в кабине.

- Нет! Ни в коем случае! - приказал Чирихин. - Оставайтесь там и не вздумайте выходить!

- Хорошо. А вы все запомнили, что я вам говорил?

- Все.

- Ну, с богом.

Капитан Чирихин молча кивнул головой, снял камуфляжную маску и, подняв руки над головой, пошел в сектор обстрела, рискуя получить не только пулю в лоб - целую очередь. Командир шел медленно, как по воде или минному полю, высоко поднимая и не сразу опуская ботинки, изредка сверкающие подковками - сзади было видно. Этот «выход из-за печки», как говорили за спиной Чирихина, был весьма рискованный, но по-другому капитан действовать не мог, не умел и не хотел. Прошедший «горячие точки» России, этот человек привык жить на острие и в любой ситуации принимал самое рискованное решение, до которого другой бы не додумался или струсил бы предпринять.

Пулеметчик дал короткую очередь над головой капитана. Слегка бледнея, Чирихин остановился и медленно вытащил белый платок - ветер подхватил его, расправил над плечом. И после этого Чирихин дальше двинулся - все так же медленно, как по воде или минному полю. Не дойдя метров сорока до избы Стародубцева, капитан был остановлен пулеметной очередью - бронебойно-зажигательные пули со страшным свистом и огнем разгрызли землю почти под башмаками капитана, и он изумился тому, насколько виртуозно пулеметчик владеет оружием.

Остановившись, Чирихин широко взмахнул белым платком.

- Есть разговор! - прокричал капитан и голос его показался удивительно знакомым.

- Валяй! - не сразу ответил Степан Солдатеич, думая, где же он мог слышать этот голос.

- На каких условиях вы готовы будете прекратить огонь? - спросил парламентар.

На чердаке задумались. Потом спросили:

- А где наша армия?

- Какая армия?

- Третья ударная.

Капитан замешкался на несколько секунд. Самое главное - он это почувствовал каждой клеткой, каждой фиброй души - самое главное было: «попасть в необходимую тональность», как доктор его только что учил и убеждал.

- Наша армия в Берлине! - крикнул капитан, ощущая, как вспотел от напряжения.

И опять на чердаке задумались.

- А Ванька Чураков нашел труп Гитлера?

Сердце капитана забилось более ровно, уверенно - он, кажется, попал в тональность.

- Труп Гитлера найден.

- Точно?

- Точно. Экспертиза подтвердила.

Чердак помолчал.

- Это хорошо, - сказали примирительно. - А ты сам откуда?

Чирихин понимал, что он в эти минуты может находиться в объективах бинокля, поэтому ответил, как можно серьезней и тверже:

- Я из Ставки главнокомандующего.

- А что это за форма у тебя?

- Маскировка.

- А ты не из «викингов»?

- Нет.

- А кто ты такой?

- Я русский капитан Чирихин.

Чердак затих. Задумался. Стекла Цейса блеснули в чердачном окне.

- На Чирихина ты не потянешь! - сурово сказал чердак. - Голосом вроде похож, а вот обличем нет. Что у тебя с лицом, сынок?

Желваки набухли на обгорелых скулах капитана.

- Да это так, отец... В бою...

- Понятно. А ты там, случаем, не видел Колю Чирихина? Он же твой брат, наверно? Или этот, как его?.. Однофамилец.

- Я видел Чирихина вашего, видел! - заверил капитан. - Он вам большой привет передавал.

- Это хорошо, сынок, спасибо. Но, как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь! - твердо сказал чердак. - Я прекращу огонь лишь при одном условии.

- При каком?

- Пускай восстановят Советский Союз! Беловежское предательство прощать нельзя!

- Я с вами согласен! Восстановим! - рискованно заверил капитан.

- А где гарантии, сынок?

- А какие гарантии нужно, отец?

Чердак задумался. Потом назвал несколько условий гарантии.

- Ты понял, сынок?

- Понял, батя.

- Ну, ступай себе с богом.

- Спасибо. - Чирихин отдал ему честь. - Значит, вы пока стрелять не будете?

- Если штурма не будет, я подожду.

- Штурма не будет, отец, если не будет стрельбы.

- Ну, вот и хорошо, сынок, договорились, а то я устал как собака.

- Отдыхай, отец. Счастливо.

- Ладно. А ты там передай потом привет Николику Чирихину.

- Передам. Обязательно. Я думаю, что вы скоро увидите.

- Не знаю, сынок. Не уверен.

3

После опознания трупа Емельяна - после возвращения из морга - Пустовойтова как будто подменили. Изменилась не только походка - глаза Пустовойтова сделались волчьими, стылыми, особенно тогда, когда Семен Азартович вынужден был разговаривать с командиром ОМОНа. Впрочем, разговора у них не получалось. Они придерживались крайних точек зрения на ЧП, возникшее в районе. Пустовойтов мрачно говорил, что во избежание кровопролития необходима срочная работа снайпера, а командир ОМОНа и главный врач - в голос уверяли, что в данном случае нужен психолог, а не снайпер. И начальник милиции тоже миндальничал, вел себя как баба, а не полковник.

И Пустовойтов решил с ними не спорить. Он решил действовать.

«Да пошли вы все... - в сердцах подумал он. - Я все-таки еще глава района и за все, что здесь творится - отвечать в первую голову мне!»

Не теряя времени, Семен Азартович послал гонца в Сосновый терем, на трехэтажную дачу, возле которой был обнаружен труп Емельяна с переломом шеи и многочисленными огнестрелами.

Косолапый Эрик - охранник Соснового терема - не заставил себя ждать. Приехав на своей машине, Эрик пересел в машину главы района, и там они сидели несколько минут, возбужденно разговаривая о чем-то. Для начала разговора охранник передал Пустовойтову какой-то черный пухлый дипломат, а в конце разговора заверил заискивающим тоном:

- Ну, я все понял, Семен Азартович. Скажу, что вы согласовали это дело с Москвой.

- Да, так и скажи. Да он же знает, что я - глава, не хрен собачий. Я всю ответственность беру на себя.

- Хорошо. Ну, я погнал...

- Давай, - сказал Пустовойтов и тут же взял Эрика за рукав. - погоди. Значит, говоришь, ты видел?

- Видел! - Эрик сделал какой-то «клятвенный» жест, который обычно используют блатные, желающие доказать свою честность. - Он сначала собаку сломал, а потом... Ну, когда мы стали его окружать... Я как будто чувал! Я сказал тогда: «Шеф! Ну, куда ты лезешь на... Ну, зачем вы лезете, в натуре?» Так он же упрямый. Да вы это знаете. Ну, тот его и поломал. С виду вроде бы старик, а на самом деле черт еще такой, что не дай бог...

- Поломать-то поломал, - скрипя зубами, сказал Пустовойтов. - Но пули-то почему-то в нем из твоего автомата. Баллистики сказали. Кто стрелял в Емелью? Что молчишь?

- Ну, это я не знаю... - Эрик заюлил глазами. - Этот старик, он отобрал автомат у меня...

- Отобрал! - Пустовойтов едва сдержался, чтобы не врезать по физиономии охранника. - Он старик! А ты? Такой бугай и справиться не мог?

- Да я откуда знал, что он герой? - пробормотал охранник. - У него же на лбу не написано.

- Ну, все. Иди. Быстрее. Теперь твоя дальнейшая судьба будет зависеть от того, насколько удачно ты с этим героем справишься.

Эрик растерялся.

- Так я же не снайпер! Семен Азартович! Я-то как с ним справлюсь?

- Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Иди скорей! Иди и уговаривай этого Фрица! Скажи, что если он не согласится поработать снайпером,

то я башку с тебя сниму! Ты понял? Ты мне ответишь за Емелю! Охранник, твою мать! Я за что тебе бабки такие платил? Пошел вон! Скотина!

Улыбаясь побитой улыбкой, Эрик согласно тряхнул головой и, напялив на брови жокейскую, желтую шапочку, вышмыгнул из дорогой просторной машины Пустовойтова.

Стараясь быть незамеченным, косолапый охранник быстро ушел за деревья, сел в свою машину и, давая волю чувствам, обматерил главу района как только мог, потом, резко развернувшись на поляне, он помчался на такой головоломной скорости - чуть корову не сбил на дороге, ведущей к Сосновому терему, к той трехэтажной даче, где Пустомеля вчера так хорошо начал было отмечать сделку с иностранцами и так прескверно все это закончилось.

Глава десятая

1

Миролюбиху весь этот долгий день так лихорадило, как никогда еще не лихорадило за двести тридцать лет - с тех пор, как первый русский мужик Миролюбин срубил тут первую избу на берегу реки и пашню раскорчевал.

С самого утра - не петух прокукарекал - весь народ был тут почти что на военном положении. В первые часы «войны» люди старались не ходить по улицам и переулкам, которые могли простреливаться. Да и вообще старались не ходить - береженого бог бережет. Но первая волна страха и ужаса понемногу схлынула, и появилось любопытство - что там да как? Ребятишки стали, как тараканы, пролезать сквозь щели в заборах - поближе к дому Стародубцева, поближе к «театру военных действий», где ходили бойцы ОМОНа в бронежилетах, с настоящими пистолетами, автоматами.

Ближе к вечеру в центре Миролюбихи - около большого бревенчатого здания - собрались уже не только ребятишки, но и взрослые. Пацанва сидела на теплых бревнах, старухи на лавочках. Старики в сторонке табак смолили. Чья-то потная лошадь стояла под седлом. Милицейская машина была припаркована под березой. Два бойца ОМОНа в бронежилетах курили возле военной машины, заляпанной грязью. И еще два бойца - наподобие часовых - стояли на крыльце бревенчатого здания, на котором висела позолотой сияющая новая табличка «Муниципальная библиотека».

В этот час, когда солнце уже покатилося на вечер, в библиотеке собралась необычная публика - «читатели» в мундирах и погонах, в порохом пропахшей камуфляжной форме.

В библиотеке - за неимением другого просторного места - шел военный совет, на котором Пустовойтов огорошил всех собравшихся неожиданным заявлением.

- Капитана Чирихина нужно срочно устранить от проведения операции! - сказал Семен Азартович, непримиримо глядя на своего заклятого обидчика.

Белоцерковский был не согласен.

- Устранить? На каком основании? Капитан так хорошо договорился о перемирии. С тех пор пока нет ни единого выстрела.

- А я говорю - устранить! Потому что капитан Чирихин - лицо заинтересованное.

- Заинтересованное в чем? - спросил начальник милиции.

- А пускай он сам расскажет... - Глава района посмотрел на своего обидчика и продолжил: - Капитан Чирихин - сын Стародубцева. Приемный сын.

Начальник милиции растерянно посмотрел на командира ОМОНа.

- Чирихин! Это правда?

Капитан поднялся - курчавой головой под потолок.

- Так точно, товарищ полковник.

- А почему вы сразу не сказали?

- Коней на переправе не меняют, - угрюмым басом загудел Чирихин. - Когда я поехал сюда командиром - я не знал, что мне придется воевать с моим отцом. А потом я подумал, что мне... Мне будет как-то проще с ним договориться.

- Он вас узнал?

- Это к делу не относится, товарищ полковник. Достаточно того, что я договорился о полном прекращении огня.

- Ну, и как вы теперь собираетесь Советский Союз восстанавливать? - усмехнувшись, спросил Пустовойтов. - Ведь он же вам выдвинул такие условия...

- Я в этом не вижу ничего веселого, - сказал Чирихин, яростно глядя в глаза Пустовойтову. - Уж кому, кому, а вам бы лучше помолчать насчет того, что я - лицо заинтересованное. А вы, простите, какое лицо? Не заинтересованное? Может, мне рассказать, что произошло сегодня утром в вашем кабинете? А потом рассказать, как вы получили по морде или - прошу прощения - по своему заинтересованному лицу? Рассказать?

Белоцерковский ладонью решительно прихлопнул по столу и приказал прекратить весь этот базар.

2

Старик Зимин давно уже весь белый как зима - голова белым-бела, борода ослепительно белая. Покуривая сигарку, старик сидел на скамье возле новенькой сияющей таблички «Муниципальная библиотека». А неподалеку от старика остановилась черная комолая корова - большими добродушными глазами корова пяtilась на ту золотую табличку и поминутно редела, то ли голодная, то ли недоенная из-за военных событий в селе.

- Что? - спросил старик. - Трудно, Милка, прочитать? И мне это словечко не по зубам. Как придумают че, так хоть стой, хоть репку пой!

Боец ОМОНа с автоматом прохаживался неподалеку от старика.

- А чего? - Он пожал плечами. - Муниципалитет. Нормальное слово.

- Да вам-то, молодым, чем дурней, тем потешней! - в сердцах сказал старик Зимин и посмотрел на окна муниципальной библиотеки. - Какого они хрена там совещаются? Как прямо в этих... в Филях! Они вот так вот и в войну просвещались, пока не немец под Москвой не оказался.

- Ждут! - многозначительно сказал боец.

- Какого хрена ждут?

- Скоро сюда корова прилетит.

Старик Зимин изумленно посмотрел на него, потом на корову, мычащую возле ограды «му-у-ниципальной библиотеки».

- Так, так, - заговорил он с печалью в голосе. - У вас теперича даже коровы летают? Дожились.

Боец ОМОНа, усмехнувшись, закурил и сплюнул под сапоги.

- «Корова» - это наш военный вертолет МИ-26. Ну, так прозвали. Большой потому что.

Старик Зимин вздохнул, подслеповато присматриваясь к небу, где снова начинали во весь дух пропархивать и верещать весенние ласточки и скворцы, пришедшие в себя после пулеметной трескотни.

- Теперича понятно, - со вздохом облегчения сказал старик. - А я чуть было не испужался. Такая, думаю, теперича наука в нашем бывшем СеСеСеРе, что все коровы, думаю, под облаками пасутся...

Запрокинув голову, молодой боец расхохотался, а старик неожиданно нахмурился, вставая с лавки и подслеповато глядя из-под руки - в дальнюю сторону широкой улицы.

3

Пожилая какая-то женщина в черном платье бежала посредине улицы, то и дело спотыкаясь, падая. Она бежала и плакала. И не просто плакала - рыдала, причитала и всхлипывала, и что-то несвязно шептала между громкими причитаниями. Забывая вытирать слезы, и оттого становясь как бы слепой, женщина, вставая, ощупывала воздух перед собой. Отдыхивалась несколько секунд и опять бежала, усталыми ногами загребая пыль, чуть прибитую первым весенним дождем, клубками встающую следом и не оседающую в теплом неподвижном воздухе. Одной рукой придерживая безумно колотящееся больное сердце, женщина другой рукой размахивала над головой - в руке метался белый платок.

Серые глаза у старика Зимина, глубоко сидящие под маленькими выгоревшими бровями, стали как-то болезненно-мелко подрагивать. И губы задрожали, когда он заговорил:

- Бежит, бежит, родимая! Я так и знал, что она прибежит. Хоть из-за реки, хоть из отсюда...

- А кто это? - Боец ОМОНа растерянно уставился на ревущую бабу, пробежавшую мимо. - Кто это, дед?

- Марфута-Переправница.

- А кто она такая?

Старик посмотрел в сторону избы Степана Стародубцева.

- О-хо-хо... - Зимин вздохнул, поглаживая свою «зимнюю» бороду. - Эта Марфута, внучек... Она же его, дурака-стародуба, любила всю жизнь. А я, стало быть, из-за нее, из-за этой бабы-дуры остался в бобылях. Вот такая, солдатик, история. А ты говоришь мне, коровы летают...

- Дед! - в недоумении сказал дюжий боец. - Баб, что ли, в деревне вашей не было? Зачем ты бобылем прожил? Я в это дело как-то не врублюсь.

Старик Зимин вздохнул и отвернулся, чтобы скрыть мокро заблестевшие глаза.

- Бабы-то были в деревне. И мужики тоже были. Свадьбы играли, рожали - вот таких вот дундуков, как ты.

4

Марфута-Переправница прорвалась в какой-то накуренный зал, где было полно и военных и гражданских людей.

- Роденькие! Вы ж не убивайте! - запрочитала седая женщина, у порога упав на четвереньки и подползая к пыльным офицерским сапогам - стала хватать за каблуки, судорожно гладить и слезами кропить.

У полковника скулы морозом свело. Он резко дернул головой и посмотрел на лейтенанта, стоящего «на часах» возле двери.

- Виноват! - пролепетал лейтенант, разводя руками. - Залетела, как из пушки...

Полковник легко приподнял седоволосую женщину - поставил на ноги.

- Присядьте, - сказал Белоцерковский, глядя женщине в глаза. - Вы кто ему будете?

Марфута-Переправница - только что смертельно бледная - стала краснеть.

- Так... - прошептала она, опуская глаза. - Я никто ему, никто...

Лицо ее было в пыли, и поэтому слезы вдруг показались черными от горя.

- Успокойся, мать! - зарокотал полковник. - А что ты предлагаешь? Гнилыми помидорами закидать его?

- Не убивайте, роденькие! - опять запрчитала Марфута-Переправница. - У него затмение! Доля, покойница, мне говорила. Не убивайте! Я сама к нему пойду, он образумится...

И в это время снова на краю села глухо, но грозно зарокотал пулемет. Собаки взвыли где-то, а прямо под окошком муниципальной библиотеки испуганная лошадь заржала, поднимаясь на дыбы. Полковник молча кивнул кому-то: два офицера взяли женщину под руки и осторожно проводили в коридор.

Мрачней, Белоцерковский постоял возле окна и резко приказал:

- Машину!

5

Прикрываясь берегом реки, они проехали на край села.

Со стороны амбаров, пригибаясь, к полковнику бежали подчиненные. Один из них был с мегафоном.

- На колокольню лазил, - доложил он, запыхавшись. - Уговорить пытался.

- Ну и что он вам ответил?

Офицер смущенно развел руками.

- Он сказал, чтоб мы сдавались. Сказал, что пленных он будет встречать у Бранденбургских ворот.

- Ну, и что ж вы не сдаетесь? - багровея, неожиданно крикнул полковник. - Почему не идете к Бранденбургским воротам? Не можете справиться с одним пулеметчиком! Я вас всех разжалую! Всех! До рядового!.. Что? Что разинул рот? Идите! Атакуйте! И чтобы через пять минут ни слуху и ни духу от этого героя!..

В воздухе повисла звенящая, зловещая тишина.

- У него тут все пристреляно, товарищ полковник. Зачем же зря парнями рисковать? Ведь он же никого пока не зацепил, если не считать зайца в поле...

Офицер вполне резонно говорил, но именно эта резонность, исходящая от младшего по званию, полковнику не понравилась.

- Скоро стемнеет. Ты соображаешь? Он в темноте уйдет из-под контроля и тогда черт знает что здесь может быть. И кто потом за это будет отвечать? Короче так. Давай готовить штурм и все. Хватит миндальничать.

- Пустовойтов говорит, что скоро будет снайпер.

- Где он возьмет его? Родит?

- Не знаю. Только говорит, что очень скоро.

Несколько минут они смотрели на дорогу - серую, пустую, идущую вдоль изгиба реки. Багровое солнце, плывущее над кромкой дальнего леса, уже заваливалось в легкую предвечернюю дымку. За околицей растягивались тени от деревьев. Где-то в лесу за рекой кукушка подавала сиротливый голос.

5

Штайнер был чистокровный ариец, выглядевший лет на двадцать пять. Длиннорукий, жилистый. Как зверь, бесшумный при ходьбе. Влажноватые, белокурые волосы на голове - он купался в бассейне, когда Эрик приехал за ним - выдавали сильно оттопыренные уши. Свежевыбритые щеки Фрица дышали одеколонной свежестью, румяным здоровьем. В летней пестрой футболке, натянутой наспех, в потертых синеватых джинсах, в белых новеньких кроссовках - он выглядел приехавшим на пикник. Несколько лет перед тем, как заняться серьезным бизнесом, Штайнер увлекался спортивной стрель-

бой. И это до сих пор было заметно: взгляд у спортивного снайпера был атакующий, сильный, с каким-то холодным прицельным прищуром, похожим на нервный тик, появившийся у Фрица с самых детских лет, когда он почуял в себе незаурядный талант и желание стрелять, все равно, куда, лишь бы стрелять. В нем и теперь проскальзывало что-то полудетское - в этой размалеванной футболке, в развязавшемся шнурке, волочившимся по траве.

Один из офицеров, демонстративно отвернувшись от Фрица, поправил кобуру на поясе, и тихо, но твердо сказал своему товарищу, лейтенанту:

- Ну, если этот Фриц будет стрелять в Героя Советского Союза, тогда я в отставку ухожу!

- Да куда ты не уйдешь, - с неожиданной злостью заговорил лейтенант. - И я не уйду. И полковник дослужит до пенсии. Потому что все мы - твари позорные!

Полковник побледнел, краем уха услышал слова подчиненного. И надо было что-то делать, как-то реагировать. И полковник сделал - он благоразумно сделал вид, что не слышал крамольных речей.

С неприязнью глядя на подходящего Фрица, полковник приказал дать мегафон. Сильная краска гнева - и гнева, и стыда - пробил щеки, шею полковника. Выходя из-за амбара, он раздраженно крикнул в мегафон:

- Стародубцев! Это глупо! Вы окружены! Сдавайтесь! В противном случае придется...

С чердака в огород полетела граната, и вечерний воздух озарился на несколько метров вокруг.

Над амбаром просвистели щепки... Стекло в бане лопнуло и застучали земляные комья, сбегая по тесовой амбарной крыше...

Стало тихо, так тихо, что полковник услышал тиканье своих часов под рукавом мундира. Машинально потянувшись пальцами, он нашел прохладную головку механизма и попробовал зачем-то завести, но часовая пружина доведена была до предела. И точно такую же пружину - доведенную до предела - полковник ощутил в себе.

- Давайте сюда Фрица! - приказал он, свирепо сплюнув под сапоги.

6

Большой любитель музыки, знаток немецкой готики, русской поэзии и русского барокко - Штайнер заинтересовался этой полуразрушенной церковью, куда его привезли. Даже при беглом осмотре эта церковь представляла для Штайнера интерес. Это был удивительный образец русского барокко, соединенного с величием русской поэзии, - это был тип традиционной одноэтажной церкви, которую мастеровые люди построили, чуть отойдя от традиции, но отойдя - в самую лучшую сторону. До войны здесь можно было увидеть изящное пятиглавие с фигурными барабанами и позолоченными главками. Ну, а теперь - что толку говорить и попусту вздыхать - теперь тут царила разруха и запустение.

Некогда белая, а теперь сильно обшарпанная колокольня, с которой предстояло Штайнеру стрелять, напоминала Пизанскую башню, только с еще более рискованным наклоном.

По крапиве и по лопухам подойдя поближе к «Пизанской башне», Фриц даже вдруг засомневался, а надо ли взбираться на верхотуру? У него возникло опасение, что колокольня может обрушиться после выстрела. Но русский друг его - глава района, сопровождавший Фрица - клятвенно заверил, что он совсем недавно самолично лазал на эту колокольню, пацанов оттуда прогонял, сельских ротозеев.

Озадаченно хмурясь, Штайнер взял чехол, где лежало дорогостоящее оружие с оптическим прицелом, - подарок Пустовойтова.

- Я провожу, - взволнованно затараторил Семен Азартович, - все будет о-кэй! Эта колокольня сто лет стояла и сколько же еще простоит!

Фриц как будто не слышал этого русского друга - и не слышал, и не замечал. Однако он заметил непорядок на кроссовке - шнурок развязался. Наклонившись, ариец жилистыми пальцами быстро и ловко скрутил шнурок и завязал аккуратным бантиком. И после этого, бесшумно ступая среди лопухов и полыни, Штайнер подошел к деревянному, сильно подгнившему крыльцу колокольни. Сквозь зубы что-то пробормотав, Штайнер посмотрел вверх.

Над колокольней проплывало облако, уже подкрашенное закатной кровью. Перепуганная ласточка, у которой было гнездо на верхотуре, беспокойно чертила по небу, тихо, но пронзительно попискивая.

Тесовые ступени под ногами Фрица, когда он стал подниматься, постанывали, как живые, а иногда потрескивали, грозя обломиться.

Оказавшись наверху, Штайнер огляделся и, не удержавшись, раздраженно сплюнул с колокольни, потому что позиция эта - для работы в сию минуту - была не важнецкая. Прямо скажем - хреновая.

«Солнце светит прямо в глаз, будто едешь на Кавказ. А ехать надо на Европу, чтоб светило прямо в опу... Или как там русские парни вчера шутили на даче?» Ухмылка на мгновенье скривила губы Штайнера, и тут же он поставил себя сосредоточиться.

«Вот здесь, - подумал Фриц, зоркими глазами скользя по пустырю, - где-то на этих полях русские солдаты убили деда моего и прадеда. И теперь у меня есть возможность поквитаться с ними. И я эту возможность не упущу!»

Ладонью подсекая яркие лучи, он подумал еще и о том, что было бы разумно подождать, когда солнце опадет за чердак, на котором сидит пулеметчик. Если бы солнце чуть-чуть присело, чуть закатилось за соседний амбар - стрелять было бы лучше. Но Фриц боялся «перегореть» - тогда он уже не стрелок; он себя знает по соревнованиям. Да и вообще - не тот сегодня slučaj, чтобы ждать; тут война идет, паленым пахнет...

Принюхиваясь, Штайнер оглянулся. Что за чертовщина? Где горит? Сельские подростки, побывавшие здесь до него, играли, должно быть, с огнем и запросто могли что-нибудь поджечь.

Однако дымом пахло не поблизости, а в отдалении.

Штайнер глянул вниз, по сторонам пробежался юркими и цепкими глазами. И вскоре понял, что горит простреленный чердак, на котором сидит пулеметчик - вернее, только-только начал подымливать правым углом. И хорошо, что ветерочек слева дергался - снимал помеху.

Неспешно, спокойно Штайнер стал пристраивать винтовку в пустом проеме звонницы.

- Erst wägen, dann wagen*, - пробормотал он.

После того, как винтовка была пристроена, Фриц подышал на руки, следив их узенькой лодочкой. Затаив дыхание, смахнув слезу, выжатую солнцем, он терпеливо пялился в мощный объектив, дожидаясь, когда можно будет русского героя «сфотографировать на вечную память»; это Эрик по дороге так шутил в машине. Несмотря на слепящее солнце, Штайнер отлично видел деревянный крест чердачного окна, проконопаченный пулями; осколок стекла серебрился отколотым краем; ствол пулемета виднелся и

* Семь раз отмерь, один отрежь.

пулеметная широкая «щека», выгодно повернутая в сторону от снайпера - как раз то, что нужно - коридор для выстрела был идеальным, только чело- века в коридоре не было пока.

7

Неизвестно, сколько ждать пришлось бы, но проворный, услужливый Эрик проявил исключительную находчивость. Поправляя жокейскую, желтую шапочку на голове, он подошел к офицеру милиции, попросил у него мегафон и заорал из-за угла амбара - вспомнил, видно, все, что в школе учил на уроках немецкого:

- Ахтун, ахтун! Русиш швайн! Хэнде хох! Ком цу мир!..

- Мир!.. мир!.. мир!.. - откликнулось эхо на том берегу в голубеющих соснах.

После такой «горячей» немецкой речи, произнесенной истеричным голосом, за темной крестовиной чердачного окна замаячила фигура в гимнастерке.

«Золотая Звезда» на груди засверкала.

Затаив дыхание, Штайнер прицелился, нажал на курок и в следующий миг удивлен был тем, что русский солдат устоял на ногах. Пуля угодила под звезду героя, где должно быть сердце, - это Штайнер видел в оптический прицел, но русский солдат после выстрела только покачнулся и рукой зажал звезду героя, из-под которой показалась кровь.

- Donnerwetter! - прошептал изумленный Штайнер, теряя цель из виду и начиная думать, что он промахнулся.

И тут на старой лестнице раздался громкий топот - на колокольню поднялся Пустовойтов.

- Я забыл сказать... - начал он, запыхавшись. - У этого уroda - сердце справа! Понимаешь? Доктор говорил! Ферштейн?

- Scher dich zum Teufel! - раздраженно крикнул Штайнер, сам не понимая, что с ним происходит. Благовоспитанному, хорошо начитанному немцу вдруг стало противно оттого, что ему приходится делать черт знает что; и он бы никогда не сделал ничего подобного, если бы ни этот странный русский тип, которому во что бы то ни стало нужно было убить своего соплеменника. «Зачем это нужно ему?» - подумал Фриц и снова крикнул: - Scher dich zum Teufel!

Пустовойтов, не владеющий немецким языком, по интонации голоса и по выражению лица понял, что немец сказал что-то резкое и неприятное. Но Пустовойтов сделал над собой усилие и улыбнулся - одними губами.

- У него сердце справа, - повторил он. - Вот здесь. Ты меня понял, Фриц?

- А у тебя где сердце? - вдруг на хорошем русском языке поинтересовался Фриц и неожиданно стволом винтовки уперся в грудь Пустовойтова. - Оно у тебя есть? Давай проверим!

Бледнея, глава района стал вырывать винтовку.

- Слушай ты, Агидиус! Молодой козел! А ну, отдай!

На колокольне завязалась драка, за которой наблюдали те, кто был внизу поблизости. И очень скоро на этих наблюдателей сверху посыпались гнилые кирпичи и заскрипели доски.

Народ поторопился отойти подальше.

Дряхлая, полуразрушенная «Пизанская башня» вдруг затрещала где-то в сердцевине, а потом кривая щель - как черная молния - пробила колокольню сверху донизу...

- Мать твою! Разбегайся! - закричал кто-то, стоящий в отдалении. - Падает!.. Падает!..

Сверху посыпались пудовые камни, дубовые балки, на которых когда-то держались колокола. Известка белым облаком закружилась над горой обломков. Старая икона с Георгием Победоносцем - кем-то замурованная в стену колокольни - вдруг упала на землю и откатилась к ногам перепуганных односельчан, стоящих на краю оврага, поросшего крапивой и полынями.

Какой-то конопатый мальчуган - смельчак в белой драной рубаше - подбежал, поднял икону, и в следующий миг случилось то, что заставило почти что всех свидетелей этой истории сначала содрогнуться, а потом заплакать.

8

Торжественная медь огромного оркестра оглушительным залпом ударила по тишине. Содрогнулись деревья, поникла трава, стекла в домах зазвенели. Даже закатное, кровавое солнце в низких тучах содрогнулось и на мгновение выглянуло, будто бы желая посмотреть, что тут случилось.

«Прощание славянки» зазвенело в воздухе, с каждой секундой крепчая, ширясь...

Воронья стая, только что присевшая на кроны тополей недалеко от дома Стародубцева, содрогнулась как единое, темное тело, вздыбила крылья, гортанно галдя, и закружилась, крестами кидая тревожные тени на крыши, на деревья, на развалины старой колокольни, над которой все еще висело известковое белое облако.

Офицеры и солдаты, стоящие за амбарами, тоскливо и томительно ожидающие снайперского выстрела, а дождавшиеся «взрыва колокольни» - все от неожиданности вздрогнули и точно по команде уставились на широкое горло белесоватого репродуктора, висевшего на столбе - недалеко от дома Стародубцева.

Репродуктор этот - и несколько других в селе - с самого утра включили в радиосеть, чтобы время от времени делать громогласные предупреждения жителям: соблюдать осторожность и не появляться на улицах в виду смертельной опасности. И вот сейчас - ни раньше и ни позже - какой-то пьяный сельский радист врубил «Прощание славянки» на такую могучую громкость, какую только могли выдержать барабанные перепонки. На несколько мгновений даже показалось, что это не репродуктор на столбе - не может быть, чтоб так истошно заиграло простое железное радио на столбе. Это кто-то вживую рыдал в небесах, рвал рубаху на груди, рвал облака и молнии метал, разгоняя стаю ворон, улетающих в сторону темнеющего бора.

9

Капитана Чирихина - после совещания в библиотеке - посадили под «домашний арест», чтобы он не помешал проведению операции. Только нужно было знать Чирихина, прошедшего «горячие точки». Его пытались брать не только что люди - безжалостные звери с ним не справлялись, когда он раза три попадал в окружение тех двуногих зверей. А этих - «полуштатских», как называл их Чирихин - он никогда их не считал серьезной преградой.

Он ушел из-под «домашнего ареста» и на место боя прибыл в ту минуту, когда сухая крыша его родного дома - дома Стародубцевых - уже коробилась от внутреннего жара. Красными перьями огонь пробивался по левому покатому крылу чердака - там и тут постреливали сучья, позванивали остатки стекол, вылетая из чердачных окошек, смотревших на все четыре части света.

- Что? - каменным голосом спросил Чирихин, подходя к полковнику милиции. - Справились со стариком? Может быть, вы еще с детишками да с бабами тут повоюете?

- Капитан! - сказал Белоцерковский, не глядя ему в глаза. - Если вы сейчас не уйдете, я прикажу вас...

- Да ничего ты не прикажешь! - оборвал Чирихин. - Во-первых, потому что ты не командир, а во-вторых, потому что я твои приказы видел...

Белоцерковский побагровел, слушая отборную ругань.

- Попрошу выбирать выражения! - сдержанно сказал гордый поляк.

- А у нас тут что? Первый бал Наташи Ростовой? - Командир ОМОНа сделал какой-то условный знак, и через две-три секунды возле него уже стояло несколько бойцов. - Значит так, славяне. Слушай приказ. Этот человек - он был русский герой, каких теперь не сыщешь днем с огнем. И хоронить его будем по-человечески. Так что - за мной!

Бойцы ОМОНа, грохоча сапогами и на всякий случай держа оружие на изготовку, ворвались в открытые двери избы Стародубцева и на несколько секунд опешили.

Посредине избы находился праздничный стол, накрытый светлой скатертью - большой, хлебосольный.

- Похоже, нас тут ждали! - удивленно сказал кто-то. - Может, пропустим по сто грамм по случаю Победы?

- Отставить разговорчики! - приказал Чирихин. - Вон лестница! Вперед!

- А тут закрыто, командир!

- Вышибай!

- Люк железный, хрен вышибешь!

- А ну, отойди! - Чирихин несколько раз шарахнул железным прикладом - крышка люка скрипя, отлетела.

На дымящемся просторном чердаке они увидели седого солдата, спиной привалившегося к темному столбу, служившему опорой для стропил. Немигающие глаза его пристально смотрели куда-то в чердачное оконце, в ту немислимую даль, где уже разгоралась первая звезда в глубинах мироздания.

Жилистые руки Стародубцева намертво вцепились в гашетку пулемета, нашелушившего под сапоги отстрелянные гильзы - еще теплые, желтоватые. На груди у него золотом горела звезда героя, а чуть пониже на гимнастерке виднелся черно-красный прострел от снайперской пули.

- Так у него же сердце справа! - вслух подумал Чирихин и, опустившись на колени, приложился ухом к правой стороне груди Стародубцева. Сердце молчало.

Бойцы хотели поднять его, но жилистые руки Степана Солдатеевича как будто вросли в пулемет - невозможно было руки разомкнуть.

- Командир! - вдруг закричал боец. - Смотри! Сейчас рванет!

Огонь пластал все громче и все яростней на чердаке, забитом боеприпасами. А потом в углу тихонько что-то шелкнуло и зашипело - и по чердачному пыльному полу побежала искристая змейка.

- Бикфордов шнур! - бледнея, крикнул Чирихин. - Уходите! Живо!

- Командир! Мы без тебя...

- Уходите, я сказал! Это приказ! - Чирихин все еще надеялся вынести отца из этого страшного пекла, но оторвать его от пулемета было невозможно. - Ну, что, отец? Прости. Прощай.

Спотыкаясь, Чирихин - следом за бойцами - едва успел выскочить во двор и добежать до амбара.

Тесовую крышу избы огонь охватил уже полностью, кумачом расстелившись по широкому скату и доставая до оконных карнизов.

Сначала взрывная волна над избой подкинула в небо гигантское беззвучное пламя, похожее на золотую раскаленную звезду, а вслед за этим - сотря-

сая, кажется, весь мир! - вздыбился такой могучий взрыв, что на месте дома образовалась колоссальная воронка.

Много дней и ночей после этого дымила та воронка и чадила полынной, жутковатой горечью, разъедающей глаза так, что поневоле приходилось плакать многим русским людям, живущим в окрестных селах, деревнях и даже в отдаленных городах.

ЭПИЛОГ

Страшные пожары в том памятном году бушевали по России до середины лета. Степи горели, боры. Огненным валом сметало целые деревни и поселки. Жертвы были даже среди людей, а про зверье - про братьев наших меньших - и говорить не приходится. Но потом, слава богу, жара сломалась. Гранитным громом загрели грозы - обильные дожди пошли, прибывая пепел, притаптывая угли. И день, и ночь дожди оплакивали черное пространство, еще недавно полное зелени, цветов, птичьих песен, жужжания пчел и стрекота кузнечиков. Дождевые потоки там и тут превращались в бурные ручьи - бунтующие реки, выходя из берегов, грозили небывалым наводнением.

Печальная воронка на краю Миролюбихи переполнилась мутной водой, сырая земля оплыла, обрвнялась, притоптанная ливнями. Со временем вода в воронке посветлела, отстаиваясь, приняла в свои объятия отраженные огромного синего неба, но вскоре, нагретая солнцем, вода покраснела от какой-то ржавчины, таящейся на дне, и сделалась похожей на густую сукровицу.

Жуткую эту рану земли, день за днем подсыхающую, потихоньку забивало нежной ватой ромашек, затягивало травами, бинтовало широкими листьями лопухов. Чертополох полез под небо, василисник, паслен, белена да крапива. Какая-то птица в траве угнездилась и по ночам подавала негромкий тоскующий голос.

Марфута-Переpravница иногда кругами ходила возле воронки - сажала там цветы, крапиву дергала, полола горячую полынь. Седая женщина обихаживала эту воронку, будто могилу, где покоится любимый человек.

Изредка возле воронки можно было видеть капитана Чирихина, который собирался жениться и уезжать на родину свою - в Курскую область.

Постояв и покурив около воронки, обсаженной цветами, Чирихин зачем-то шел на пустырь, где свечками виднелись тонкие березы по-над берегом и темно-березовой грудой валялись обломки от рухнувшей колокольни.

Под этими обломками нашел свою гибель немецкий снайпер, и нашел свое внезапное безумие здешний глава района Пустовойтов. Почти все лето он в смиренной рубашке пролежал в областной психиатрической больнице, а потом сбежал куда-то, чтобы года через три объявиться на дорогах области в печальном образе юродивого странника, который поминутно извергал пустой какой-то вой из бородатого рта, неприятно слюнявого, свернутого набок то ли нервным тиком, то ли судорогой. Этот юродивый странник по прозвищу Пустовой временами вел себя более чем странно; из дорожного мешка он вынимал какую-то красную звездочку, вырезанную из материи или картона. Очень старательно - высовывая кончик языка из бороды - Пустовой прикреплял свою звездочку на грудь белой березы или бронзовой сосны, стоящей у дороги. Но все это будет позднее - года через три, через четыре.

* * *

Лето пошло под уклон. Зазвенели стылые, седые утренники. Крапивными иголками иней оцетинился - засверкал, засеребрился на заре. Из потемневших небес, тяжело груженных облаками и тучами - из каких-то свистящих космических дыр, хлынули на землю стылые ветра. И гигантским гудом загудели окрест голые леса и потемневшие боры, по которым все еще ходили-бродили под ночной луною и под звездами тихие тени убитых и не погребенных солдат - их не отпетые светлые души, отлетевшие к небу в годы Великой войны.

В середине сентября нагрянули откуда-то сырые листодеры, в соседних рощах нагребли, надрали красно-желтых листьев, засыпали канавы за дорогой и заровняли жуткую воронку на месте дома старого солдата, куда осенним тихим днем в последний раз приехал капитан Чирихин, чтобы через сутки со своей молодой женой Любомилой перебраться в Курскую область.

Затем пришла зима и скоро белой ватой плотно завалила зияющую рану, забинтовала свистящими вьюгами. В назначенное время - как будто заглянувши в календарь - придавили жесткие морозы. По утрам здесь было тихо до звона - точно кто на тройке с колокольцами поспешал по крахмальной, серебристой дороге, струною лежащей в полях или змеящейся где-нибудь в рощах. Земля в эту зимнюю пору обрела наконец-то долгожданный покой, дорогое сердцу, краткое забвение, чтобы собрать свои измотанные силы для новой жизни - зазвенеть весенними ручьями, защебетать скворцами, жаворонками, зашуметь лесами и луговым раздольем.

Земля с каждою весною воскресает опять и опять - цветет, ликует. А человеку заново расцветать, увя, не суждено. И потому однажды по весне - года через три после взрыва - Марфута-Переправница не пришла к той печальной воронке, уже очень густо заросшей травой, цветами. Эта седая старуха с необычайно молодой любовью в сердце как-то тихо-тихо, для многих незаметно скончалась в самом начале весны, когда земля оттаяла и озеленилась нежным пухом.

За это время в селе под Курском в семье Чирихина родился голубоглазый «курский соловей» - что-то щебетал, пуская пузыри, и жизни радовался так, как только могут дети или мудрецы, в душе своей хранящие свет радостного детства. И на четвертое лето - когда «курский соловей» маленько оперился - Чирихин со своим семейством на своей машине поехал в отпуск. Отдыхали дикарями на озерах, на реках в районе Курской дуги, где земля до сих пор еще не залечила старые шрамы - страшные следы от противотанковых рвов и траншей.

Своя ноша не тянет, поэтому Чирихин на горбу постоянно таскал голубоглазого «курского соловья»; ходили на рыбалку, собирали разную вкусную траву для чая - Любомила за ними едва попевала.

А потом Чирихин - теперь уже полковник Министерства внутренних дел, - конечно, не мог не заехать в ту заповедную глушь, где когда-то случилась вся эта история вокруг звезды героя бывшего Советского Союза.

Они удивились, когда вышли на пустырь возле реки - это был бывший пустырь, где когда-то стояла кривая колокольня, похожая на Пизанскую башню. Печальный тот пустырь теперь был на загляденье - кругом цветы на клумбах, кустики, подстриженные почти что под гребенку, а в самом центре большой поляны золотой головой доставал до небес Божий храм такой великой красоты, на которую даже безбожнику охота было перекреститься.

На паперти храма к ним вдруг подошел юродивый с большими темными глазами, в которых сверкал нездоровый какой-то азарт. Лето было на дворе, жара давила почти под тридцать, но юродивый жил как будто среди вечных снегов и морозов - шапку носил, телогрейку. Подобострастно улыбаясь жут-

коватой перекошенной улыбкой в дебрях бороды, юродивый шапку стянул с головы и поклонился Чирихиным - на крупном голом черепе виднелись кривые багровые шрамы.

Сердобольная Любомила, вынимая руку из кармана, привстала на цыпочки и, дотянувшись до мальчика, сидящего у отца на закорках, сказала, вздыхая:

- Дай дедушке копеечку, сынок.

Принимая милостыню, юродивый - в знак благодарности - начал вдруг извергать какой-то странный вой, неприятно выворачивая слюнявый рот, будто бы сведенный страшной судорогой.

* * *

Через несколько дней возвращались домой и Чирихин, сидя за рулем, сосредоточенно глядя на серую ленту шоссе, думал о том, что жизнь меняется и много в ней печальных, темных перемен, но все-таки больше приятного, светлого. Перед глазами у него стоял бывший пустырь, теперь так здорово озолоченный православным храмом, возле которого все цветет.

И пустырь удивительным образом переменялся, и место, где когда-то стояла изба Стародубцева, тоже изменилось до неузнаваемости. Чирихин даже присвистнул от изумления, когда они все трое оказались около бывшей воронки от кошмарного взрыва.

Молодой дубок стоял на месте дома Стародубцева.

- Как так могло случиться? - гадали потом и Чирихин, и Любомила. - Такое ощущение, что тут без воли божьей не обошлось!

Не только им все это было в диковинку - многие приятно удивлялись. Как так? Откуда и когда прилетело случайное семя, упало на место воронки, и однажды проклюнулся там, тихо поднялся на цыпочки молодой кучерявый дубок. С годами он окреп, заматерел, проявляя характер, помогающий выжить, несмотря на морозы и молнии. Он укоренился так, чтобы стоять в веках - широко, высоко, величаво. Стоять, как в русской песне той - среди долины ровные, как рекрут на часах. Стоять молчаливо, железно, храня в себе святую сердцевину нежности. Стоять и думу думать буйной головой, вздыхать под ветрами и что-то порою шептать облакам и звездам, солнцу и дождям, пролетающим птицам и проходящим народам.

Леонид МЕРЗЛИКИН
(1935-1995)

АРМЕЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

У Леонида Мерзликина, самого яркого поэта нашего края, при жизни вышло немало книг. Издавались они и после его смерти. Последним и самым полным таким изданием, стал двухтомник, вышедший в прошлом году.

Мы дружили с Мерзликиным с юных лет и до конца его жизни. Я знаю его ранние стихи. Позже, когда мы оба служили в армии, Мерзликин присылал мне стихи, опубликованные в армейских газетах. Они не вошли ни в один его сборник, не попали и в двухтомник избранных произведений. Я не знаю причин, по которым поэт не включал их в свои сборники. Но мне кажется, эти стихи заслуживают внимания. Они говорят о зрелости поэта уже в те, ранние годы. Поклонники замечательной поэзии Леонида Мерзликина должны знать их.

Леонид БАХАЕВ

ЗИМА

Опять зима, опять морозы,
Шумят бураны-степняки,
Стоят продрогшие березы
По берегам Оби-реки.
Горят поблекшие закаты
На небе светлосковом.
И снова лыжи, маскхалаты,
Походы в полном боевом.
Люблю в атаку с косогора
Скользить хрустящей целиной,
Снега сибирского простора,
Линую свежую лыжней.

Пускай бросает ветер с ходу
В лицо снежинки-мотыльки,
Пускай бушует непогода -
Вперед, сибирские стрелки!

С НОВЫМ ГОДОМ!

Огоньками мерцает селенье
Вдалеке у изгиба реки.
Скоро двинемся мы в наступленье.
Все готово, примкнуты штыки.

Через бруствер поземка-плутовка
Снежной пеной плеснула в окоп.

И мохнатая елка неловко
Мне погладила веткою лоб.

Взял я в руки морозную хвою
И к губам своим ближе поднес,
И пахнуло таежной смолою,
Чем-то русским, знакомым до слез.

А буран разыгрался на воле,
Расшумелся седой богатырь.
С Новым годом, учебное поле!
С Новым годом, родная Сибирь!

ВЕСНА ПРИШЛА

Весна дежурному хлопот
Наделала больших:
Разлила воду у ворот
Контрольно-пропускных,
Сама к казармам стороной
Без пропуска пошла,
Роняя лужи за собой
Осколками стекла.
Пришлось наряду водосток
В низину прорывать...
Сейчас военный городок -
Ну, просто не узнать.
Умыты крыши. Все вокруг
В сиянии лучей.
Скворешня, сев на голый сук,
Пернатых ждет гостей.
Весна пришла! И в лагерь нам
Готовиться пора.
Вновь разнесется по полям
Солдатское «ура».

НА ГРАНИЦЕ (В Горном Алтае)

1

Вечерних гор пологая гряда,
Усыпанная камнями долина,
Могильников обветренная глина,
Подобие дороги вполследа.

Ее песком местами занесло,
Она бежит, петляет по долине,
У самого подножья, в котловине,
Мелькнул огонь, запрыгал весело.

И вот мы у контрольно-пропускных
Ворот с пятиконечною звездой.

Сигналим. И походкой молодою
Подходят к нам в шинелях войсковых.

И, глядя на солдата в сапогах,
Что козырнул, невольно захотелось
И мне явить лихачество, умелость,
Рукою сделать согнутою взмах

И честь ему отдать. Но как потом
Расценена была б моя проделка?
На мне ведь не армейская шинелка -
Пальто и шляпа, снятая притом.

2

В этом возрасте, друзья,
Ни к чему такое вроде:
Мне приснилось, будто я
Снова с лычками во взводе.

Будто снова я бегу,
Будто снова я стреляю,
На заснеженном лугу
След от лыжин оставляю.

Нынче я часов с пяти
Пробудился на заставе,
Снилось то, что не найти
Ни в одной строке в Уставе.

Будто лилия цвела
По окромку одеяла,
Будто мама для стола
Белу скатерть доставала...

3

Рассветный час. Безмолвье. Тишина.
Чего-чего, а тут ее с лихвою.
Отрогами долина стеснена,
Зато какой простор над головою!

Морозно и безветренно. Эх-ма!
Еще б снежку - и полная зима!

Граница. Грань последняя. Предел
Родной земли. И, взглядываясь в дали,
Подумал я: «А вдруг облюбовали
Кого из нас в оптический прицел?»

- Что с вами? - подмигнул мне
старшина.
Рассветный час. Безмолвье. Тишина.

ЗВЕЗДА

На поля, где узкая дорога
Пролегла, сверкая при луне,
Ты глядишь, печальная немного,
Вспомнила, наверно, обо мне.

Елку всю одела ты в игрушки,
Искрами рассыпана слюда.
На прямой игольчатой верхушке
Светлая красуется звезда.

Ты ее поправила рукою...
Мне ж свою рукою не достать.
Вот она повисла над рекою
Изумруду крупному под стать.

С неба звезд хватать я не умею
(Что в упрек не ставлю сам себе),
Просто любоваться буду ею,
Просто буду думать о тебе.

СНОВА В ЛАГЕРЕ

Двухсуточный путь за спиною.
Мы снова в тех самых местах,
Где берег над быстрой рекою
Душистым настоем пропах,

Где каждая тропка знакома,
Где помнишь любой бугорок,
Где шепчет: «Вы дома, вы дома»
Приветливый наш ветерок.

И точно. Еще не успели
Цветы разукрасить откос,
Хозяйками вновь заблестели
Палатки меж стройных берез.

И вот на лесные полянки
Сквозь чащу, в дорожной пыли
Колонною двинулись танки -
На лето вновь в лагерь пришли.

Мария РАЙНЕР

Мария Райнер родилась в г. Рубцовске. Закончила Барнаульский государственный педагогический институт, факультет иностранных языков. Публиковалась в журналах «Встреча», «Барнаул», «Алтай». В 2010 г. участвовала в конкурсе «Жизнь без наркотиков» - 2-е место за рассказ «Капель», участник краевого семинара молодых литераторов в апреле 2011 г.

Живет в Барнауле.

ПТИЦА

Р а с с к а з

Марина стояла у окна и смотрела на девушку в доме напротив.

Многоэтажный, панельный дом серой стеной загораживал горизонт. Марина давно смирилась с тем, что сизый клочок мягкого бездонного неба для нее недоступен. Когда-то ее раздражал этот дом, он стоял, как препятствие к чему-то громадному и непредсказуемому, но со временем раздражение сменилось равнодушием, и ей стало все равно, какие краски легли сегодня на небесный холст: нежные серо-лиловые или свежие предгрозовые.

Девушка из дома напротив нравилась Марине, она была словно частью неба. Марина развлекалась тем, что представляла себе, чем она живет. В своих фантазиях Марине редко удавалось избавиться от скуки сентиментального романа, но эти фантазии скрашивали пустоту и однообразие ее жизни.

Подруг у нее не было. Они появлялись, но Марина исподволь делала все, чтобы они исчезали. Признав это, она решила возобновить отношения и даже разыскала старые записные книжки с адресами и телефонами подруг. Прошла зима, потом наступило лето, а старые книжки так и остались лежать на полке.

Что она скажет?

Следуя потухшим взглядом за неторопливыми движениями девушки в окне, Марина вспоминала Женьку. Они учились в разных группах, переглядывались на лекциях, улыбались друг другу, но не общались.

Однажды Марина подошла к ней после пары по литературе и попросила написать «материал» о «Будденброках». Женька растерялась и пролепетала, протянув ей толстую тетрадь:

- Вот, возьми, конечно.

Марина объяснила, что ее группа уже ушла и попросить не у кого, и что перепишет она очень быстро в библиотеке, успеет за час. Они договорились встретиться внизу в кафе...

Девушка в окне пропала.

Марина, допив кофе, обрывала засохшие листья цветов на подоконнике. Сегодня у нее выходной. Но расслабиться не получалось. Еще немного, и она завоюет оттого, что совсем ничего не происходит, что день похож на день, месяц на месяц, год на год. Еще немного, и она сойдет с ума оттого, что вокруг ничего не меняется: работа, дом, сад. Книги надоели, музыка приелась.

Даже дочь не спасала от одиночества.

В свои двенадцать Кате не нравилось, что мать и бабушка опекают ее, как маленькую, и она заявила, что уже «взрослая» и будет самостоятельно принимать решения, касающиеся ее лично.

Для Марины это был сложный выбор, но она научилась не вмешиваться. Катя сама выбрала плавание и изостудию, она успешно занималась, но то, что давалось с легкостью, скоро становилось ей скучным, последние полгода она посещала бассейн ради удовольствия.

Учеба в школе воспринималась Катей как игра. Она не особенно себя утруждала, решая алгебраические уравнения, заучивая правила и стихи, но отличницей не была, упорно игнорируя те моменты знаний, которые казались ей непригодными для жизни.

Катя признавала за другими право считать их важными, но ее пренебрежение при ответах на «непригодные» темы, которое она никогда не пыталась скрыть, обижало учителей, и ей занижали оценки за «тон».

Иначе обстояло с рисованием.

Дочь рисовала не хуже и не лучше других.

После выставки модернистов, куда они случайно заскочили, чтобы переждать дождь, Катя заболела живописью. Она рисовала в тетрадях, в книгах - иллюстрируя содержание, на газетах, на асфальте мелом, веткой на песке. Прошлой осенью она поступила в художественную школу.

Через полгода преподаватель шепнула Марине, что у девочки заурядные способности, посоветовав осторожно поговорить с дочерью и урезать ее раздутое представление о себе. Марина не согласилась с преподавателем, она хотела сказать, главное - просто рисовать, а остальное - неважно, но не сказала.

Катя относилась к живописи очень серьезно. Читала о жизни художников, изучала альбомы в библиотеке. Марина поддерживала дочь, несмотря на то, что на живопись уходила треть ее зарплаты. Мама получала скудную пенсию. Отец умер много лет назад.

«Красный» диплом и два иностранных языка в школе негодились. После декрета она устроилась в строительную компанию секретарем. Марину все устраивало, особенно ей нравился дресс-код - строгие темные костюмы и белые блузки. Она ходила по коридорам компании с гордо поднятой головой, но когда заболела, ей пришлось уйти.

Депрессия расплющила Марину, как консервную банку. Она растворилась в стенах квартиры, ей было страшно выйти за дверь, она похудела и стала выглядеть старше. Ее любимый мужчина изменил ей с близкой подругой, и она их не простила. Все, что от него осталось - позолоченная визитка, которую Марина не решалась выбросить.

Потом денег стало не хватать, и она занялась торговлей. Торговала рыбой на базаре, шубами, хозяйственными товарами. Случалось всякое: и пропаша товаров, и недостачи, и хамское поведение покупателей. Наконец, Марина попала в посудный отдел торгового центра - немалую роль в том, что ее приняли на эту «престижную» должность сыграло ее образование: хозяйке льстило иметь продавщицу, изысканную на чужих языках.

В посудном отделе Марине было интересно, она научилась разбираться в хрустале, фарфоре, фаянсе. Ее удивляло, что высокомерные дамы, пола-

гаясь на ее вкус, покупают вазы и сервизы и остаются довольны. Хозяйка тоже была довольна работой Марины, выражая это премиями и более длительными отпусками, чем положено простой продавщице.

Случались неприятности. Неделю назад новенькая уборщица, совсем еще девочка, неловко продвигаясь со шваброй среди хрупких вещиц, задела громадную тигрицу, сидящую на задних лапах. Тигрица неудачно повалилась на хрустальную горку...

Дрожащими руками девочка бросилась подбирать осколки, как будто это могло что-то спасти. Марина от неожиданности не нашлась что делать. Стояла и смотрела на рваные босоножки уборщицы, линялую футболку, жидкий хвостик темных волос.

Марина чувствовала себя виноватой. Она должна была помогать новенькой, отодвигая или поддерживая ценные предметы. Но рассредоточилась, ушла в себя, думая о Женьке и рассеянно перебирала фарфоровые фигурки зверей, расставляя их более гармонично, нежели предыдущая смена.

Когда уборщица ушла в другой отдел, Марина с холодеющим сердцем приготовилась к разговору с хозяйкой, гадая, как та поступит. Может, спишет половину стоимости разбитого товара, и девочка заплатит меньше.

Вечером выяснилось, что новенькая уборщица, принятая на днях, потихоньку улизнула. Не появилась и в последующие дни. Адреса ее не знали, даже фамилию не записали, так как взяли на испытательный срок.

Хозяйка потребовала оплатить хрустальные черепки. Сошлись, что каждый месяц Марина будет недополучать половину суммы. И всего-то через полгода освободится от долга. Теперь предстояло сказать об этом родным. Это означало, что дочери придется на время ограничить занятия в студии.

Марина мыла посуду и думала о посторонних вещах.

Например, о мертвом голубе, которого она ежедневно встречала на тропинке в парке. Неподвижный, застывший голубь не пугал, но портил настроение, когда Марина проходила мимо. И думала всякий раз с неудовольствием: «Неужели некому убраться»...

Думала о позолоченной визитке, строила разговор, вспоминала, как бывший любимый просил прощения, обещал достать ей Луну, а она, Марина, молча смотрела на черную птицу, рисующую в небе непонятные знаки, и в голове стучало «предатель, предатель, предатель».

Думала о Женьке, которая в последнюю встречу сквозь зубы проговорила в лицо Марине: «Предательница». Она не захотела, чтобы Марина объяснилась, и лицо у Женьки было бесслезное, бледное, как мрамор.

Вечером счастливая Катя ворвалась с известием, что ее картины будут принимать участие в выставке. Катя, слегка заикаясь, напомнила, что для выставки понадобятся несколько наборов красок. Тогда Марина виновато рассказала ей о разбитой посуде. Катя выслушала молча, ушла в свою комнату, и вскоре оттуда раздались всхлипы. Бабушка бросилась ее утешать, и квартира заполнилась причитаниями.

Марина ушла в свою спальню, легла не раздеваясь, включила радио в наушниках. Под легкомысленные танцевальные ритмы она вспоминала предпоследний курс, предэкзаменационную лихорадку, напряженные дни в ожидании защиты курсовых, беготню по читальным залам библиотек и ночи за написанием конспектов.

На этом фоне ошалевшему от учебы четвертому курсу заявили, что четверо студентов от их факультета должны принять участие в шахматном турнире на первенство лучшего шахматиста института. Курс не реагировал: охота была тратить драгоценное время на глупости.

Но Марина уговорила Женьку пойти. Фигуры она переставлять умела, главное, что «шахматистам» предоставлялось три свободных дня! Этот турнир стал для Марины роковым.

Вспоминать дальше было мучительно, и она переключилась на золоченую визитку. Она ничего не потеряет, если просто позвонит. Он обещал помощь, если будут трудности. В уме стали возникать возможные варианты вопросов и ответов. Прошли годы, Марина вспоминала о нем, но попросить денег - значило унизиться, а Марина не хотела, чтобы он увидел, во что она превратилась.

Она пыталась искать другие пути. Мыть подъезды? У нее нет здоровья и сил. Взять надомную работу? Неизвестно, что из этого выйдет. А неизвестность пугала больше всего на свете. Обратиться за помощью к Катиным родственникам со стороны отца? Но они не знают о ее существовании. Позвонить Алексу в Америку? Но Марина не знала, захочет ли он помочь.

Она ходила к ювелиру, собираясь продать единственную свою дорогую вещь - кольцо с синим сапфиром, но ушла обескураженная - ювелир хмыкнув, выдал, что кольцо - дешевое, камень - подкрашенная стекляшка.

Она не выдержала и расплакалась.

Память вновь подвела ее к тому солнечному апрельскому дню, когда довольная Марина, обыграв двух соперниц, принесла два очка своей команде. Женька выиграла одну игру. А два студента с английского факультета сыграли так же, как и Марина. Вчетвером они заняли первое место.

Победителям вручили красивый шоколадный торт с кремовыми завитушками, с которым победители отправились в ближайшее кафе. Там и познакомились, нашли друг в друге много общего и расстались друзьями. Марина, Алекс и Саша проводили Женьку до общежития и, несмотря на ее протесты, отдали ей половину приза.

На остановке троица долго и смешно выясняла, есть ли автобус, который идеально подходил бы всем, оказалось, такой имеется, ходит не часто, но никто из них не расстроился. Марине не хотелось расставаться. Она впервые оказалась в центре внимания своих ровесников, она раскраснелась, много шутила и смеялась, глаза ее светились, а волосы развевались по ветру.

Ей понравились оба. Алекс выглядел старше, был выше ростом и говорил сложными предложениями. Саша был молчаливым, широким в плечах, с прозрачными проникновенными глазами.

Алекс вышел раньше, а Саша проводил Марину до дома. Они стояли под козырьком подъезда, пока совсем не стемнело. Когда вышли все сроки, и надо было прощаться, Саша дотронулся до ее руки и, не сказав ни слова, быстро растворился в ночи.

Марина влетела в подъезд с гулко бьющимся сердцем, в лифте нажала кнопку на этаж выше, дома, не раздеваясь, выбежала на балкон, распахнула окно и жадно дышала прохладным апрельским ветром, пока ее не позвали ужинать.

На следующий день они после занятий остались с Женькой в библиотеке, захлеб обсуждая вчерашнее знакомство. Мальчики учились в другую смену, а в библиотеке можно было сделать «домашку» и пересечься с новыми знакомыми. Расчет оправдался: вскоре к девушкам с безобидной болтовней подсел Саша, а когда прозвенел звонок, он, к радости Марины, остался.

Алекс появился позже с предложением сходить в кино. Марина не помнила, о чем был тот фильм. Что-то про любовь, знакомое со школы. Но они пришли в кино не для того, чтобы смотреть фильм.

Марина и Женька сели вместе. Алекс - рядом с Мариной, Саша рядом с Женькой, что не мешало ему болтать с Мариной через молчаливую, напряженную соседку. С этого похода в кино началась их странная дружба. С самого начала

было ясно, что Алекс ухаживает за яркой, темноглазой Мариной, а Саша, кажется, отдает предпочтение застенчивой белокожей блондинке Женьке.

Экзамены закончились в конце июня. Во время сессии девочки почти не виделись с англичанами. Подготовка съедала все свободное время. Марина и Женька отучились раньше. Женька рвалась домой, у нее заболела мама, но Марина уговорила подругу пожить у нее с неделю, о чем потом всегда жале-ла. В одном из ночных разговоров Женька призналась, что любит Сашу.

Она долго выплакивала боль и опасения, что Саша равнодушен к Марине. Марина тоже это чувствовала, но, поддавшись минутной жалости, как могла, стала убеждать Женьку в обратном и поклялась ей, что любит Алекса и поговорит с Сашей осторожно, выяснит его чувства...

С этого момента жизнь Марины раскололась, и жалость обернулась кошмаром не только для нее, но и для остальных. Провожая замутненным взглядом исчезающий в пепельной дымке поезд, Марина приняла решение. Она позвонила Саше, они встретились в парке, подернутого свинцовой пленкой пруда.

Марина так и не поняла, почему она решила поиграть в благородство и принести себя в жертву.

Она видела, что нравится Саше, но он молчал, а она не привыкла первой заявлять о своих чувствах.

Они долго шли по аллее, Саша вдруг предложил выпить пива, и это разлило Марину.

- Я должна тебе кое-что сказать, - Марина, хмуря брови, недовольно смотрела в сторону, на сочный клевер, росший вдоль тропинки.

- Я тоже должен тебе сказать одну вещь. - Эхом отозвался Саша.

Вздохнув, Марина заговорила о Женьке, о том, какой Саша осел, и еще о том, что он упустит свое счастье, если не напишет ей в деревню. Марина вытащила из сумочки листок с адресом подруги. Саша листок взял не читая, разорвал и бросил клочки на дорожку. У него сжались кулаки, и Марина невольно отпрянула.

- Дура, - процедил Саша, потом развернулся и ушел. Марина, кусая губы, смотрела ему вслед. Если бы он вернулся...

Догонять его не имело смысла. Окликнуть? Закричать: «Подожди!»? А зачем? Саша - из простой семьи, учитель в средней школе - это его потолок, а с Алексом у нее есть перспектива вырваться из этого болота вверх, к звездам...

Дома Марину ждал Алекс с билетами на концерт местной рок-группы. Марина переделалась, Алекс попросил, чтобы она расплела волосы, и - поцеловал. Они стали встречаться.

Настал последний учебный год. Марина с беспокойством переступила порог института, но случайная встреча с Сашей произошла холодно. Он едва кивнул ей. Зато на перемене она встретила счастливую Женьку, та кинулась Марине на шею и прошептала на ухо, что Саша ее любит.

У Марины закололо в груди, она выдавила жалкую улыбку и опустила глаза.

Новый год Марина отмечала с Алексом. Он подарил ей дорогое кольцо с синим сапфиром и предложил выйти за него замуж после защиты дипломов. Марина обещала подумать. Алекс воспринял это как должное.

Однажды зимой возле дома Марина встретила Сашу. Без приветствий и предисловий он сказал, что ненавидит Женьку, а встречается с ней назло Марине, потому что Марина этого захотела. Она слушала его с расширенными от ужаса глазами. Расстались они почти что врагами.

Это откровенное признание, вырвавшееся у Саши в отчаянии, совсем подкосило Марину. Она пыталась забыть в учебе, усиленно готовилась к госам, хотя и так тянула на «красный» диплом. С Алексом она почти не виделась, сославшись на занятость. Правильный, рациональный Алекс пол-

ностью с ней согласился. Они изредка перезванивались и встречались раз в неделю. Алекс говорил о свадьбе, а Марина думала о Саше.

У Марины стали сдавать нервы, ей невыносимо было слушать, как Женька строит планы на будущее. А когда Женька сообщила, что ждет ребенка, Марина возненавидела ее, в ней поселился страх, что она взорвется, выплеснет свою ненависть наружу, и боялась этого больше всего на свете.

После экзаменов и вручения дипломов, они в последний раз собрались вчетвером: отметить окончание учебы и две помолвки.

Собрались дома у Марины, родители вошли в положение, раскрыли бутылку шампанского и уехали ночевать на дачу. Пили белое вино. Саша много курил, и Женька шутливо его «пилила», как будто бы он уже стал ее законным мужем. Марина с трудом сдерживалась, ей хотелось вскочить на стол и заорать, чтобы все убиралось вон.

Алекс предложил медленные танцы, взял Женьку за талию и закурился с ней по комнате.

Саша подошел к Марине, жестко обнял ее, Марина схватила его за плечи, и забылась в непроницаемых, как трясина, глазах. Она плохо помнила, что они делали под печальные звуки ее любимой песни.

Музыка оборвалась, свет стал ярче, и Марина увидела глаза Алекса, полные какого-то презрения, которое Марина не чувствовала, что заслуживает, а первое, что она услышала, были страшные слова, произнесенные Женькой. Но это было несправедливо: Марина ведь никого не предавала. Она принесла себя в жертву, но никто не захотел это понять...

Они ушли поодиночке, друг за другом. Марина, как оглушенная, опустилась на диван, держа руками за живот. Там что-то переливалось как свинцовая ртутная капля, и тяжелой волной билось о кожу, уходило к коленям. Марине показалось, что она слышит, как с улицы кричит Женька.

А потом все вдруг стихло, и в мертвой тишине пропищал звонок. Вернулся Саша и увлек ее в пропасть, из которой Марина так и не выбралась. Утром он съел приготовленный Мариной омлет, выпил чаю. Отставив кружку, холодно сказал, глядя в ее расслабленные нежные глаза:

- Я люблю тебя, и, наверное, разлюблю не скоро. Но я не прошу тебе того, что ты меня отвергла. Я ненавижу твою подружку, и тебя я тоже ненавижу. Но я жуюсь на Евгения, а тебе я отомстил. И, ты знаешь, это была приятная месть.

...Марина пережила Сашино предательство только благодаря появлению на свет Кати. Родители поддерживали ее, особенно отец. С Женькой и Сашей она никогда больше не виделась. По слухам, они, расписавшись, уехали в село, а потом куда-то еще. Кажется, у них родилось трое детей.

Алекс уехал в Америку года три назад.

Когда Катке исполнилось пять лет, он снова появился в жизни Марины. Зашел случайно, как он сказал. Марина встретила его сдержанно, она без утайки рассказала Алексу все, как было, и эта исповедь принесла ей больше облегчения, чем она могла себе представить.

Естественно, Алекс сказал ей, что она была не права, скрывая свою любовь, что он бы все понял. Ведь мальчики начинали ухаживать за Мариной с одинаковыми шансами, они заключили договоренность, оставив за Мариной право выбирать.

Алекс стал частым гостем в доме Марины, и мать одно время радовалась и молила бога, чтобы дочь вышла замуж за хорошего человека, у которого своя турфирма. Но Марина не вышла замуж за Алекса.

Он заезжал к ней и перед отъездом в Америку, уговаривал ехать вместе, оставил номер своего мобильного телефона. Марина не позвонила ни разу.

Видения прошлого вытеснили сознание Марины из реального мира, а когда она пришла в себя, было уже за полночь. Она сняла наушники, встала, умылась в ванной холодной водой.

«Завтра еще один выходной», - механически думала она. Согрела чайник, налила чашку кофе. Мать и Катя давно спали. Марина медленно пила кофе, думая, что она сделала не так, и что надо сделать, чтобы жизнь ее повернула в другую сторону.

С удивлением подумала, что рассуждает о своей судьбе без боли, без изматывающей душу тоски, а устало и даже прозаично. Она поняла, что устала чувствовать себя виноватой, устала быть кому-то должной, устала вести с Сашей мысленный диалог на протяжении двенадцати лет.

Жизнь закончилась в то июньское утро, когда Саша, приговорив ее к пожизненному заключению, ушел из ее жизни навсегда, но оставались Катя и мать. Ведь они стояли того, чтобы ради них жить?

Но живопись не стоит того, чтобы растерять остатки уважения к себе. Они будут жить в бедности, в еще большей, чем жили. Катя не сможет принять участие в выставке, и не сможет посещать уроки дальше, но если у нее есть талант, то она обойдется без наставников и без известности.

Ведь главное - просто творить. Разве не в этом состоянии - отчужденности, непонимания и забвении рождается душа?

Это будет серьезным испытанием для дочери. Настал такой момент, когда она должна пройти его одна, без посторонней помощи. Иначе нет смысла в дальнейшем существовании.

Марина мучительно ходила по кухне.

«Есть ли сейчас существа, кому хуже, чем мне?», - думала она. Лики разных людей оживали и сменялись в ее возбужденном мозгу, как узоры в калейдоскопе. Но ни одна судьба не показалась Марине худшей, чем ее собственная.

Внезапно она вспомнила про мертвого голубя, который на пути Марины домой лежал в траве уже несколько дней. Люди проходили мимо и морщились. Мертвая птица вызывала отвращение, но разве она не заслуживала быть погребенной и преданной земле? Она была, как мертвая совесть.

Внезапно она поняла, что нужно сделать. Марина отыскала в коридоре фонарик и Катину лопатку, которой она любила зимой раскидывать снег и копать ямки. Она уже открыла дверь, потом, задумавшись на минутку, вернулась в квартиру, достала из сумочки визитку с золотыми буквами на веленовой бумаге и взяла ее с собой.

Голубя она искала долго и когда увидела его, вздохнула с облегчением.

Затем отошла в глубь парка, выбрала место, где луч фонаря осветил небольшое углубление в земле, и принялась копать могилу. Аккуратно положила голубя в ямку, сверху бросила визитку, и руками засыпала, попытавшись разровнять землю, чтобы ни у кого не возникло желания покопаться здесь вновь.

Закончив грустный ритуал, Марина подняла голову и увидела черное небо, усыпанное сверкающими звездами. Они были свидетелями похорон птицы. Марина долго смотрела на них грустным взглядом, потом прошептала:

«Я люблю вас, звезды. Я знаю, что вы услышите меня и когда-нибудь пошлете мне ответ. Вы - лучшее, что есть в моей жизни. Вы единственные создания Вселенной, кому я могу излить свою боль. Не важно, что когда ваш ответ долетит до земли, то другая душа будет спасена вашими словами. Скажите ей, что она не одинока, и что он ее любит...»

Марина подняла лопатку с фонарем и медленно побрела домой.

Андрей РОМАНОВ

Андрей Романов родился в г. Новокузнецке в 1961 году. Закончил физический факультет Алтайского государственного университета, доктор технических наук, в настоящее время - ведущий научный сотрудник ИВЭП СО РАН, профессор АлтГТУ, имеет 150 научных публикаций. Автор книг «На звездных перекрестках Вселенной», «Серебромонетки», «Путешествие к Белухе» и др. Первое художественное произведение вышло в 1993 году в журнале «Алтай». В этом же журнале были опубликованы повести «Космический Армагеддон» (1997), «Легенда об аримаспах» (2005), «Не те времена» (2007) и др.

Живет в Барнауле.

РАССКАЗЫ

МАЛЕНЬКАЯ ТРАГЕДИЯ

Где, когда и с кем это случилось - не особенно важно. Нёкто шел по улице и пинал, что есть силы, встречающиеся на его пути жестяные мусорные урны так, что они падали с грохотом на асфальт, рассыпая вокруг себя все, что находилось в их чреве. Когда ему это надоело, он зашел в первый попавшийся на его пути ресторан и, выпив бутылку водки, устроил там настоящий дебош: опрокинул несколько столов, разбил дорогую люстру. Прибывшие на место полицейские, узнав в чем дело, понимающе кивали головами, мол, с кем не бывает...

Итак, по порядку.

Доктор Д. старался вспомнить, что с ним вчера произошло, по минутам восстанавливая события прошлой ночи. Тот день с утра выдался довольно-таки тяжелым. Он до обеда провел три операции, первые две - так себе, а третья была достаточно сложной, продолжительной и он невероятно утомился.

Самое время было отдохнуть, скинуть хирургическую робу, пропотевшую на спине, снять перчатки, марлевую маску и, выпив рюмку хорошей водки, упасть в удобное кресло, закрыть глаза, уставшие от чересчур яркого света в операционной.

Он все так и сделал, сев перед рюмкой водки, которая стояла на журнальном столике запотевшая, потому что бутылку до этого хранили в морозильнике.

Но в это время в кабинет вошла медсестра, на лице которой было написано недоумение. За ней появились двое мужчин в серых костюмах.

- Профессор! Здесь вот..., - медсестра не успела произнести больше ни слова, как ее отодвинули в сторону, словно вещь.

- Профессор, нам срочно требуются ваш опыт и умение, - проговорил один из мужчин тоном, не терпящим возражений.

- Если вы чем-то больны, - доктор Д. приоткрыл уставшие веки, - так запишитесь на прием.

- С нами тяжелобольной. Вы должны ему помочь. Требуется срочная операция.

- Профессор, у него пулевое ранение в голову, полчерепа снесено! - воскликнула медсестра, стараясь раздвинуть загородивших ее мужчин. - Да пропустите же вы, наконец!

- Вы должны его спасти. Это дело государственной важности, - проговорил мужчина в сером костюме, доставая из кармана удостоверение и показывая профессору. - Иначе бы я не явился к вам.

- Пойдемте, посмотрим, что там с вашим больным, - доктор Д. вздохнул (ох уж этот Гиппократ!), бросив печальный взгляд на рюмку с водкой и, встав с кресла, кивнул медсестре. - Помогите мне одеться.

Когда он вошел в операционную, там уже вовсю горели яркие лампы, а над больным суетились два его ассистента. У них был довольно обескураженный, можно даже сказать, испуганный вид.

- Профессор! - шепнул один из них. - Он безнадежен.

Одного взгляда доктору Д. было достаточно, чтобы убедиться в правоте его слов, но, несмотря на это, он велел ему подключиться к системе, и, обернувшись к стоявшим в дверях мужчинам, спросил:

- Вы откуда его такого привезли? Это же стопроцентный труп.

- Профессор! Вы должны его спасти, - упорствовал человек в сером костюме. - От этого зависит судьба очень многих людей.

- А вы бы сразу к Всевышнему обратились! - скептически хмыкнул доктор Д. - Я не бог и пока еще не научился возвращать людей с того света, - он повернулся к медсестре, та надела на его лицо маску с микроскопическими очками. Потом кивнул ассистенту. - Сделайте инъекцию в сердце. Лазерный скальпель мне. Ну, приступим, коллеги!

Операция длилась почти до самого вечера и когда она закончилась, доктор Д. от нечеловеческого напряжения едва держался на ногах.

- Все! - выдохнул он, отходя от операционного стола. - Зашивайте и в реанимацию. Первые три часа, а лучше до утра, пусть поспит под системой, а утром посмотрим, чего мы тут с вами, господа, наваяли.

Он снял маску, перчатки, дошел до своего кабинета, упал в кресло, бросив взгляд на рюмку с водкой. Пить уже не хотелось. Закрыв глаза и провалился в черную бездну, без снов, а когда проснулся, за окном уже зачинался рассвет.

Увидел, что укрыт до пояса шерстяным пледом, на ногах вместо ботинок были надеты мягкие тапочки, понял - медсестра позаботилась.

Доктор Д. прошел в душевую, находившуюся в этом же кабинете, за стенкой, разделся, постоял несколько минут под теплыми, почти горячими струями воды, смывающими усталость, затем переключил воду на более холодную, прогоняя остатки сна. Потом набросил на себя халат и поспешил в реанимационную, куда вчера был помещен прооперированный.

Возле палаты на приставленном к двери стуле сидел человек в сером костюме, не тот, который был вчера. Он дремал, опустив голову на грудь, но сразу же проснулся, как только доктор Д. подошел поближе.

- Вам туда нельзя, - человек в сером костюме привстал со стула.

- Это с какой еще стати? - доктор Д. сделал нетерпеливый жест рукой. - Хотите, чтобы ваш пациент не проснулся? Отойдите от двери.

Его голос был настолько уверенным, что человек в сером костюме не посмел ему перечить, и отошел в сторону.

Доктор Д. вошел в палату, где под системой лежал прооперированный им вчера незнакомец.

- Так, - деловито оглядел он его, приподнял пальцем веки, заглядывая в зрачки, коснулся пальцами запястья, проверяя пульс, после этого констатировал. - Ну, что ж, неплохо, неплохо. Шанс есть.

- А он говорить сможет? - с надеждой в голосе спросил человек в сером костюме.

- Будем надеяться, - ответил доктор Д. и добавил. - Главное, что он еще жив. Это обнадеживает.

В палату заглянул ассистент.

- Профессор! Вы сделали невозможное! - воскликнул он.

- Мы сделали, - уточнил доктор Д. - Действительно, работа хорошая. Надо бы собрать консилиум, обсудить результаты.

Когда пациент открыл глаза, его состояние хотя и оставалось еще стабильно тяжелым, но уже не вызывало серьезных опасений.

Люди в серых костюмах ни на минуту не отходили от дверей, видать, этот больной был слишком важной птицей, раз его так тщательно охраняли.

Через неделю доктор Д. шел домой в приподнятом настроении. Блестяще проведенная им сложнейшая нейрохирургическая операция увенчалась полным успехом и вселяла уверенность, что человек способен если не на все, то, по крайней мере, на очень многое: вытащить человека практически с того света, когда он уже почти перешагнул невидимую черту! Завтра должен был состояться консилиум, на который уже приглашены многие известные нейрохирурги, чтобы убедиться в том, насколько велики успехи медицинской науки.

Утром следующего дня доктор Д. пришел в клинику, но вместо радостных лиц своих помощников увидел недоумение в их глазах и даже некоторый испуг.

- Чего это вы все такие невеселые? - бодрым голосом спросил доктор Д. - Как там наш больной? Заговорил?

- Заговорил, - подтвердил ассистент.

- Отлично! - воскликнул доктор Д. - Я, честно говоря, побаивался, что его сознание после такой операции будет несколько замутненным, а речь несвязной. Пойдемте, полюбуемся на нашу работу.

- Так нет же его, - шепотом проговорил ассистент, втягивая голову, словно боясь, что доктор Д. возьмет и, ни с того ни с сего, саданет его кулаком по макушке.

- Не понял, - доктор Д. остановился. - Что значит, нет? А куда он делся?

- Его увезли.

- Кто увез? Куда увез?

- Те, двое, в серых костюмах. На машине.

- Почему увезли?

- Сказали, что это государственный преступник. Что будто бы они хотели выудить из него какую-то очень секретную информацию, но он был тяжело ранен при задержании. После того, как мы его спасли, он им все рассказал. И теперь они повезли его в тюрьму, чтобы привести приговор в исполнение.

- Какой приговор? - лицо доктора Д. стало покрываться красными пятнами, что бывало с ним в минуты чрезвычайного волнения, можно сказать, ярости.

- Похоже - смертный, - ответил ассистент, еще сильнее втягивая голову в плечи.

- Где телефон? - доктор Д. схватил трубку, набрал номер. - Алло! Мне надо...

- Здравствуйте, профессор, - перебил его голос в трубке. - Спасибо вам за помощь. Вы оказали весьма ценную услугу правительству и поэтому достойны самой высокой награды. Не волнуйтесь, я позабочусь об этом.

- К черту вашу награду! - прорычал доктор Д. - Верните мне моего пациента!

Ответом ему были короткие гудки в телефонной трубке.

Доктор Д. шел по улице, пиная попадающиеся на его пути мусорные урны, а когда ему это надоело, он зашел в первый попавшийся на его пути ресторан и, выпив бутылку водки, устроил настоящий дебош, опрокинул несколько столов, разбил дорогую люстру. А когда приехала полиция, то вместе с ней прибыл человек в сером костюме и, понимающе покачав головой, что-то шепнул на ухо старшему полицейскому. После чего тот распорядился доставить доктора домой и сдать на руки родным, чтобы они присматривали за ним, пока он не проспится.

- Да осторожнее вы, черти, - говорил человек, обращаясь к своим подчиненным. - За его светлую голову, нам самим головы снимут.

СПРАВЕДЛИВОСТИ РАДИ

Был у меня в студенческие годы один знакомый, Венькой его звали. Парень вроде бы неплохой, но все, кто его не слишком хорошо знал, говорили о нем, пожимая плечами, «Странный он у вас какой-то, а вот что в нем странного, с первого взгляда и не поймешь».

Произошел с ним как-то раз случай, характеризующий его с самой положительной стороны. Был жаркий летний день. Солнце стояло в зените и пекло напропалую. Венька, в те годы молодой еще парень, шел по улице и вдруг увидел двух голубей, сидевших в деревянном ящике. Ящик стоял на самом солнцепеке у стены двухэтажного дома с облупленной штукатуркой и темными провалами окон первого этажа, заколоченных крест-накрест досками. Было ясно: здесь шел капитальный ремонт.

Птицы не улетали, и это показалось Веньке довольно странным. Он подошел поближе. Голуби, подпустив его на расстояние протянутой руки, продолжали сидеть в ящике, и лишь смотрели на Веньку бусинками черных глаз. Выяснив причину подобного поведения птиц, Венька горестно вздохнул, обвел глазами двор и вдруг увидел железный лом, прислоненный к водосточной трубе. Он взял лом поудобнее в руки, подошел к птицам, и... двумя точными ударами пронзил их тщедушные тельца насквозь.

По доброте своей душевной он не мог поступить иначе, потому что ящик, принятый голубями за гнездо, был до половины залит черной тягучей смолой. Просидев в таком «гнезде» ночь, птицы утром уже не смогли улететь, потому что смола от тепла их тел растаяла, так облепив крылья и лапы, что у них не было совершенно никакой возможности не только взлететь, но даже пошевелить крыльями. К полудню смола растаяла от солнечных лучей, еще больше превратившись в вязкую тягучую субстанцию, которая все глубже затягивала бедных птиц, и спасти их уже было нельзя. Они оказались обреченными на медленную смерть. Венька из самых добросердечных побуждений прервал их страдания.

После того случая прошло несколько лет. Как-то раз Венька возвращался с охоты и вдруг увидел недалеко от дороги, возле старых заброшенных производственных складов, жалобно скулившую собаку, беспородную дворняжку.

Надо сказать, что охота была не слишком удачной и поэтому не все патроны были у Веньки расстреляны, оставалось в патронташе еще несколько штук.

Почти что со слезами на глазах, Венька вогнал патрон в ствол и поймал голову собаки в прорезь прицела. Выровняв дыхание, он нажал на курок. Выстрел был точен. Собака дернулась в последний раз и осталась лежать неподвижно на мертвой глади Черного озера, куда она попала по неосторожности, быть может, погналась за птичкой, да застряла на полпути, и вот теперь проваливалась в страшную пучину все больше и больше.

Здесь, наверное, следует пояснить - что это за Черное озеро. Сказать, что над ним и птицы не летают, и звери на его берега не выходят, прозвучало бы неправдой, но место это было страшное. Озеро называлось Черным потому, что вместо воды в нем была смола. Черная, тягучая, липкая. И возникло это озеро не в результате каких-либо необычных природных условий и не под действием земных катаклизмов, а из-за того, что раньше этот участок принадлежал разорившемуся строительному управлению и на этом месте складировали гудрон в виде огромных цилиндрических тюков, обернутых с боков картоном и перевязанных железными лентами. Кое-какие запасы гудрона оказались нереализованными. Пролежав несколько лет под открытым небом, гудрон растекся, да так, что образовалось озеро, пусть небольшое, но достаточно глубокое. Место здесь было гиблое. Не одна зверюшка нашла в Черном озере свой печальный конец. Теперь вот еще и собака, голова которой все еще торчала над черной поверхностью.

Прошло еще несколько лет. Венька, хотя теперь уже не Венька, а Вениамин Константинович, работал сотрудником службы безопасности довольно таки крупного предприятия, то бишь, охранником. В его обязанности входил ежедневный обход территории завода, проверка документов, осмотр личных вещей, если тип попадался подозрительный, и тому подобные мероприятия, требующие бдительности и душевного равновесия. А то ведь часто как бывает: попросишь женщину показать чего там у нее под одеждой, а она, вместо того, чтобы безропотно подчиниться стражам порядка, кричать начинает, обзывать обидными словами, а то и по щеке вдарить норовит. Оно, конечно, не больно, но если все это на людях делается, так ведь не очень-то и приятно. Авторитет, к тому же сильно страдает. А что поделаться, приходится терпеть. Работа такая.

В один из дней, в конце недели, уже под вечер, Вениамин Константинович, как обычно начал делать обход вверенной ему территории. Человек аккуратный и пунктуальный, он всегда выполнял порученную работу добросовестно.

На его участке тоже был склад гудрона. Склад был настоящий: со стенами, крышей. Для удобства черпания проложены деревянные мостки, которые вели от одной двери к другой. Так что можно было зайти в склад хоть с одной стороны, хоть с другой.

К слову сказать, Вениамин Константинович частенько пользовался таким удобным расположением склада и мостками, проходя по ним в соседний цех. Это значительно сокращало путь и время обхода, а время, оно, как известно, денег стоит.

В тот злополучный вечер, когда завод уже закончил свою работу и встал на выходные, Вениамин Константинович, возвращаясь с обхода, решил, как обычно, сократить путь, и пошел по мосткам, да как-то неудачно пошел, одна из досок возьми да и сломайся.

Ушибся Вениамин Константинович сильно, упав с мостков так ушибся, что даже сознание на какое-то время потерял. Поначалу, когда пришел в себя, подумал ненароком, не сломал ли чего. Напряг мышцы и, не почувствовав боли, понял, что все в порядке. Однако в порядке оказалось не все: нигде ничего не болит, а двигаться нет возможности. Держит его гудрон не хуже железных оков. Тут наш уважаемый Вениамин Константинович немало даже запаниковал, поняв, что лежит он распластанный на гудроне и тело его медленно, но верно погружается в вязкую липкую массу все больше и больше.

- Помогите! - закричал он, но призыв этот остался никем не услышанным. Рабочая смена закончилась, а в склад не то, что под вечер, и днем-то редко кто заглядывал: ремонтные работы на заводе проводились от случая к случаю. Если и появятся люди в этом месте, то не раньше следующего понедельника. По понятным причинам Вениамин Константинович так долго ждать не мог. Что ему оставалось делать? Естественно, вопить во все горло. И Вениамин Константинович кричал, до тех пор, пока не сорвал голос. А потом просто хрипел: «Помо-х-х-хите».

Смеркалось. Вениамин Константинович уже не дергался и даже не хрипел. Жить ему оставалось совсем немного. Через пару-тройку часов черная смола поглотит его тело полностью, да так, что и следа не останется. И ничто его уже не спасет, разве что чудо.

И чудо произошло.

Кончено, сразу же найдутся скептики, которые будут с пеной у рта утверждать, что это было вовсе и не чудо, а обычное для России дело, почти что закономерность, но мы тут с ними можем поспорить.

В общем, когда у Вениамина Константиновича уже не осталось шансов на спасение, он увидел тусклый свет карманного фонарика, и в темном проеме появился человек.

- Помогите! Спасите! - зашептал Вениамин Константинович.

Мужик, так неожиданно-негаданно оказавшийся поблизости, осветил Вениамина Константиновича фонариком и от удивления даже присвистнул. Затем он сбросил с плеча мешок и по раздавшемуся металлическому звуку можно было сразу догадаться о его незаконном промысле - охотник за металлом, и, скорее всего за цветным, потому что за «цветмет» дают гораздо больше, чем за «чермет». Не в смысле тюремного срока, а в смысле денег.

- Вот незадача, - вздохнул незнакомец. - Что же мне с тобой делать?

Он вдруг встал и, ни слова не говоря, пошел к выходу.

- Постой! Куда же ты!? - надежда на спасение растаяла у Вениамина Константиновича в мгновение ока. - А как же я?

Однако напрасно он беспокоился. Хотя, наверное, не напрасно. Мужик вернулся, и в его руках был... лом.

Вениамин Константинович замер, не в силах от внезапно нахлынувшего страха вымолвить даже слово. В его памяти всплыли голуби с маленькими глазками-бусинками, полными тоски и печали глазами, и он сам с ломом в руках. На смену этому видению память услужливо извлекла из недр прошлого голову тонущей собаки в прицеле его ружья.

- Слушай, не надо, пожалуйста! - зашептал Вениамин Константинович, не узнавая своего голоса. - Я ведь не хотел..., ни птичек, ни собаку..., так получилось..., их уже не спасти было! Ну, ты понимаешь, нет?

- Бредишь, что ли? - незнакомец поднял лом, направив его острие в сторону Вениамина Константиновича. - Лежи уж и не дергайся!

В общем, конец у этой истории оказался счастливым.

Вениамин Константинович, высвободившись из смоляного капкана, своими силами задержал воришку, действительно собиравшего на территории завода цветной металл, вызвал милицию, и дело завертелось. Оказалось, что расхититель «раздел» неработающий трансформатор и тем самым нанес материальный ущерб заводу.

Состоялся показательный суд и злостного расхитителя общественной собственности, нигде не работающего, приговорили..., нет, не к расстрелу - к одному году условно, с выплатой штрафа за нанесенный ущерб.

- Ох, и гад же ты Константиныч! - говорил ему бывший расхититель, будучи подвыпившим, когда они отдыхали с ним в пивнушке после окончания смены. - Я тебя от лютой смерти спас, а ты меня в тюрьму хотел посадить?

- Справедливости ради, замечу, - возражал Вениамин Константинович. - Я тебя сдал правоохранительным органам, я тебя и отмазал. Штраф за тебя заплатил, на завод охранником устроил, к себе в отделение взял. Теперь ты - Человек! Зарплату каждый месяц получаешь, форму носишь. Чем ты еще не доволен?

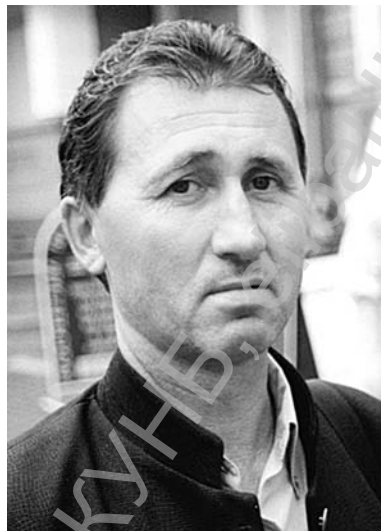
Сергей КУЗИЧКИН

Сергей Кузичкин родился в 1958 году в Тайшете. Работал в газетах Иркутской области, Алтайского и Красноярского краев. В Алтайском крае - в районных газетах Романовского, Егорьевского и Новичихинского районов. Был участником литературного семинара в Барнауле весной 1990 года.

Печатался во многих литературных журналах, его рассказы публиковались в зарубежных изданиях.

Он автор восьми книг прозы, изданных в Москве и Красноярске и двух сборников стихотворений.

Член Союза писателей России.

НОВЕЛЛЫ

ТРИ ИМЕНИ ЛЮБВИ

1. ЛЕНА. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Последнее лето века. Июнь. День солнцестояния. Жарко в городе, душно и пыльно. А здесь благодать. Широкий луг, река: тихая и спокойная. Река называется Кан, деревня - Красный Курыш, а несколько десятков собравшихся здесь людей - участники семинара восточных районов края по животноводству. Волей случая оказываюсь здесь я, в роли редактора краевой сельскохозяйственной газеты.

Суэта, разговоры. Хозяин - уверенный в себе директор, уверенно держащий хозяйство в уверенных руках. Я бегаю с газетами, раздаю последний номер участникам семинара, фотокорреспондент делает снимки для истории и на память.

Суетимся, суетимся... Морщимся от яркого солнца, радуемся зеленой траве и желтым одуванчикам. В этой суете я не сразу замечаю ее.

- Лена, - говорит она, когда мы садимся за широкий стол, накрытый после совещания под открытым небом. - Я из районной газеты...

«Ле-на, Лена... Лена!» - кажется эхо разносит сорвавшееся с ее губ имя. Сердце начинает учащенно биться о грудную клетку, дыхание становится неровным.

Мы говорим о чем-то, обмениваемся телефонами. Я предлагаю ей сотрудничать со своим изданием, что-то обещаю... А мысли...

Мысли бегут, разбегаются, ломают сознание.

Она о чем-то рассказывает. Я слушаю и не слышу. Я не могу запомнить ее фамилию и номер рабочего телефона. Это делает за меня диктофон.

«Лена, Леночка! - стучит в висках. - Неужели это она? Женщина с именем, предсказанным мне когда-то. Лена!»

- Пора ехать, - приводит меня в чувство фотокорреспондент. - Машина ждет.
- Куда ты меня увозишь, Валера? - Говорю я, готовый отдать полжизни за остановленное мгновение. - Не торопись, впереди целая Вечность.
- Вечность всегда впереди, а сейчас нас ждет дальняя дорога. Мне сегодня еще фотографии печатать надо. - Заземляет меня бородатый скептик. - В городе влюбляться будешь...
- Давай сфотографируемся на память, - говорю я ей, уже как хорошей давней знакомой.
- Давайте, - соглашается она.
Мы выходим на берег красивой реки, и бородач фиксирует на пленку короткое пожатие рук, день, час и минуту нашей встречи.
Для Вечности.
22 июня. Три часа пополудни.
- Уже уезжаете? - говорит она с неподдельной грустью в голосе. - Жаль...
- Что поделаешь, Леночка, - дела, дела... - торопит фотокорреспондент.
Я целую ей на прощание руки: теплые, нежные, пахнущие летом, июнем, деревней.
- Приезжайте к нам в райцентр, - приглашает она.
- Я позвоню и приеду, - говорю я, только теперь реально понимая, что действительно нужно уходить и растерянно добавляю: - В командировку.
Я дарю ей две скромные книжечки собственного сочинения и ухожу не оглядываясь.
А сердце бьется, бьется, бьется... Стучит, отбивает секунды, удаляющие нас друг от друга.
«Волга» уже стоит под парами, ждут только нас. Поехали.
«Лена, Лена, Леночка, ты ли моя девочка?..» - крутится в висках. Мысли опять сбиваются с курса. Все думы о Лене, об этой встрече.
Неужели это действительно она?
«В жизни все неслучайно, чаша полна вина. Чтоб познать ее тайну, нужно выпить до дна.» – вспоминаются мной же написанные десять лет назад строки.
«Кто ты, прекрасная женщина, так неожиданно появившаяся в последний самый длинный день тысячелетия? Свободна ли ты? Кем занято твое сердце?»
Нет, я не думаю об этом. И эти мысли не посещают меня в мчащейся по пыльным дорогам и ровному асфальту, среди зеленых полей, «Волге». Я уверен, что свободна или будет свободна. Так должно быть или будет потому, что на этом свете есть я. И есть она. И была эта встреча. Случайная и неслучайная. Была! Была!
«А сколько у тебя было таких встреч до этого? - Шепчет мне возникший вдруг мой противник, мое второе критическое и эгоистическое «я». - Сколько, Сережа? Вспомни. Встречи и расставания. Расставания и встречи. Больше расставаний, чем встреч. А что осталось? Что? Ни-че-го». «Неправда, что-то все равно осталось. В жизни все не случайно», - повторяю я.
«Случайно, случайно, - шепчет нудно противник. - Вся жизнь - цепочка случайностей...»
«Только не эта. Это же Лена! И я уверен: та самая, предсказанная и долгожданная!»
«Ты всегда так говоришь. Влюбчивый ты мой. Влюбленность и любовь - разные вещи. Далекие друг от друга. Выброси все из головы и думай лучше о своих проблемах. У тебя их: отбавляй - не отбавляй, меньше не станет».

«Сгинь! - Кричу я в глубине души противнику - этому кривому отражению меня хорошего. - Я не твой и не влюбчивый. Я - влюбленный!»

«Ха-ха! Влюбленный! Да ты хоть знаешь это чувство - любовь? Ты хоть раз испытал его в своей жизни? Ты ведь не любил никогда. Влюблялся, увлекался, женился, но не любил! Ни ту, первую, ни после... Ты мучил их, мучил себя, мешал жить окружающим. Протрезвей!»

«Я трезв как никогда. Я не желаю дискуссий. Я долго ждал эту женщину и она пришла. Это Лена. Понимаешь? Ле-на! Лена!»

«Та, первая тоже была Лена. Господь забрал ее у тебя, потому, что ты не смог сделать ее счастливой. Ты потом встречал еще одну Лену и еще, но они ускользали от тебя. Ты зациклился на этом имени. Брось. Иди, живи с Наташей, с Людой, с Ларисой. А про Лену забудь. Забудь. Не мешай ей жить, любить дорогих ее сердцу людей. Не становись на ее пути и не делай ее несчастной. Ты эгоист, самовлюбленный писатель, пишущий для самого себя. Хочешь, я сделаю тебя лауреатом престижной премии? Хочешь, будешь редактором солидной газеты и всегда при деньгах? Хочешь? Знаю, что хочешь... Забудь Лену».

«Сгинь! Сгинь! Сгинь!» - Кричит душа моя, рвущаяся из «Волги» назад к берегу Кана, в деревню Красный Курыш, к Лене!

Перемену во мне замечают мои попутчики.

- Как вам семинар? - спрашивает женщина из сельхозуправления.

Я даже не знаю что ей и ответить - мысли мои не со мной.

- Влюбился он в очередной раз, - говорит фотокор и его слова заставляют всех улыбнуться.

- Не в очередной, а в первый, - совершенно неожиданно начинаю оправдываться я, чем вызываю у присутствующих еще более веселые улыбки.

«Не смейся людей, - шепчет мне опять лукавый искуситель. - Не будь смешным. Ты же ведь редактор. Редактор должен быть серьезным и деловым, а не влюбчивым и глупым. Иди работай: делай карьеру и деньги. Без карьеры и денег ты и этой Лене не нужен. Никому не нужен».

«Буду нужен! - говорю я уверенно, почти вслух. - Ей нужен. А она нужна мне. Мы нужны, друг другу. Остальное уже не важно».

Это произносится мной более чем уверенно и противник начинает отступать.

«А если она любит другого? - пытается он ударить меня по запрещенным в боксе местам. - А если у нее куча детей, ревнивый муж?»

«Не важно», - говорю я.

«А как же Библейское учение, которое ты так ценишь: «Не пожелай жены ближнего...»

«Сгинь! - говорю я уже совсем настойчиво. - Я знаю одно: эта встреча не случайна. Она чиста и светла, как осенняя грусть».

«Вот именно, осенняя. Осень жизни на дворе, а ты про лето...» - огрызается противник.

«Уйди. Не рисуй мне мрачных картин. Все у меня будет хорошо. Понял? У меня и у Лены... У нас с ней».

«Ну, ну...» - говорит противник и удаляется. На этот раз навсегда.

* * *

Проведя бессонную ночь, но полный сил и оптимизма, я, с нетерпением ожидаю рассвета, начала рабочего дня, свободного телефона, не занятого выхода на межгород и звоню.

- Лена! - кричу я в трубку, пугая сослуживцев.

- Да, Сергей. Это я. - Отвечает она мне на другом конце Вселенной. - Я прочитала твои книжки. Они мне понравились.

- Я рад... - говорю я, сдерживая переполняющие меня эмоции.

«Лена! Лена! Лена! - кричит и ликует моя душа. Ты есть на свете, есть! Я хочу слышать твой голос, я хочу видеть тебя».

Я крепко сжимаю в руке телефонную трубку и задыхаюсь от хорошего и светлого предчувствия.

Ее величество любовь наполняет мое сердце. А где-то там, на небесах между именами Сергей и Лена навечно ставится знак сложения и жизнь на планете Земля начинает новый виток.

2. НАТАША. ОСТРОВ

- Натуся, я в тебя влюблюся, - говорю я в телефонную трубку, когда она узнает мой голос и добавляю: - А потом быть может еще и женюсь.

- Ты мне это говоришь уже не первый год. - Я представляю как она кокетливо строит глазки, рисуя перед собой мой облик.

- А вдруг... И именно теперь.

- А как же супруга?

- При чем здесь супруга, когда сердце жжет любовь? Когда же мы совершим с тобой путешествие на остров Любви - весь покрытый зеленью, абсолютно весь?

- Когда ты меня позовешь в даль светлую... Туда, за облака... Где под небом голубым есть остров золотой.

- Представь, что уже зову.

- Представить могу, но зова не слышу...

- Я позову тебя обязательно.

- Когда?

- Скоро.

- А когда наступит это скоро?

- Очень скоро.

- Когда меня ты позовешь, боюсь тебя я не услышу.

- Так долго дождь стучит по крыше... - это мы говорим уже вместе, одним голосом, в два телефона.

- Когда идет дождь - всегда бывает грустно, - говорит она.

- Когда идет дождь - всегда бывает возвышенно, - говорю я. - Когда идет дождь, я распахиваю окно, и ко мне приходят хорошие мысли и пишутся светлые новеллы...

- А в этих мыслях и новеллах есть место для меня?

- Много места. Одну из новелл я напишу исключительно для тебя. Только для тебя.

- Но ведь всего одну... Одну из многих.

Я представляю, как она наклоняет голову чуть вправо и плотнее прижимает к уху телефонную трубку. Я чувствую ее дыхание.

- Мне вчера брат звонил из Болгарии, - говорит она, после небольшой паузы.

- Как там в Болгарии? Картошка поспела?

- Не только картошка, но и яблоки дозрели.

- Хочу спелого, сочного болгарского яблочка, - говорю я. - Когда ты поедешь в Болгарию?

- Не знаю... Сейчас все дорого.

- Давай накопим денег и поедем вместе.

- Долго придется копить.

- А мы постараемся. Ты возьмешь меня с собой? На золотые пески к морю?

- К морю? А потом на чудесный остров, на тот самый, что под небом голубым...

- Остров Любви.

- Хоть сейчас.

- Сейчас не получится - мне для газеты материал срочно написать нужно.

- И у меня не получится. Нужно закончить компьютерную верстку, а дома полно стирки. Ты же не хочешь, чтобы я поехала в не стираном платье?

- Я куплю тебе новое.

- Свадебное?

От неожиданности у меня перехватывает горло.

- На... Наташа...

- Что, Сереженька?

- Я хотел...

- Ты не ответил мне про платье. Неужели ты хочешь купить мне свадебное платье?

- А почему бы и нет! - восклицаю я в порыве вдруг нахлынувшего вдохновения.

- Покупай!

Пока я думаю, что сказать ей дальше, между нами возникает секретарша, напоминая, чтобы я долго не занимал служебный телефон в личных целях.

- Наташ... - тихо говорю я. - Тут меня с трубки сгоняют. Говорят, что у нас один телефон на три кабинета.

- Вот она, Сережа, проза жизни. А ты говоришь - остров Любви... Где он, этот остров?

- Может, встретимся вечером. В кафе сходим?

- Не получится сегодня. Стирка у меня.

- А когда сможешь? На той неделе?

- До той недели дожить надо. Звони.

- Обязательно.

- Ну, до скорого.

- Пока.

Несколько лет назад мы работали с Наташей в одной редакции. Часто пили чай вместе, ходили после работы в кафе и говорили о жизни, о любви, о Болгарии, где у нее живут родственники, о далеких островах...

Однажды я позвал ее на остров Любви. Она согласилась. Но поездка не состоялась. А потом я сменил место работы, и творческие пути наши разошлись.

Мы по-прежнему поддерживаем хорошие отношения. В основном по телефону. Чаше звоню я, и мы подолгу говорим с ней обо всем на свете.

О знакомых, текущих делах, планах на лето и о любви. Об острове Любви, на котором нам вместе, видимо, никогда не бывать.

3. МАРИНА. ПОРЫВЫ

Поднявшись на отвесную гору, я несколько минут смотрю на оставшийся внизу шумный город, на спокойные березки, тянущиеся лентой до самого горизонта, затем складываю ладони трубочкой, подношу ко рту и делаю глубокий выдох.

- Марина! - кричу я вдаль. - Мариночка!

- ...ина... а... а... - несется над городом, лесом, суетой.

- ...иночка... а... а... - возвращает эхо мой выдох.

Еще не вечер и отсюда, с небольшой высоты, хорошо различаются река, левый и правый берег города. Где-то там, на одном из этих берегов - она, Марина.

Марина. Имя, возникшее из шума морской волны и шороха ветра, заблудившегося в косах средиземноморских пальм и зарослей кипарисов, долетело как-то до меня в заснеженную Сибирь, в мое провинциальное детство и поселилось в наивной моей душе.

Марина - звучало возвышенно и романтично. И грезилась далекие, никогда не виденные мной страны: Греция, Италия, Испания...

А потом, в том же, кажущемся теперь нереальным, детстве, появилась вдруг девчонка с таким именем. Нет. Не с таким. Та была Маринка. В том ее имени не было возвышенности и романтизма.

Маринка... Сиротинка... Некрасивая картинка...

Это та, оставшаяся в той, давно прошедшей жизни.

А это другая. Это - Марина, Мариночка... Грация... Вдохновение... Муза... Красивая женщина...

О, женщины! Противовес и дополнение мужчины. Что делаете вы с нами, красивые и не очень, добрые до наивности и злючки способные на коварство?

Женщины... В пору расцвета и зрелости мужчины вы входите в его сердце не в одиночку, а небольшими стайками и рвете его ранимую душу на части. Больно, томительно, заставляя его сходить с ума, делать нелепые поступки, говорить не свойственные ему слова, писать ночами стихи и новеллы.

С недавнего времени моя муза, мое вдохновение, радость и печаль, единственная и неповторимая поселилась на берегу Кана. Она имеет другое, любимое мною трепетное имя и даже на расстоянии в две сотни километров оказывает свое влияние на мои мысли, поступки, работоспособность. Иногда я не вижу ее неделями и не слышу по несколько дней ее голоса, теряю почву под ногами, реальное ощущение окружающей среды, и тогда в душе моей образуются вакуум, пустота, зной, безжизненная пустыня. Но тут, вдруг, как цветок, как оазис, как глоток холодной колодезной воды, появляется Марина. Стучит по коридору каблучками туфель и босоножек, или беззвучно ступает по полу кроссовками, подарив одному мне предназначенную улыбку. И мир переворачивается. Если не на все 180, то, по крайней мере, градусов на 120 точно. Жизнь приобретает смысл, творчество - продолжение.

Женщины. Почти девять лет мучается возле меня преданная, способная любить, понять, простить женщина с редким теперь для России святым именем. Терпит меня, и мои заморочки, ругает, ворчит, варит обеды и ужины, спасает от одиночества. А еще читает мою писанину, разбирает кривые строчки насочиненного мною бреда и галиматьи, исправляет орфографические ошибки, печатает на машинке тексты. Я знаю, что обязан ей до конца жизни, я знаю, что она никогда не предаст. Я жалею ее, покупаю ей подарки, но сердце мое рвется на Кан...

И я мечусь между Каном и Енисеем, рвусь из клетки треугольника.

Женщины... С одной меня не связывает ничего, кроме любви. С другой все, кроме любви.

Почти каждый день я прихожу на работу, чтобы заняться творчеством и вижу Марину.

- Что такой грустный? - спрашивает она.

- Жизнь - дело серьезное, - говорю я, пытаюсь отшутиться и улыбнуться.

Улыбнуться удается. Грустные мысли растворяются среди не очень грустных. И я чувствую порывы любви. Они, как дуновение того заблудившегося в кипарисах ветерка, освежают, вселяют надежду и веру в хорошее.

Порывы любви... Но не той любви, брошенной к ногам канской красавицы, и не той, платонической, когда между мужчиной и женщиной не может быть физической близости. Платон мне друг, но истина, есть истина... Нормальной любви нормальные порывы. Правда, на приличном расстоянии, с невинными поцелуями в правую или левую щечку.

Я понимаю, что сердце поэта не в силах выдержать нагрузки из трех женщин, а там, наверху уже все определено и выбор сделан, что течение несет меня к фатальному исходу, по назначению и предназначению и ничего поделаться никто не может. Ничего уже изменить нельзя. Женщины выстроены в строгой определенности и та, которой было суждено, пришла в свой срок, час и минуту, и заняла свое, предназначенное ей место, заслонив собой остальных.

Марина - это любовь на расстоянии. Иногда это расстояние сближается, иногда - отдаляется. Порывы любви колеблются, выбрасывая то длинные, то короткие амплитуды. Но не затихают и, наверное, долго не затихнут.

- Привет, Марина! - говорю я ей по утрам в очередном порыве, собираясь в очередную поездку на канские берега. - Все дерзаешь?

- Привет, - говорит она, ненадолго отрываясь от экрана монитора, - дерзаю.

А потом, как-то, по-девичьи, легко вздыхает:

- Скоро осень... Сентябрь...

- Да, грядет сентябрь, - говорю я, подойдя к ней близко. - В сентябре у меня день рождения...

- И у меня в сентябре, - она поворачивается мне навстречу. - У меня двадцать первого.

- А у меня двадцать восьмого.

- Ты сочинишь для меня стихи, к моему Дню ангела?

- Обязательно. Стихи или новеллу. Что лучше?

- И стихи - хорошо и новелла... Правда, стихи ты пишешь для всех подряд, а новеллы только для избранных.

- Ты уже избранная...

- Я рада.

- Взаимно, - говорю я, и, стараясь выглядеть деловым и беззаботным, ухажу на свое рабочее место. Сочинять новеллу.

...Еще не вечер. Я гляжу с вершины горы на отдаленный город, верхушки берез, на небо и замечаю, что уже по-осеннему пасмурно и прохладно. Осень неизбежно приближается. Осень, похожая на женщину. С глазами Лены, тихой грустью Наташи, улыбкой Марины.

Здравствуй, осень!

Я давно с тобою не был...

В ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Десятого августа день твоего рождения. В этот год тебе исполнилось бы тридцать, но вот уже семь с половиной лет тебя нет с нами. Я давно не был на кладбище и в этот год, оказавшись по стечению обстоятельств в родном городе, не мог не задержаться на денек-другой, и не сходить на могилку в день твоего рождения. Со мной засобирался сын - девятилетний, аккуратный мальчик, все эти годы воспитывающийся у бабушек и здорово соскучившийся по редко навещающемуся к родительскому гнезду отцу. Тебя он не помнит совсем, меня знает плохо - бывало не видел по полтора-два года, но узнает сразу и по моему приезду не отходит от меня то и дело повторяя: «Папа, папа». Мамой он зовет одну из бабушек - мою мать.

- Папа, а можно я сам для молодой мамы цветы выберу? - спрашивает он меня, когда мы приходим на цветочный рынок, и, получив согласие, деловито спрашивает цветочниц:

- Белые розы есть?

Белых роз нет, и мы покупаем красные.

- Ты бывал уже на кладбище, Саша? - задаю я вопрос сыну.

- Был. С мамой один раз и один раз с бабой Шурой, - утвердительно кивает он. - Мы сажали цветы на могилке молодой мамы, а я нарисовал маму в красном платье, и папу-моряка и положил под камушек, но портрет папы унес ветер, а маму смыло дождем.

«О Господи! - задумываюсь я. - Меня действительно носит, словно ветром по свету, а тебя омывает дождем, забрасывает снегом, мимо тебя бегут веселые журчащие ручьи и расцветают цветы на могилке...»

- Когда ты, папа, был моряком, то, проезжая мимо нашего города, увидел на вокзале молодую маму и влюбился в нее, - продолжает говорить сын, и я с интересом слушаю его.

Я никогда не служил на флоте и не ходил на катерах и баржах, но тебя я действительно встретил на вокзале. Ты поджидала поезд, на котором должен был приехать твой приятель, а я со своим приятелем пытался достучаться в двери закрытого ресторана.

Своего приятеля ты не дождалась, а я не достучался в ресторан и потерял своего товарища, но зато мы познакомились. Правда, вначале ты была не в восторге от нашей встречи и мое настойчивое желание познакомиться, приняла настороженно. Даже попыталась убежать. Я же, преследуя тебя, споткнулся в темноте обо что-то лежащее на асфальтовой дорожке, упал и разодрал гачу брюк. Это тебя здорово рассмешило. Так мы познакомились.

- Потом, папа, ты уплыл в море, а мама тебя ждала...

Мне никогда наяву не приходилось видеть море, все больше путешествовал по большим городам, тайге, да степным просторам, но я помню, как мы с тобой собирались к морю, однако этой поездке не суждено было осуществиться...

А фантазия у сына все разыгрывается:

- Корабль, на котором ты плыл, попал в бурю, и его разбило о скалы, а тебя выбросило на остров. Когда буря затихла, ты, папа, построил себе лодку, вместо паруса натянул тельняшку и поплыл обратно, а когда доплыл до берега, мама встречала тебя с цветами.

- А что было потом?

- А потом мама вышла за тебя замуж.

...На кладбище тихо и малоллюдно. За годы моего отсутствия в родном городе, последняя обитель для бранных людских тел, заметно расширилась. То и дело на крестах, памятниках, тумбах я встречаю фотографии знакомых мне ранее людей. Вот одноклассник Володька Рубахин. Боже! Похоронен два года назад! А вот фронтовик дядя Степан. Всю жизнь он работал вахтером на заводе, любил выпить, и с каждой полочки угощал ребятишек дорогими конфетами. А это кто? Неужели первая красавица нашего двора Любка-морковка?! На фото ее и не узнать. Все мальчишки-подростки нашего двора в свое время были влюблены в тебя - веселую и ветреную. Царство тебе Небесное. Спи спокойно. Никто теперь не потревожит тебя...

Вот и твоя могилка. Позолоченная оградка видна издали. Заходим. Ты внимательно смотришь на нас с фотографии - на возмужавшего мужа и под-

росшего сына. В первый раз мы вместе пришли к тебе. Ах, Лена, Лена, ты мелькнула в этой жизни вспыхнувшей яркой, но быстро сгоревшей звездой...

Сын аккуратно кладет к памятнику цветы и внимательно рассматривает фотографию.

- Папа, а мама смеется? - спрашивает он меня. - Баба Шура говорит, что да, а тетя Лариса, что нет, не смеется...

- Улыбается, - говорю я.

- И я тете Ларисе сказал, что улыбается. Разве мама не будет улыбаться мне?

...По пути домой сын рассказывает о том, как он ездил с дедом на рыбалку и поймал огро-о-ом-ную, как он говорит, рыбину.

- Как акула. Во, какая! - сын разводит руки, как заправский рыбак. Я улыбаюсь и ничего не говорю.

«Боже! Куда еду? Зачем? Куда и кто или что тянет меня снова в дорогу? Подальше от родительского дома, от сына, от матери, от родных и знакомых, от дорогих моему сердцу улиц, дворики, могил? Куда?»

...На вокзал идут меня провожать мать с Сашей.

- Когда теперь приедешь? - спрашивает мать.

- Даже не знаю, - вздыхаю я. - На следующее лето, наверное...

- А ты возьмешь меня к себе в гости, папа? - задает вопрос сын. - Насо-всем я не хочу уезжать от мамы, а в гости бы поехал. Возьмешь?

- Возьму, Саша.

- Правда?

- Правда...

- Мама, папа на следующее лето возьмет меня к себе в гости. Ты меня отпустишь?

- Отпущу, - невесело говорит мать, в ее глазах слезы.

...Поезд медленно отходит от платформы, и мать с сыном машут мне вслед. Я киваю им из окна, грустно улыбаясь и думаю о том, что хорошо, что сын не чувствует себя сиротой.

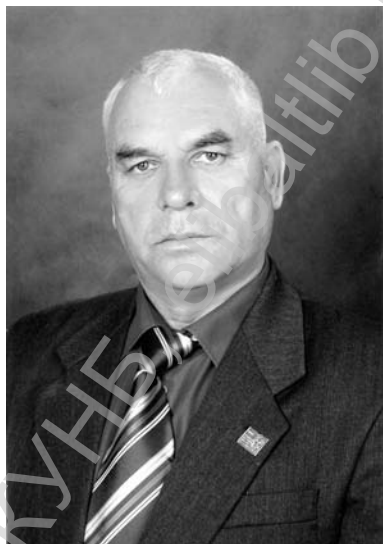
Пока не чувствует...

Виктор БЫЧКОВ

Виктор Бычков родился в 1953 г. в Белоруссии, окончил Васильковское военное училище и Волгоградский педагогический институт. Служил в различных гарнизонах СССР, выполнял интернациональный долг в Афганистане. Публиковался в местной, региональной прессе. Он - автор двух прозаических книг, лауреат Всероссийского конкурса «Добрая лира» 2009 г.

Живет в Барнауле.

«ТОНЬ-ТОНЬ!»

Р а с с к а з

Дед Валентин умирал. Его вдруг скрутило, вступило не только в спину, да и в руки, ноги. И сердчишко стало прихватывать так, что хоть волком вой. Начал задыхаться. Одно к одному. Да и все тело перестало повиноваться своему хозяину. Отнялось.

- Вышло из подчинения, - зло шутил над собой старик. - Видно, ресурс выработало. Исшаркалось, истопталось, поизносилось.

Не мог ни сесть, ни встать, ни повернуться. Даже руки, и те не подчинялись, лежали плетями вдоль высохшего, разом посеревшего тела. Впрочем, как и обездвиженные ноги. Спасибо - хорошо слышал и хотя с трудом, но мог говорить. Это все, что осталось от некогда крепкого, высокого и красивого, статного, сильного мужчины, бывшего бригадира полеводческой бригады. Вышел на пенсию и вот... Даже двух лет не пожил спокойно, заболел.

Жена его - Антонина Петровна Крючкова - находилась при нем неотлучно с того момента, как привезли мужа из больницы, на носилках выгрузили из санитарной машины, занесли в избу, шепнули по секрету излюбленное выражение расписывающихся в собственном бессилии медиков: «Не жилец ваш муж, бабушка. Не-жи-лец! Медицина, увы... Еще самое большое недели две-три, ну-у, месяц, и все. Так что, готовьтесь к худшему».

- Вот вам! Вот вам! - ткнула кукишем вслед запылившей по деревенской улице «скорой помощи» женщина, сама подобралась вдруг, потуже подвязала платок. - Ишь, как легко это у вас... Был человек - и не стало. Выбросили, выгрузили... А лечить? А мне какво? А Валюше моему?

С этого дня жизнь Антонины Петровны разделилась на «до» и «после». Та, которая была «до», канула в небытие, исчезла. На смену ей пришла со-

вершенно другая, где все помыслы, поступки и действия крутились вокруг больного мужа. А все остальное, весь мир, казалось, перестал существовать для женщины. А если и существовал, то только как что-то или кто-то, идущие на помощь, или напротив, вредившие ее мужу.

Продала корову, перевела всю остальную животину: тяжело управляться одной. Решила: двух пенсий вполне хватит. Молоко и мясо можно и у соседей прикупить.

Хозяйство время отнимает. Ей иногда казалось, что она видит и слышит быстро бегущие дни. Сердца, души ее касаются, с каждым прожитым днем оставляя после себя тяжелые отпечатки-рубцы: день прошел, а она не помогла мужу? Ему больно, а она бездельничает? Руки опустила? Не бывать этому!

- Тонь-Тонь! - этот зов мужа она улавливала в любом уголке дома, в самой дальней стороне двора или огорода, и стремглав бежала к нему.

- Я здесь, здесь я, Валюша, - ворковала бабушка, ласково поглаживая бесчувственное тело старика, то и дело прикасаясь сухими губами ко взявшему холодной испариной лбу мужа. - Водички? Или покушаешь чего, Валюш?

- Нет. Тебя давно не было, - тихо отвечал старик.

- Дурачок мой ненаглядный, - бабушка наклонялась, прислоняла свою голову к голове супруга, легонько прижималась, шептала: - Глупыш мой, Валюша мой милый, - и было в ее словах столько любви и ласки, столько тепла, нежности и добра, что на лице старика появлялось выражение умиротворения, благодати. - Не волнуйся, Валюша. Я всегда-всегда с тобой, я рядом.

- Тонь-Тонь... - только и мог ответить муж.

Беда не ходит одна, всегда тащит за собой какую-то неприятность, гадость.

В тот день, к вечеру, как привезли из больницы Валентина Васильевича, явилась в родительский дом младшая тридцатипятилетняя дочь Лариса. С вещами. Выгнал очередной гражданский муж.

- Ну, вот и хорошо, - вроде как и не расстроилась мать несложившейся семейной жизни дочери. - Побудешь с отцом, а я пробежусь кое-куда. Вдвоем будет легче за ним ухаживать.

Но дочь обидело то невнимание матери, с которым встретили ее в родительском доме.

- Ты бы хоть поинтересовалась у меня, что и как, а, мама?

- А что интересоваться? Здоровая, что еще надо? Ума нет? Так я при чем? Мужей меняешь... На каждый год - новый. За отцом поухаживаешь в мое отсутствие. Вот и будет хоть какая-то польза от тебя, прости, Господи, в твои-то годы. А то ты как перекаати-поле: от одного до другого катишься. Скольких мужей сменила-то за это время? Со счета сбилась, непутевая? Хоть бы дитем обзавелась и то...

Съездила в город, привезла несколько книг по домашней медицине, взяла все, что считала нужным, подчеркнула жирной чертой. И начала действовать.

Антонина Петровна практически не отходила от мужа: каждый день делала массажи, примочки, готовила отвары. То и дело отправляла дочь в город в аптеку за недостающими травами, а то и сама ездила куда-то. Привезла синей глины. В какой-то книге вычитала, или сказал кто-то, что синяя глина уж больно хорошо помогает. Так ли, нет, но решила и ее испробовать.

Дед Валентин только успевал глотать снадобье, принимать своим непослушным телом очередной массаж. Но больше всего Антонина Петровна го-

ворила с мужем. Иногда Валентину Васильевичу казалось, что они с женой за всю жизнь стольких слов не сказали друг другу, как за время лечения.

- Тонь-Тонь!

- Что, мой сокол ясный? Утомила разговорами?

- Нет. Говори, говори... Ты всю жизнь на месте не сидела, все порхала и порхала от одной работы к другой. Не до отдыха было. Вот и теперь... со мной возишься...

- Ой, и скажешь тоже, - зардевшись, отмахивалась она натруженными, высохшими, морщинистыми руками. - Ты пробуй, пробуй пальчики-то свои, Валюша, родной мой, пробуй, шевели, - настоятельно просила. - Должны, должны они зашевелиться. Я же чую, как к ним жизнь возвращается.

Брала кисть руки мужа, мяла своими пальцами, подносила к губам, дышала на нее, поминутно целуя, будто хотела через поцелуй, через дыхание свое вдохнуть здоровье в любимого человека, поделиться с ним своим здоровьем, отдать частицу себя.

- Я же чую, чую, что руки твои стали теплее.

Затуманенные слезой умиления и благодарности глаза старика видели жену расплывчато. Он лишь мог шептать:

- Тонь-Тонь...

В такие минуты дочь Лариса отворачивалась от родителей, в недоумении пожимала плечами, крутила пальцем у виска.

- Сбрендили на старости лет, рехнулись, - и уходила из хаты.

Особенно утомительны были для Антонины Петровны и для самого больного «грязевые ванны» из синей глины, что каждый день устраивала бабушка мужу. После таких процедур она укутывала старика, сама, уставшая, присаживалась на край кровати, касалась рукой его головы, и замирала так, отдыхала.

- Тонь-Тонь!

- Что, мой хороший?

- А помнишь сенокос на лугах?

- Это который?

- Когда ты меня граблями по спине охаживала...

- А-а-а... Молодая была, дура.

- Верно. У нас с Клавдией ничего и не произошло.

- О чем ты, Валюша? Тебе просто приснилось или привиделось. Спи, спи, мой ласковый. Сон - это... лекарство. Вот и спи.

- Ага. Я от баловства повалил ее в копну, а тут и ты с граблями.

- Не было такого, Валюшка. Не было. Не помню я такого случая. Тебе кажется.

Она заснула, сидя на краешке кровати рядом с мужем, уронив голову на грудь. За окном по улице протарахтела телега, слышны были удары кнута: пастух пригнал коров.

- Тонь-Тонь!

- А? Что, мой ласковый? - встрепенулась, очнувшись, Антонина Петровна.

- А помнишь, как мы свою корову на тяжках подвешивали в хлеву за балку?

- Помню. Чего бы это я не помнила? Сена не было, вот и подвязывали, чтобы не пала на ноги от бескормицы.

- Правильно. Тогда засуха случилась. Только для совхозных еле-еле собирали.

- Помню.

- Все думали, что, мол, у бригадира Крючкова корова выйдет из зимы на выпаса гладкой, сытой...

- Как же! Ты, ведь, сеном распоряжался, - поддержала она мужа.

- Правильно. Бригадир. Но не мог я, Тоня, не мог! Ты веришь, что я не мог взять для своей коровы даже клочок сена? Тем более, коммунист я, Тонь. Неужели люди этого не понимали?

- Я, может, Валюш, и полюбила тебя за это. А Апрельку жаль. Сдохла от бескормицы. Ох-хо-хо-о... Так и не смогла растелиться, бедняжка. Сил не хватило, так ослабла. Ох, и удойница была-а: что утром, что вечером - по пятнадцатилитровому ведру молока давала. - Говорила, а рукой поглаживала голову старика, лицо которого еще больше сморщилось.

-Тонь-Тонь! Чтой-то зябко мне.

- Ага, ага, я сейчас, - Антонина Петровна юркнула под одеяло, прижалась к мужу, стараясь согреть его своим телом, отдавая ему свое тепло.

Они могли разговаривать днем, ночью, в любое время суток, лишь стоит ему позвать:

- Тонь-Тонь!

Говорили подолгу, много, не могли наговориться. И каждый раз разговор заканчивался почти одним и тем же: она прикладывала свою голову на край подушки, касалась головы мужа, нежно гладила его, а то и прижималась сухими губами к мужу, замирала так. Лежала иногда и долго, боясь пошевелиться, пока Валентин Васильевич не засыпал. Тогда она поднималась, шла готовить еду, заваривала травы. Но все время слух ее был готов уловить его «Тонь-Тонь», и тогда она бросала любую работу, любое занятие, опять бежала к старику.

Уже на следующий год, как привезли из больницы, каждый весенний день Валентин Васильевич Крючков любил встречать на дворе, опираясь на трость, что привезла из города Антонина Петровна еще в конце осени, когда он начал потихоньку вставать с кровати, сказав:

- Вот, Валюш, тебе помощница. Теперь ты все у меня сможешь. Топай, топай. Пробуй ходить, - и сама поддерживала бережно старика, подталкивая его на середину комнаты.

Так он и пошел. А затем стал сам выходить во двор. Стоял, подставляя солнцу то один, то другой бок, шурился.

А то приходил на огород за домом, где жена делала грядки, присаживался в теньке и молча наблюдал за ней. В такие минуты лицо его озарялось улыбкой.

- Вот оно как... - шептал, тайком вытирая слезы. - Тоня-Антонина... Тонь-Тонь...

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Настя КАЛИНИНА

КРИК УЛЕТАЮЩИХ ПТИЦ

Крик улетающих птиц,
Печальные взгляды назад.
Вихрь незнакомых лиц,
И недавно увядший сад.
Город в осенних шелках,
В лужах дырявое небо.
В тетрадке моей строка.
Эхо прошедшего лета.
Может быть, лучше есть:
Золото, небо и город.
Может быть, но я здесь
Жить находила повод!

г. Барнаул

Евгения ЯРОШЕНКО

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Закружила, загуляла вьюга у ворот.
Серебром раскрасила сад и огород,
Занесла, завьюжила окна и порог,
Замела с пристрастием - не видать дорог.

В доме печка топится; дарит нам тепло.
Мама улыбается ласково, светло.
За окошком холодно, ветер всех достал...
- Просыпайся, доченька, новый день настал!

Новый год приходит к нам, разгоняя сон.
Люди, всем вам счастья - поздравляет он.
В доме пахнет праздником, елочка стоит.
В темном небе звездочка все еще горит.

Тузик шумно носится, лая на ходу.
Эй, мороз, не злись же, надо жить в ладу!
Вьюга скоро кончится, солнышко взойдет.
Расцветет природа, и весна придет.

с. Ключи

Татьяна ЧАЩИЛОВА

* * *

Тихо плачет метель за окном,
На душе - пустота и усталость,
Снежной шалью окутан мой дом,
Но внутри никого не осталось.

Я одна. Все ушли сквозь года,
Заметая следы в моем сердце...
Этот сон будет сниться всегда,
Никуда от него мне не деться.

Ты придешь, не боясь пустоты,
Сядешь рядом и трепетно-мило
Скажешь мне: «Я пришел из мечты,
Для тебя, чтобы ты не грустила».

Тихо падает снег за окном,
Улетучилась боль и тревога,
Напряженно прислушался дом,
Млечный Путь, приютив у порога.

Я ловлю вопрошающий взгляд,
Ты молчишь, но глаза
не безмолвны.

Ясно слышу: они говорят,
Как морские прибрежные волны.

Тихо вечер плывет за окном,
В небе звезды и немые, и глухи,
Засыпает блаженно мой дом,
А вокруг бродят добрые духи.

*с. Красногорское***Юлия ВОЛОВИКОВА****ФОНАРЩИК**

Свет из окна заполнил воздух
дремотой утра в январе,
и за окном опять морозно,
опять морозно на дворе.

Гуляют солнечные зайцы,
держась за руки на стене,
и пробиваются сквозь панцирь
оконных рам опять ко мне.

А ночью фонари горели
в пушистом облаке зимы,
и на дома опять смотрели,
все фонари со всей Земли.

И где-то маленький фонарщик
опять включает свой фонарь,
и нам вдвоем совсем
не страшно.

А за окном - опять январь.

ДЕКАБРЬСКОЕ

Темнеющий вечер, природные ритмы,
цветы на окне грустно тянутся к небу,
и я на диване, скрипучем, избитом,
желтею, как верба.

Мелькнула лохматая черная птица,
теряясь в снегу за дощатым забором.
Исчезла. И не к чему больше стремиться
задумчивым взором.

Грядет Новый год, разговорчивый, яркий,
а с ним - мишура, словно перья павлинов.
И все, что мне нужно из груды подарков, -
кило мандаринов.

г. Барнаул

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «СПЕКТР»

Любовь КАЗАНЖИ

* * *

Сетуешь, что листья облетели,
 Птицы в теплые края летят,
 Жаль цветов, за то, что не успели
 Развернуть во всей красе наряд.
 Только я на осень не в обиде:
 Так всегда бывает в октябре,
 Очень жаль, что так и не увидел,
 Как нуждаюсь я в твоём тепле.

* * *

Очаруй меня, вечер, туманом
 Над озерами с чистой водой,
 Опьяняющим сладким дурманом,
 И пылающей алой зарей.
 Удиви ярким блеском на небе
 Появившейся первой звезды,
 Покажи мне картинку, где лебедь
 Чуть касается тихой воды.
 Очаруй, удиви, дай забыться,
 Красотой боль души исцели.
 Если чудо такое случится,
 Я поверю словам о любви.

Евгения ТКАЛИЧ

* * *

Как знакома мне эта дорога.
 Прямо, прямо, а здесь мой тупик.
 У дверей постою я немного,
 Губ горячих коснется язык.

И неловко, как будто украдкой,
 Трону черную кнопку звонка.
 Я с любовью играю здесь
 в прятки,
 А кто вадит - неясно пока.

Но ведь спрятать любовь
 невозможно.

Ближе, ближе за дверью шаги...
 Открываются двери несложно,
 Жаль, у сердца другие замки.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Над готикой таллинских крыш,
 В пространстве, наполненном ветром,
 Парит медный флюгер-мальш
 Со стрелами - милое ретро.
 Мне уличный пестрый витраж,
 Пришпиленный башнями к небу -
 Лишь фон, городской антураж
 Для встреч и случайных зацепок.
 Любовной прелюдии дрожь,
 Беспомощность губ, глаз нескромность.
 - Я рад видеть Вас. Но /О, ложь/
 - Простите, но мы не знакомы.
 Уходишь... И жалко до слез
 Мою безголосую тайну.
 Малыш промахнулся. Норд-ост.
 Опять дует с моря. Случайность.

Валентина ПОЛЯКОВА

* * *

Опять осенние мотивы
И ржавых листьев вьется рой.
Судьба моя, не будь ретивой
И зимних песен мне не пой.

Душою в лете задержалась,
Предчувствием любви топлюсь.
Судьба моя, ну дай хоть малость,
А там - что будет, то и пусть...

* * *

До чего противная погода.
Воет ветер, ветки теребя.
Меж завалов памяти нет брода
До тебя, мой милый, до тебя.

Потускнели краски встреч далеких
На закате солнца у ручья.
Мы с луной на пару одиноки,
А любовь давно уже ничья.

Светлана РУБАНОВА

* * *

Притихнув, он лежал в ладонях,
Прикрыв беспомощными лапками
Животика одежду тонкую,
Совсем покорный, даже ласковый.

Я плакала от умиления
Слезами радости безгрешными,
Придерживая над коленями
Его игольчатую нежность.

Он поднял остренькую
мордочку,
И чутким, чернокожим носом
Погладил выпуклую родинку,
И покосился глазом острым.

И где же между мной и ежиком
Та грань, и много ль она значит?
И у меня иголки в коже,
Когда я от страданья плачу.

Елена РЯБОВА

* * *

Лицо я спрячу в твои ладони,
И затаимся вдвоем в стогу,
Где рядом звезды, пьют наши кони
Из речки сонной на берегу.
Хмельную ночь подарило счастье,
И с той минуты важнее нет
В моей судьбе твоего участия,
В нескладной жизни - надежды свет.

* * *

Вернусь домой, промокшая до нитки,
Из непогоды, как бродяга-кот.
Усталость, словно мокрые ботинки,
Оставлю у остуженных ворот.
Устроюсь на продавленном диване,
Он мне сегодня - самый лучший друг.
Горячий чай, щербинка на стакане,
Вернут в уютный и привычный круг.
И, отрешившись от всего на свете,
Мудрея, начинаю понимать -
Порою беды царствуют на свете,
Чтобы полнее счастье испытать.

Евгений ЕРМАКОВ

* * *

На заре ветерок всколыхнул тишину,
 Растревожил село и дубравы.
 И, волнуясь, как мы, до земли Шукшину
 Поклонились алтайские травы.

А потом на Пикет пол-России пришло.
 И оркестры медово базили.
 Били шапками оземь и град, и село:
 «Уж так люб нам твой праздник, Василий».

Только он не хмелел, не плясал, не шутил,
 Поздней славой встревожен до дрожи.
 И за время гулянья гостей не спросил:
 «Почему я вам в камне дороже?»

* * *

В краевой ветеранской больнице
 Слышал я удивительный сказ:
 «Взмахом крыльев волшебная птица
 Чудеса де являла не раз».
 За границей жила, знамо дело,
 Всех жалела: кто слаб, кто в плену...
 И однажды она прилетела
 В горемычную нашу страну.
 Поглядела, как люди пахали,
 Как тяжел был и долог наш день...

И жар-птицевы перья упали
 На дорогу меж трех деревень.
 И, пространство дугой выгибая,
 Засияли во сто киловатт.
 Но в округе была посевная,
 И никто не польстился на клад.
 Утром прежнее солнце
 Взлетало,
 От земли поднимался парок,
 И ненужное счастье лежало
 В колее на развилке дорог.

Валентина КРЮКОВА

* * *

Село мое давно заброшено:
 Не видно ни дорог, ни хат.
 Стоит трава, никем не скошена.
 Заросший пруд. Заросший сад.
 И лишь на косогоре мельница
 Приветно скрипнула крылом -
 Она еще жива и держится,
 Приговоренная на слом.
 Сюда пришла я с детством встретиться,
 Но к прошлому возврата нет.
 Лишь пруд и сад, да эта мельница
 Печально шлют мне свой привет.

Марина СНЕГОВА

Марина Снегова родилась в 1952 году в селе Маралиха Краснощековского района Алтайского края. Закончила филологический факультет Барнаульского государственного педагогического института. Работала учителем в школе, заведующей детским садом, главой администрации села Маралиха, инструктором идеологического отдела Новичихинского райкома КПСС, психологом Маралихинской специальной коррекционной школы-интерната.

Писать начала еще в школьные годы. Печталась в местной периодической печати. Была победителем конкурса стихов о малой родине «Мы родились в Сибири», проводимой газетой «Печки-лавочки» совместно с литературным фондом «Август».

В журнале «Алтай» публикуется впервые.

РАССКАЗЫ

СВЕТ ЛЮБКИНОГО ДЕТСТВА

Детство у Любки было счастливым, хотя и при большой семье: четверо детей, мама с папой, две бабушки. Но любви и доброты хватало всем. Если покупали игрушки, то всем четверым, конфеты - по коробке каждому. А еще в доме не переводился чай в крупных плитках, сладких, душистых, пахнущих земляникой и смородиной. Мама складывала их на припечек - такую полочку у печки под самым потолком. Но дети все равно их находили и ели. Чай из этих плиток получался густым, ароматным. В него макали кусок сахара и долго держали во рту, высасывая сладость.

Никогда не забыть Любке отцовский уютный дом: небольшой, всего две комнаты, но не тесный, потому что места хватало всем. Было две печки. Одну из них называли грубкой, и стояла она в дальней комнате. А другая называлась русской и находилась в кухне. Русская печка была большая, так что на ее лежанке помещалась чуть ли не вся семья. Особенно любили сидеть на печке бабушка Женя и дети. У печки были брусочек, голбчик и отдушники, бока ее разрисованы яркими сказочными цветами. На печке грелись после морозной улицы, слушали бабушкины сказки. А она знала их много и так чудно рассказывала про Ивана-царевича и волка, про тридевятое царство и прекрасную царевну, про ковер-самолет и Бабу ягу! А еще печка была соединена брусом с полатями. Полати были под самым потолком. Там лежало много всякой всячины, не очень нужной для взрослых, но очень интересной для детей, где они любили прятаться и мечтать о чем-либо долго и сладостно.

Возле печки и по всей длине комнаты приделаны широкие длинные лавки. На них можно было не только сидеть, но и спать.

Дом стоял на самом краю села, поэтому сюда часто стучались припозднившиеся путники. Никому не отказывали в приюте. Нередко здесь ночевали совсем незнакомые люди, плату за постой ни у кого не спрашивали,

кормили, укладывали спать на лавках или вовсе на полу. Но и этому путики были очень рады: не оставили на морозе. Еда в доме была всегда. Хлеб бабушка пекла сама в русской печи. Какой аромат тогда плыл по дому! Корочки у хлеба оказывались хрустящими, дети любили макать их в мед. А еще мазали куски хлеба повидлом, которое покупали в магазине в больших жестяных банках: густым, как масло.

Во дворе дома был сарай с живностью. В конце зимы под лавками или под кроватями в больших самодельных корзинах сидели гусыни и выводили маленьких желтеньких гусят. Потом их пасли по очереди на зеленой травке, стерегли от коршунов и собак.

Выращивались и свинки. Любка хорошо помнит, как мама запекала окорок. Сначала солила, посыпала специями. Потом, через какое-то время, разжигала русскую печь, загребала угли в загнетку, весь окорок покрывала большой лепешкой из теста и ставила в разогретую печь. С испекшегося окорока снимали хлебную корку, давали остыть и отрезали сочные кусочки. Несказанно вкусным был не только сам окорок, но даже и эти хлебные корки.

А еще резали иногда бычка или выбракованную корову. Тогда мясо крутили на мясорубке и стряпали много-много пельменей. Мамина мама любила стряпать настоящие сибирские пельмени - маленькие, с очень тоненькой лепешечкой, чтобы было мяса побольше, а теста поменьше.

Коров в хозяйстве было несколько. Поэтому сена заготавливали много. Был большой сеновал. И там дети любили проделывать норы и всякие ходы. Бывало, что дети спорили, дрались. Но отец любил детей и прощал им все шалости. Никогда их не били и не ругали. Старались сделать так, чтобы они сами все поняли...

Любка была девчонка с характером. Играла в лапу, в войну. Поэтому дружбу водила с братом и его друзьями. Зимой катались на лыжах и на коньках. А ранней весной в больших кирзовых сапогах она вместе с мальчишками мерила топкие, раскисшие от пригревающего солнышка, сугробы. Сапоги зачастую застревали в снегу, и Любка, вытаскивая из сугроба то одну, то другую ногу, оказывалась босиком, потому что носок оставался в сапогах. А все равно было весело и жарко.

Конфеты в бумажках дети впервые увидели, когда к отцу приехали его фронтовые друзья. Они появились в один из теплых летних дней. Любка помнит, как они сидели за столом, разговаривали громко и весело. И даже когда они уже уехали, оставили о себе впечатление чего-то большого, веселого, доброго, озорного и героического, потому что были они в гимнастерках, на груди у них гремели медали. А детям они раздавали конфеты прямо горстями, в красивых ярких обертках. А Таньку, младшую двухлетнюю сестренку, напугали, нечаянно брызнув на нее из пульверизатора одеколоном. Танька ревела безутешно и терла глазенки кулачком. Папа жалел ее и говорил:

- Не плачь, Татьяна, до свадьбы заживет.

Папины друзья уехали так же неожиданно, как и появились...

Любка была хитрая, любила приласкаться. Вот залезла она на печку, притворилась спящей, а руку опустила из-под занавески - знала, что бабушка ее как-нибудь приласкает. Пришла бабушка с улицы, увидела ручонку из-под занавески:

- Лапушка ты моя маленькая, сморил тебя сон.

Взяла Любку за ручку, легонько потрепала ее и поцеловала. А Любка лежала и улыбалась, словно во сне. На душе было светло и радостно. И этот свет, свет детства, всю жизнь согревал Любку в трудные минуты.

СИНИЕ ВАРЕЖКИ

Я часто ее вспоминаю, когда думаю об этом интернате, о детях, живущих в нем. И кажется мне ее короткая судьба такой красивой и яркой, как вспышка падающей звезды.

В последний раз я ее видела осенью, после окончания уборки в садах и огородах. Люди жгли листву и картофельную ботву. Я позвала пятерых самых шустрых и боевых мальчишек из интерната помочь Валентине Афанасьевне. Навстречу нам вышла изможденная тяжелой многолетней болезнью еще не старая женщина. Хотя была она на костылях, и лицо ее почернело, но глаза... глаза смотрели живо и молодо. Они не потеряли былой энергии, доброты, чуткости. Они еще хранили жажду жизни, деятельности и не хотели смириться с обреченностью. С детьми она заговорила запросто, как с давними хорошими друзьями, объяснила, что нужно делать. И как-то так она сумела их заинтересовать без лишних слов, что эти озорники целый час таскали мусор и картофельную ботву в костер, пока не вычистили весь огород. Когда прощались, она посмотрела на детей с любовью и сожалением, словно прощалась навсегда: эти девчонки и мальчишки из местного интерната были всю жизнь ее единственной заботой и любовью, частью всей ее жизни...

Многое могут вспомнить о ней ее бывшие воспитанники.

Вот, например, Мишка Симаков. Он и не думал тонуть в реке, просто не нравилось купаться на мелкоте возле берега. И заплыл на шиверу. Солнце искрилось в прозрачной воде. Мелкие рыбешки плескались вокруг. А там, глубоко-глубоко на дне, были видны круглые зеленоватые камни. А кругом плескались и взбуривали, обдавая пеной, большие упругие волны. И вдруг он почувствовал, что руки и ноги у него ослабели, его потянуло куда-то вниз, в самую глубину, в пучину. В голове все помутилось... Но тут кто-то невидимый сильно схватил его за вихры и потянул, потянул куда-то вверх...

Когда Мишка очнулся, первое, что он увидел, была красная блузка, короткая стрижка и ее серые глаза. Ой, это Валентина Афанасьевна! Сейчас она задаст жару!.. Но она плакала и прижимала к себе его мокрую голову:

- Живой! Живой!

Третьеклассники у Валентины Афанасьевны были легки на подъем. Только услышат клич своей воспитательницы «на горку!», мигом завязаны шапки, застегнуты пальтишки, надеты рукавички, и все уже стоят с санками у крыльца. В тот день увязались за ними мальчишки из пятого класса. Приготовились к прогулке они тоже быстро, но пока добрались до Чанского луга, третьеклассники успели уже один раз съехать с горки и весело хохотали возле санок Валентины Афанасьевны, которые перевернулись. Снег залепил все лицо Валентины Афанасьевны, попал за воротник, шапка отлетела в сторону. Она вытряхивали снег из валенок и весело говорила:

- А вы сами попробуйте проехать, сидя задом наперед! Так интереснее!

Вот была потеха! Снег колючий, холодный, и санки переворачивались. Но смех вспыхивал то тут, то там. Всем было жарко, несмотря на то, что поднялся сильный ветер.

И только пятиклассники портили настроение. Сашка ворчал:

- Лучше бы я сидел с книжкой у теплой батареи. Выдумали тоже - кататься в такую погоду!

Вовка не мог затащить свои санки и печально сидел в сторонке. А Колька канючил:

- Скоро пойдем домой?

Когда возвращались назад, Колька из пятого класса потерял свои рукавицы. Руки у него сильно покраснели. Веревку он надел себе на шею и так тянул санки за собой. Посмотрела-посмотрела на него Валентина Афанасьевна, да и отдала ему свои теплые синие рукавицы. Колька не сразу их взял - мужчина все-таки, но после сдался - руки окончательно заледенели.

Любили дети свою воспитательницу, уважали и побаивались ее одновременно, потому что она была им и матерью, и другом. А если точнее - была она просто хорошим человеком. Домой приходила только спать, а утром снова - к детям. И так до позднего вечера. Вместе с ними она купалась в ледяной чарышской воде, ела печеную картошку у костра, ходила в походы, каталась с горки зимой. И они ее помнили всегда, даже став взрослыми, самостоятельными людьми. Приезжали в гости. Присылали подарки.

...Ранней весной солнце пробудило к жизни скромные синие цветы за маленькой деревянной оградкой и ярко осветило пожелтевшую фотографию на могильном надгробии. Сюда и пришел худощавый мужчина в новом сером костюме. Он долго смотрел на старую выгоревшую фотографию. В глазах его стояли слезы. А в руках он держал новенькие синие варежки. Он хорошо помнил, что Валентина Афанасьевна так любила все яркое, красивое, цветное!

Галина ШВЕЦ-НЕКРАСОВА

Галина Швец-Некрасова публиковалась в журнале «Алтай», газетах: «Алтайская правда», «Вечерний Барнаул», «Голос труда» и др. Выпустила сборники стихов «Встреча», «Кто кого перехитрил?», «Не перестану удивляться».

Живет в Барнауле.

ТЕПЛЫЙ СВЕТ

ЗАТМЕНИЕ

В разгаре солнечного дня
Вдруг ясноглазое светило
Взглянуло слепо на меня,
И стало пасмурно и стыло.

Деревья ветер взялся гнуть,
С крутых высот сорвавшись мглистых.
И в это время день лучистый
Внезапно оборвал свой путь.

Умолкли птичьи голоса
В предчувствии большого горя,
Но робкий луч прорвался вскоре,
Пробилась света полоса.

Затменье солнца в небесах -
Момент природного явления,
Как дождь зимой, как наводнение -
Исчезло прямо на глазах.

Не так ли двадцать лет назад
Затмило наш некрепкий разум?
Как у слепых, потом, ни разу
Уже не прояснялся взгляд.

А сердце точит непокой.
Желанье, словно, наваждение:
Скорее бы прошло затменье
Народных душ в стране родной.

8*

ЗИМНИЕ ФАНТАЗИИ

Какие сутки - ветер, стужа,
Сухая снежная крупа,
Хрустит ледок в замерзших лужах,
Теряется в снегу тропа.

Спешит прохожий в теплый угол
Скорей закрыться на засов,
А стрелки бегают по кругу
Настенных стареньких часов.

Придвинусь я к теплу поближе,
Подброшу дров в огонь сперва,
И буду все смотреть, как лижет
Он отсыревшие дрова.

Вот разгорается, вот тени
Мелькают в пламени его -
То люди в шкурах, то олени,
И нет уж дома моего -

Пещера, каменные своды
И предок, в думы погружен.
В огонь, хранящий в непогоду,
Подбрасывает ветки он.

После удавшейся охоты
Глядит на отблески огня,
И выразить ему охота

События былого дня.
И он берет случайный камень,
По каменной стене ведет

Им неумелыми руками,
 Но оживает дымный свод.
 И на стене в застывших тенях,
 Под рев зимы и вой волков,
 Стрелой пронзенного оленя,
 И нападающих стрелков
 Еще сейчас увидеть можно.
 А не из тех ли древних дней
 И я ношу в душе моей
 Желанье, что унять так сложно?
 Когда пурга осатанело
 Метет - оно еще сильнее:
 Беру я лист бумаги белой
 И... возникает стих на ней.

ВЕСНА

Однажды, будто взгляд споткнется,
 Невольно выдохнешь - весна!
 И воздух переполнен солнцем,
 И звоном улица полна.

Звенит капель под каждой крышей,
 Звенит шальная птичья трель,
 Ручья звенящий возглас слышен
 О том, что скоро уж - апрель!..

Пусть по ночам еще морозы -
 Надеждой полнится душа,
 И в ней, как будто бы стрекозы
 Порхают, крыльями шурша.

Наивно в перемены веришь,
 И вся во власти этих чар:
 Вот-вот ворвется радость в двери,
 Как этот солнечный пожар.

БУРЯ

Сорвался ветер, как с цепи,
 И миг устроил беспорядок.
 Качал деревья, гнул и бил,
 Ломая ветки беспощадно.

Смешались небо и земля,
 Дома исчезли в снежной пене.
 А он кружил, метался, злясь,
 Подобно бешеной гиене.

Кто был в пути - спешил домой.
 Весь мир в немом испуге сжался.
 Лишь ветра яростного вой
 Всю ночь в округе раздавался.

К утру затих, как сытый зверь,
 И новоявленное солнце
 Смотрелось в каждое оконце.
 Я настежь распахнула дверь,

Подумала - так и печаль
 Пройдет, лишь только выждать надо -
 И все не отпускала взглядом
 Утихомиренную даль.

* * *

Под перестук колес вагонных
 Смотрю задумчиво в окно.
 Там постоянно обновленный
 Пейзаж, как будто бы в кино:

Дома в степи, поля пшеницы,
 И, неизменно, как везде,
 Сосредоточенные лица
 На полустанках у людей.

Плывут за окнами вагона
 Чужая жизнь, чужой покой,
 Мир голубой и мир зеленый,
 Такой знакомый и родной.

Жизнь проплывает мимо, мимо.
 Но будет станция, когда
 Придется выйти навсегда
 И раствориться стружкой дыма.

ОТЕЦ

И только я глаза закрою -
 Живые сыпятся цветы
 В сырую землю за тобою,
 Куда навек уходишь ты.
 И холод к сердцу подступает,
 Особенно в ночной тиши.
 Как мне сегодня не хватает
 Тепла твоей большой души!
 И так мне хочется вернуться
 Туда, где низко над травой
 Стрижи стремительные вьются,
 Туда, где ты еще живой...
 Ты строишь дом, и у колодца
 Пьешь воду прямо из бадьи,
 И в каждой капле - море солнца,
 Что падают к ногам твоим.
 В руках еще довольно силы,
 И от рубанка ровный след
 Ложится вдоль доски красиво.

И от улыбки - теплый свет.
Как я хочу в наш дом вернуться,
Как я хочу в наш старый сад,
Под липы, в тень их окупаться,
Вдыхать пьянящий аромат!
Но в доме том уж много лет
Другие люди проживают,
И под чужие ноги цвет
Печально липы осыпают.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не хочется нынче смеяться -
Не справлюсь с печалью души.
Когда-то было семнадцать...
Как быстро время бежит!

Его ощущаю в тревоге.
Оно за спиной моей дышит.
Опять Новый год на пороге,
Уже я шаги его слышу.

Вот стукнет сейчас он в окошко,
Я двери ему приоткрою.
Жизнь снова будет немножко,
А после - помчится стрелой.

СЛУЧАЙ

Зима тогда была сначала
Сильна на буйную метель
И все никак не обещала
Так долгожданную капель.

Скользя холодными лучами,
Садилось солнце за рекой.
В душе - ни боли, ни печали,
Лишь одиночества покой.

Смирилась: жизнь за плечами,
Пришла пора ее зимы,
Ведь здесь на жизненном причале
Лишь гости временные мы.

Но вот, как воскрешенье духа,
Как пробуждение от сна,
Твой голос вдруг коснулся слуха,
И в сердце вспыхнула весна.

Ты двери настежь распахнул:
- С трудом нашел к тебе дорогу,
Прости, что опоздал немного! -
И миг покой перевернул.

ЧЕТ-НЕЧЕТ

Новый год прошел, а я не знала,
И как вырос день - не поняла.
Ах, как от твоей любви устала!
Будто гору на себе несла.

Новая весна стучится в двери,
И летящим дням потерян счет.
Вот сорву ромашку и проверю,
Что там выйдет: чет или нечет.

Если чет - опять на плечи ношу,
И опять покорная - вперед.
Я так не согласна, мой хороший,
Пусть уж лучше выпадет нечет.

ВНЕ СРОКА

На первые упругие листочки
С утра сегодня выпал колкий снег,
Лишь ветви клена не раскрыли почки
И вздрагивали, будто бы во сне.

Под этим ледящим покрывалом
Заиндевела ранняя трава.
Зима на время здесь хозяйкой стала,
Отбив, как в схватке, у весны права.

И, как вне срока снег вдруг упадет,
Так душу обнесет порою стужей.
А за окном вовсю метет и выюжит,
И, кажется, - весна уж не придет.

ПОЗДНИЕ ЦВЕТЫ

Как тихо в этом солнечном лесу.
Листва уже покрыта позолотой.
Я поздние цветы домой несу,
В том и была весь день моя работа:
Цвет василька соединить с еще
Не потерявшей красоты гвоздикой,
Нарвать душицы в уголочке диком.
Среди кустов, опутанных плющом,
Бреду, и только рыжая хвоя
Тихонечко шуршит, да лист кружится,
И я смотрю, дыханье затая,
Как он на землю медленно ложится.
Я здесь на время обрела покой
От суеты, меня не отпускавшей,
Как будто лес заботливой рукой
Снял груз тревог с души моей
уставшей.

АПРЕЛЬ

Когда-то здесь с тобой бродили,
А над рекой сиял апрель,
Расколотые льдины плыли...
И вот одна я здесь теперь:

Вода на высоту обрыва,
Как в дни былые, поднялась,
И все кружился лед лениво,
У кромки берега толпясь;

На дальней стороне пологой -
С размахом залитый
простор.
Иду задумчиво дорогой
Я в просыпающийся бор.

Хочу под прелою листвою
Найти давно забытый след,
Тот, что оставили с тобою.
Хоть в прошлое дороги нет...

НЕ ВЕРЮ

Вот так же и прежде цветы мне дарил.
В плену у беспечного мая
Тогда мы бродили до самой зари,
О замках хрустальных мечтаю.

Ты был снисходительно добрым со мной,
Все силой гордился своею.
«За мной, как за каменной будешь стеной», -
Любил повторять, пламеня.

К тебе потянулась, как тот мотылек,
Что в сумерки к свету стремится.
Доверчивой, было тогда невдомек,
Что может худое случиться.

Но жизнь, как течение опасной реки -
То камни, а то водопады.
А ты не подал своей сильной руки,
Когда это было так надо.

Зачем же теперь-то с букетом в руке
Стучишься в закрытые двери?
Ты выстроил замки свои... на песке.
И я тебе больше не верю.

* * *

Весна моя, не уходи,
Побудь со мною!
Уже осенние дожди
Не за горою,
Когда с дерев спадет листва.
Но в «бабье лето»
«Любовь жива!» - пройдет молва
По белу свету...
Не унимается в груди
Огонь желаний.
«Весна моя, не уходи!» -
В ответ - молчанье.

Любовь НАУМОВА

Любовь Наумова родилась в 1947 году в с. Горёвка Алейского района Алтайского края. Окончила Дружбинскую среднюю школу Алейского района и Барнаульский государственный педагогический институт. Работала учителем в школе, в райкоме партии, в администрации Алейского района. Имеет звание «Почетный работник общего образования». В 2009 году за публицистические работы о творчестве В.М. Шукшина награждена юбилейным 8-томным изданием произведений В.М. Шукшина.

Живет в Алейске.

ИСКОРКИ

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ УПАЛ С ПЕРИЛ

Почему я это запомнила?..

...Ты упал однажды в школе с перил лестницы. Долго не поднимался, сходили за твоей мамой. Она прибежала: испуганное белое лицо; обида, что учителя не уследили. Всем нам стало ясно, что мама тебя любит и балует - детям это в друзьях не нравится: маменькин сынок. Но вскоре твоя мама умерла, и ты стал беззащитней нас.

На школьных вечерах твои глаза постоянно следили за мной. Я так хорошо помню эти серо-голубые, всегда немного удивленные глаза, не веселые и не грустные, и до сих пор гадаю, о чем ты думал в эти минуты. Больше на меня так никто не смотрел!

А вечером ты провожал из школы совсем другую девочку.

После школы мы разъехались. Только однажды, увидев меня издали, ты высунулся из окна машины и помахал мне, высоко задрав руку, как-то погагарински. Больше так мне никто не махал!

Ты работал далеко на Севере. Иногда звонил, иногда заходил, когда приезжал в отпуск. Как-то я спросила тебя: «А ты помнишь, как в школе упал с перил?» В ответ: «А ты помнишь?» Я быстро перевожу в незначительность: «Да, почему-то запомнилось!»

...Однажды на работе, спускаясь с третьего этажа, я увидела поднимающегося седого мужчину. «Наш», - подумала молнией. Встретившись, мы обнялись, и я радостно рассказала: «А я смотрю, идет мужчина, сразу поняла, что - наш!» Ты, как всегда негромко и спокойно, ответил: «Хорошо ты сказала: «Наш!» А я с усмешкой думала: «Почему не «мой!», а «наш!»?» Наверное, я подумала о ровесниках, о нашем возрасте. Оговорка по Фрейду.

...Как-то в январе, тихим черным вечером, раздался звонок.

Ты.

Немного под шафе, оттого особо мягок твой разговор о прошлом, о юности, о том, что в августе приедешь на родину и обязательно зайдешь. «Это ничего, что я тебе иногда звоню?»

Я: «Да что ты, обязательно звони!» И чтоб убрать подразумевающуюся лирику, говорю: «Нас и так мало остается!» Господи, опять зачем-то «нас»?! А ты мне тихо: «Да, все меньше и меньше».

... Через три часа тебя не стало.

СНЫ

Жалко тех, кто не видит снов.

Мои сны бывают ясные, длинные, с продолжением. Часто думаю: «Может, я сплю, когда не сплю, а когда сплю, живу по-настоящему?» Или я живу в двух реальностях - сон-явь, явь-сон? Очень часто жалею, что проснулась и, наоборот, с радостью укладываюсь спать в предчувствии неожиданной иной жизни.

Кошмары мне не снятся. Но страшные сны снились в детстве. Один помню всю жизнь: багровый закат, на земле почти ночь, но закат еще ярок: на траве, на деревьях со стороны заката листья красные, дрожат, как живые. У моих ног лежит большая собака, она смотрит на меня и в ее глазах трепещут красные блики. Я не хочу смотреть на собаку. А отвести глаза не могу. Просыпаюсь с колотящимся сердцем.

Часто снится вода, море, океан. Впечатления, наверное, от встреч с Атлантическим и Тихим океанами, с Балтийским, Черным, Охотским, Японским, Азовским морями. Купание на Иссык-Куле. Волга, Ока, Кама, Днепр, Десна, Амур... «Сколько видано!» В «реальности» сна водные просторы другие: вода в них теплая, песочного цвета, чуть с голубишной. Такая огромная тяжелая масса, будто живое колыхание этой массы, как в «Солярисе». Влажный холод, что может быть хуже?! А здесь такая теплота и нега... Я чувствую, как погружаюсь в воду. Она плотно и мягко сдавливает мое тело, оно становится тяжелым, и я опускаюсь все глубже и глубже. Я понимаю, что тону. Но не задыхаюсь, хотя уже не вижу неба. Кто-то мягко подталкивает меня, и я всплываю. Солнце режет замокшие глаза. Я вижу того, кто меня спас, кто меня поднял из воды на руках.

И я во сне начинаю вспоминать... Мартин Иден... «А он все плыл и плыл, словно хотел доплыть до ближайшего берега, который был за сотни миль отсюда»...

Начинает болеть сердце от радости, я ничего тебе не говорю, просто чувствую, что ты рядом. Мгновенно вспомнила, как пахла угольной сажей старая книжка Джека Лондона, как желтела пыльца отцветающей полыни на твоей щеке, как сверкало августовское ночное ясное небо. Как мигала в бесконечности Кассиопея.

Я часто вспоминаю те воды и мягкий толчок в спину, который спас меня.

... У моего сельского дома горит костерок-таганок. Вокруг люди, съемочная группа, после съемок кино собираются к ужину. Вечереет. Голоса, голоса. Я стою у старенькой белой «Волги» и вижу, как Шукшин направляется ко мне. Прохладно. Осень. Мы садимся в машину. Я замираю от реальности: знаю, Шукшин умер, но рада, что сейчас он вдруг оказался рядом. Рядом с моим коленом я вижу колено Шукшина, потому что в лицо ему почему-то стараюсь не смотреть. Он в солдатской форме. Отмечаю: последняя одежда, что он надевал сам. Чувствую, что надо говорить, что-то спрашивать, такой счастливый случай! Пускаюсь в пространный диалог: «Как хорошо, что кроме литературы и актерства, Вы выбрали режиссуру. Это дало Вам такие возможности

рассказать о себе!» Он неожиданно перебивает меня: «А каких режиссеров ты любишь?» Срезал! Я мысленно сортирую: Бондарчук, Герасимов, Камерон, Коппола, Пазолини, Тарковский... Он их отлично знает. «Не будем о присутствующих, - тупо кокетничаю я и продолжаю, - Звягинцева, Лунгина, Шахназарова... Тарковского, - добавляю я и оправдываюсь, - он, конечно, стилиста, но «Ностальгия», Янковский со свечой...» Мне очень хочется назвать среди них и его имя, но не могу вписать в этот ряд Шукшина, не вписывается. Мне хочется его сфотографировать, но что-то отвлекает, и я не могу это сделать. Вдруг я понимаю, что надо рассказать, как я была с друзьями, и не один раз, на его родине: «Поедьте в Сростки! Здесь же недалеко, машина есть! Мы так любим бывать там, у Катуня». «Машина не заправлена!» Я вспоминаю, что при мне нет денег, и иду в дом, чтобы попросить денег у мамы. Я объясняю матери, что они нужны на бензин, и киваю в сторону машины. Мама, как и при жизни, достает завернутые в большой носовой платок деньги, отсчитывает и подает мне. Я всю дорогу в подробностях рассказываю о его днях рождения, не называя их Шукшинскими чтениями, в его родном селе, о тех, кто приезжает. От том, какое чудное небо над Сростками бывает в эти дни, какое необыкновенное голубое небо с кипенно-белыми облаками! Яркое, как на новом ситчике. И тороплюсь, тороплюсь, чувствую, что больше никогда я не смогу ему все это рассказать. Я спрашиваю: «А где твое любимое место на реке?» (Почему-то легко перехожу на «ты».) «А вот здесь и любимое!»

Мы стоим на высоком берегу Катуня за Пикетом. Здесь мы обычно ставим палатки. Большая река спокойно, но одушевленно тянет свои белесоватые воды мимо. По-дружески он обнимает меня за плечи, и я чуть ли не приседаю под теплом и тяжестью таких живых мужских рук.

...Я просыпаюсь с нитьем в душе. До мельчайших подробностей все вспоминаю и думаю: «Что это было?»

...Мы подъезжаем снова к моему дому, и он говорит: «Я хочу есть!» И я вспоминаю, что мы проехали ужин в Сростки. Он садится за длинный временный стол, сделанный из досок. Но стол почти пуст. Здесь какие-то незнакомые девчата, и я прошу принести что-нибудь поесть. Они несут хлеб, огурцы, свежие и малосольные, картошку. За столом много людей. Он сидит один на расстоянии ото всех в торце стола. Ест вяло, нежадно. Я спрашиваю: «Такими огурцами вас угощал Шолохов?» Он кивает молча. Вижу, вдалеке на столе у кого-то стоит салат со сметаной, я иду, откладываю ему салат и ставлю перед ним. Он говорит: «Спасибо». Мне как-то неловко и беспокойно.

...За окном брезжило раннее утро. Для меня.

ВОКЗАЛ

Люблю и помню старые вокзалы: суета, цыганки, баулы, дети. Сейчас детей в дорогу берут редко: дорого, а еще - опасно.

Маленькие окошечки с надписью «Касса», и огромные очереди за желанным билетом, будто вся страна разом тронулась в дорогу. Чтобы закомпостировать билет, надо было жить на вокзале 2-3 дня.

Сейчас вокзалы просторные, светлые, почти безлюдные. И бездушные, неродные, как становятся неродными, например, после евроремонта твоя любимая школа или палата в больнице, когда-то с трещинками, без штор, но откуда ты вышел выздоровевшим.

Шел месяц октябрь. Тучи, листья, остывающая земля, срывался и кружил прохладный пыльный ветер. Зябко. Сажу с билетом в углу набитого людьми вокзала и потихоньку умираю от тоски. Ушли заплаканные провожавшие под-

руги. Почему они так плакали? Ничего страшного не происходит, все уезжают и я, наконец, уезжаю. Меня ждет большой город, новая жизнь, учеба и работа.

Но больно мне, больно...

Ко мне, вроде бы, подбирается сквозь толпу мальчик лет десяти. Точно, ко мне! «Тетя, а Вас дядя вызывает!» Ничего не понимаю! Кто этот незнакомый мальчик? Какой дядя? Куда вызывает? Но спрашиваю почему-то: «А как ты меня нашел? Ты ведь меня не знаешь!» «А дядя фотографию показал и попросил, чтобы я Вас вызвал!» Как можно по фотографии найти в такой толчее совершенно не знакомого человека?!

Я выхожу и иду в привокзальный парк, куда указал мальчик. Там под деревом, сгорбившись, стоит тот, кого я меньше всего думала увидеть перед отъездом. Все точки давно расставлены, все категоричные слова сказаны. Но как я рада была видеть сейчас именно тебя! «Зачем мальчик?» «А как я бы тебя позвал? В вокзале - не пробьешься!» Странный ответ! Я не продолжаю допрос: зачем звать, зачем приходиться... Я рада встрече и не хочу крикнуть душой. «Я знаю, ты мне послан богом!» - цитирую для себя вечное.

До поезда было много времени, мы стояли и разговаривали обо всем и ни о чем, и этот разговор разъедал, как солнце туман, мою тупую боль прощания.

О СЧАСТЬЕ

Все несчастливые женщины из бедных - накрашенные. Большие с отеками глаза обведены зачем-то черным карандашом. Волосы - рубиновые или соломенно-белые. На губах яркая помада. Руки - сухие, кожа на руках толстая, огрубевшая; ногти со следами маникюра, плотные, тяжелые. Большинство женщин - курящие.

Несчастливые из средних - бледные, даже блеклые, постоянно работающие, куда-то спешащие. На работе их хвалят, дома - чистота идеальная. Лица без косметики, чистые, промытые, как весенние окна.

Несчастливые из богатых - ого-го! Это самые красивые, ухоженные женщины! Косметика из Франции, одежда из Милана... Руки, как произведения искусства: она ими даже, наверное, не пользуется. Вслед все охают: «Где у мужиков глаза!»

Большинство женщин - несчастливые от рождения, потому что представление о счастье связано генетически в мозгу девочки с рыцарем на белом коне. А мужчины хоть и сделаны из такой же глины, но качество крови, костей, развитие мышц у них совсем другое. Все другое, все непонятное, недоступное. Изначально в женщинах их привлекает что-то необъяснимое, пустячное: колени, грудь, нижняя часть спины.

Но счастливых и среди мужчин очень мало.

Видно, все зависит от представления о счастье, и, видно, счастье - это не оценка качества жизни! Поэтому бедные и богатые куда-то спешат, встречаются, смеются! И если не задумываются, то многие счастливы. Только если не задумываются...

ЧУЖАЯ БОЛЬ

В Афинах я потерялась, отстала от своей «пятерки» туристов в толпе. Иду среди нескончаемой реки людей и чувствую себя и немой: языка не знаю, и слепой: не знаю, куда иду. Чем дальше продвигаюсь с толпой, тем ясней понимаю, как человек может быть одинок среди тысяч людей. Неприятно, тревожно. Вижу идущего навстречу мужчину. От ладони до локтя у него забинтована рука и несет он руку очень бережно, как ребенка, видно,

сильно болит. Кто-то из спешащих неловко толкает его, и он страдальчески морщится. А я вдруг возрадовалась чужой боли: это язык, это понятно! Толпа перестала быть глухой непробиваемой чуждой стеной. Я одна из них! Я шла уже как равная среди других.

Впереди замаячили макушки моей «пятерки».

МИМОХОДОМ

◆ Дорога усыпана выбитыми из асфальта мелкими камешками. Когда-то они блестели от дождя, стлы под ползучей метелью, плавилась на июльском солнышке. А стали мусором...

◆ Печальна и некрасива отцветающая вишня. Украсят ее поспевшие красные сочные ягоды.

◆ Ветер качает ветку. Свистит птица. Пахнет сиренью. Как это дорого будет в конце!..

◆ Чтобы почувствовать вкус настоящего борща, надо варить его в большой кастрюле. Поэтому борщ на поминках имеет особый вкус.

◆ Чтобы почувствовать запах земли, надо отойти от грядки в поле, в степь...

◆ Счастье - это когда в юности часто видишь ночное небо, в зрелости - любишь все времена года, а в старости наслаждаешься одиночеством.

◆ Молния бьет по высоким деревьям, кустики не сгорают от молний. Горела лишь Неопалимая купина...

КЪЯРОСКУРО

28 мая 1606 года на поляне возле Рима во время игры в мяч поссорились уже далеко не юноши. 29 мая состоялась дуэль. Художник Микеланджело Меризи из селения Караваджо убил на дуэли своего противника.

После дуэли неуживчивого художника приютил на несколько месяцев собор Сан-Джованни в столице Мальты Ла-Валлетте, куда Караваджо спрятался от наказания за убийство.

Насколько интересны картины Микеланджело Меризи де Караваджо, настолько была бы интересна книга о его жизни. Достаточно сказать, что исследователи его биографии основной материал о художнике получили из полицейских протоколов.

...С борга теплохода «Латвия» мы увидели желтые крепости Ла-Валлетты, будто вырубленные из огромной горы известняка.

Мальта - это всего 316 квадратных километров суши, две трети этой площади мало пригодны для земледелия. Для огородов мальтийцы землю носят в корзинах с плодородных мест, но выращивают в год два урожая овощей. Питьевую воду по морю доставляют из Сицилии. Но Мальта - это клумба посередине Средиземного моря: виноградники, цитрусовые, оливы... Все вопреки дарованному богом, но согласно климата.

На утро поднимаемся по ступеням с виду невзрачного и вовсе не похожего на своих европейских пышных собратьев собора - Сан-Джованни. Войдя в зал, мы почувствовали, как вместе с благодатной прохладой, нас окутал воздух особой красоты, который сохранился только в соборах: высокие своды, стены, украшенные позолоченным известняком, гобелены, сотканые по картинам Рубенса и Пуссена.

...Огромная картина, самая большая в этом соборе, находилась в Орагориуме, зале для молящихся. Микеланджело Караваджо «Обезглавливание Иоанна Крестителя». Жестокость казни, люди, сотворившие это, люди,

равнодушно и любопытно наблюдавшие за смертью. Лишь одной женщине стало страшно от произошедшего, она сокрушенно обхватила голову руками. Лицо святого Иоанна, говорят, автор нарисовал с себя. Мрачная темница, где свершилось злодейство. Но поражает широкий луч яркого света: он льется сверху, будто через окно в высоком своде. Свет освещает тело святого Иоанна, палача, Саломею. Будто кто-то сверху наблюдает, предупреждает: «Я все вижу!» А далее вокруг темнота. Этот художественный прием - резкое противопоставление света и тени - называется кьяроскуро.

Здесь, в ручейке крови, по центру картины Караваджо оставляет свой единственный авторский вензель: «f Michele», что переводится «Сделал Микеле». Все художники подписывали свои картины в правом нижнем углу.

О чем думал Микеланджело Караваджо, когда стоял наедине с картиной? О своей несправедности? Или о том, как наша жизнь иногда зависит от прихоти кого-то? Или о возмездии? Он, конечно, знал, что голову Саломеи отрежет льдина реки Сикорис. А тело Саломеи унесет река в неизвестность.

МЕТРО

Говорят, что главными этапами развития человечества явились выход рыб из воды на сушу и полет Гагарина. Все остальное от них исходящие. Но исходящих много. И поразительно, что большинство из них стало сейчас до примитивности привычно. Привычны радио и международная космическая станция, привычен пульт дистанционного управления телевизора и путешествие по Лувру в Интернете.

Удивляешься созданному однажды.

Чаще всего это бывает в пути.

И вообще, если бы не было дорог в нашей жизни, сколько духовных открытий для себя мы бы не совершили!

Если ехать в метро от Митино до Южной, многое можно передумать, не нервничая на пробки, на крутые машины, которых появилось немыслимое количество, но которые принадлежат кому-то, а не тебе.

Когда-то метро было гордостью Москвы. Сейчас не принято гордиться всеобщим, гордость вызывает лишь «свое».

Раньше метро пахло французскими духами, сейчас «духи» ездят в шикарных машинах. Но метро не стало пустынным и заброшенным. Оно неповторимое, оно как терракоговая китайская армия, сохраненная под землей. Метро впитало воздух того времени, когда оно строилось. Там другая, довоенная Москва: станции с «лестницей-чудесницей», красивыми мозаичными панно, скульптурными группами. Метро «Сокольники», «Лубянка», «Охотный Ряд», «Александровский сад», «Арбатская»... По их вестибюлям пробегали Коля Майоров, Паша Коган, Миша Кульчицкий, Шура Космодемьянский. Сегодня это были бы 90-летние старики, но остались с нами двадцатилетними.

Рушится старая Москва, а метро, как законсервированное время: 1935-й и далее.

Самая глубокая станция - 97 метров под землей - Парк Победы. 740 ступеней Памяти.

...Чтобы задуматься об этом, надо войти в метро.

Станислав ВТОРУШИН

ДО КРОВИНКИ ЗДЕШНИЙ ЧЕЛОВЕК

Какими бесстрашными и легкими на подъем были мы в молодости! Не знаю, откуда Леня Мерзликин узнал, что я из Тюмени прилетел в Нижневартовск, но едва я вечером появился в своем номере гостиницы, как раздался телефонный звонок. Я снял трубку и услышал его голос. Леня звонил из Стрежевого и спрашивал, как долго я еще пробуду на Севере? Я ответил, что дня три наверняка.

- Завтра я прилечу к тебе, - обрадованно вздохнув, сказал Леня.

О том, что с августа 1974 года я работаю корреспондентом «Правды» по Тюменской области, он знал наверняка. Мог прочитать об этом в «Правде», мог услышать от кого-нибудь из наших общих друзей. Но как узнал, что я в Нижневартовске, мне было абсолютно неизвестно.

От Нижневартовска до Стрежевого, где он в то время находился, всего пятьдесят километров, но никакой регулярной связи между этими населенными пунктами в январе 1975 года не было. Даже разница во времени составляла между ними два часа. Стрежевой, расположенный на территории Томской области, жил по томскому времени, которое отличалось от московского на четыре часа. Нижневартовск, естественно, по тюменскому, где эта разница была два часа. Между двумя центрами зарождающейся в Западной Сибири нефтяной промышленности курсировал только ведомственный авиатранспорт. В основном, вертолеты. На одном из них и прилетел ко мне Мерзликин.

Зима на Севере в тот год стояла лютая, в Нижневартовске было под минус

пятьдесят, тепла в местной котельной не хватало, электричества тоже, в гостинице каждому постояльцу выдавали дополнительное одеяло, чтобы не замерз ночью. Да и гостиница в городе была всего одна, ее почему-то называли «канадской». Она была деревянной, рассчитанной на двадцать четыре постояльца, и получить в ней место можно было только по особому распоряжению. Мерзликин о гостинице не думал. Знал: если я там, значит, устрою и его. Я попросил администратора, чтобы в мою комнату поставили раскладушку и принесли все, что положено в придачу к ней, в том числе два одеяла.

Мерзликин появился в гостинице часа в четыре дня, зимой в это время в Нижневартовске уже темно. Было видно, что он страшно замерз, но глаза его радостно светились, а с лица не сходила улыбка. Он был счастлив тем, что ему все-таки удалось добраться, и мы встретились. Нам всегда недоставало друг друга. Леня был романтиком, его постоянно влекла к себе красота. Будь то природа, девушки или неординарные человеческие поступки. Я относился к жизни более трезво и этим самым мы как бы дополняли друг друга.

Мы познакомились с ним в 1964 году, когда он вернулся в Барнаул после окончания Литературного института. В Москве в издательстве «Молодая гвардия» у него вышла книга стихотворений «Купава». Для абсолютного большинства студентов Литинститута это было немыслимо. Книги в то время издавались трудно, каждая рукопись проходила через такое сито рецензентов и экспертных оценок, что в

конец этого пути уцелевшими оставались лишь немногие. «Купава» не просто прошла, а веселой деревенской ласточкой пролетела через все препятствия. По этому сборнику Мерзликина приняли в Союз писателей СССР. Для начинающего автора, имеющего на руках всего одну книжку, это тоже было невероятно.

«Купава» слетела с прилавков книжных магазинов в течение нескольких дней. Леня подарил ее мне со своим автографом, но вскоре она тоже исчезла. Кто-то взял почитать и не вернул. Кто, сейчас уж не помню. Зато помню многие стихи из этой книжки. Какой задушевностью, каким теплом, какой радостью жизни веяло в них от каждой строчки!

*Днем погожим бы вынести легкие саночки,
Да с горы с улюлюканьем, елки зеленые.
Хороши на Алтае девчата-смугляночки,
Предвечерним морозцем слегка обожженные.*

Уже с первых своих стихотворений Мерзликин умел одним поэтическим мазком создать настроение и нарисовать яркую и живую картинку. Читаешь и не просто представляешь, а зримо видишь и саночки, и снежную горку, и красавиц-девчат. Он был щедр на самые искренние чувства, и готов был осыпать ими любого, кто западал ему в душу. Уже с «Купавы» его нельзя было спутать ни с кем другим. У него был свой задушевный язык, свое мироощущение. Некоторые его стихи походили на покаяние.

*Ты один у меня, мой земной уголок,
С крутоярами синими, с тихими плесами.
В эту осень к тебе я добраться не смог
Ни пешком с батошкой, никакими колесами.
У тебя там давно ежевичник отцвел,
Одуванчик-растрепыш осыпался на воду.
Не по мне ли березы лопочут у сел?
Не по мне ли кудлатые плачут взаправду?*

Казалось бы, ну что из того, что человек не смог вовремя приехать на свою малую родину? Мало ли какие дела задержали его? Но для Мерзликина малая родина - не просто точка на карте, а неотъемлемая часть духовного мира, то, что делает осознанной жизнь и вдохновляет на твор-

чество. Она ему так же необходима, как и он ей. Друг без друга они - сироты. Отсюда и ощущение вины, и отягощение ее тем, что из-за этого плачут березы.

Это была совершенно новая поэзия, тем более, во времена, когда страна жила великими стройками, и страницы газет и журналов отдавались в первую очередь поэтам-агитаторам. Мерзликин резко выделялся из их ряда, но в бурлящей поэтической реке не только не потерялся со своими стихами, но и сумел найти себе место на общем корабле. Он неосознанно чувствовал, что его призвание не воспевать грандиозные свершения, а показывать ежедневную жизнь простого народа, в первую очередь деревенского, который постоянно окружал его. Свершения заметны всем, они, конечно, радостны. Но жизнь простого человека - тоже свершение. Отсюда и язык - сочный, народный, иногда с местным говорком, с веселым юмором, который только один и может выразить состояние души.

Для Мерзликина нет жанра, перед которым он мог бы споткнуться или в растерянности замереть. Ему с одинаковой легкостью даются как стихи, наполненные самой задушевной лирикой, так и юмористические, исторические, эпические, философские. Но эта легкость внешняя, показная, за каждой строкой, даже словом стоит огромная работа, постоянное стремление к самообразованию, достижению совершенства. Уже вскоре после «Купавы» он напишет стихотворение, которое, без всякого преувеличения, подняло его к самым вершинам русской поэзии. Читая его, невольно испытываешь восторг и думаешь: как же он мог сотворить такое?

*Петуший крик. Падающая звезда.
И над ручьем развесистая ива.
И ты греховна тем, что ты счастлива,
А под мосточком катится вода.
Глаза в глаза - и горе не беда,
И грех не грех. Прости ее Всевышний.
Она и я. А ты тут третий лишний,
А под мосточком катится вода.
Куда бежит, торопится куда?*

А над землей рассветное брожение,
 А в голове приятное кружение,
 А под мосточком катится вода.
 Уже росу не держит лебеда,
 Уже заря таить себя не в силах.
 Четыре локтя зябнут на перилах,
 А под мосточком катится вода.
 Любовь моя, была ли ты когда?
 Иль о тебе мне ночь наговорила,
 Наворожили шаткие перила?
 А под мосточком катится вода.

Некоторым поэтам и одного стихотворения хватает для того, чтобы надолго остаться в благодарной памяти людей. У Мерзликина они, словно жемчуга, рассыпаны по страницам каждой книжки. Его часто называют лучшим лириком Алтая. Это правда, но с одним добавлением. Мерзликин был лучшим лириком не только Алтая, но и одним из лучших во всей России конца XX века. Кому-то такая оценка может показаться чересчур завышенной, но беда Мерзликина не в его стихах, а в том, что он оказался не прочитанным. Большинство его книг выходило на Алтае. А это уже само по себе делало его поэтом местного значения. Незадолго до смерти, он, уже зная о своей неизлечимой болезни, говорил мне:

- А все-таки я зря не остался в Москве. Россия начинается с нее. Кем бы сегодня был в русской поэзии Рубцов, проживи он всю свою жизнь в Барнауле или Горно-Алтайске?

Но это горькое признание вырвалось у него в минуту, когда от великой, самой читающей в мире страны остались дымящиеся обломки. После окончания Литинститута и возвращения на Алтай он не думал об этом. Ему писалось легко, и стихи у него получались изящными, легкими, захватывающими душу.

У дороги чуть колышется
 Пожелтевшая трава.
 Издалека песня слышится,
 Разобрать нельзя слова.
 То прихлынет, ахнет благостно,
 То замрет, едва слышна.
 Что ты, песня, так нерадостна,
 Так томительно грустна?

Подпою тебе вполголоса
 Что про что не знаю сам.
 Паутина тоньше волоса
 Измоталась по ветрам.
 Я далек еще от хворости,
 Все мое в моем краю,
 Но, когда поют от горести,
 Я, смеясь, не запою.
 За рекой зарница пыхнула,
 Ходит-бродит листвою.
 Песня, песня, ты затихнула,
 А я все живу тобой.

Стихотворение прочитано до последней точки, а все кажется, что оно еще звучит, как эхо. Просто волшебство какое-то. Я думаю, что и других не покидает подобное ощущение. Такова завораживающая сила мерзликинской поэзии. Или вот еще одно стихотворение, если говорить о его лирике:

Далека, недоступна, желанна...
 Я придумал тебя и со мной
 Облик твой, как обрывок тумана,
 Ветерок над поляной лесной.
 Я люблю эти грезы, но часто
 Я себя на нелепом повлю,
 По каким-то законам контраста
 Эти грезы я странно люблю.
 Тку и тут же по нитке, по нитке
 Распускаю и вдруг - пустота.
 Где же ты, у какой ты калитки,
 Та земная и смертная та?
 Может, выдумка - высшее счастье,
 Но сегодня одним я прошит:
 Я хочу, чтоб мелькало запястье,
 Чтоб я слышал, как платье шуршит.
 Я дикарь, я угрюмый отшельник,
 Но сегодня хотелось бы мне
 Чтобы руки твои - как ошейник,
 Чтобы губы твои - как в огне.

Русская поэзия, как никакая другая, богата на интимную лирику. И в ее обширном томе у Леонида Мерзликина, вне всякого сомнения, есть своя страница. А его юмористические стихи? Иногда кажется, это вовсе и не стихи, а деревенские сценки, в которых невольно участвует поэт. В них и лукавый смех, и добродушное подтрунивание, и залихватская удаль. Когда из Москвы в Барнаул ему прислали

билет члена Союза писателей СССР, он тут же откликнулся на это поэтическими строчками:

*Ах, какое нынче лето!
Дождь и солнце по траве.
Я дожился до поэта,
Узаконили в Москве.
Я копаюсь в огороде,
И на сердце благодать.
Разрешили будто вроде
Мне корову содержать...*

А вот как он рисует самого себя, прошедшего деревенским вечером на свидание к девушке:

*Во! - ботинки.
Рубашка - во!
Весь - ни пылинки.
А? Каково?
Стукну легонько
В твоё окно.
- Кто там?
- Ленька.
- Мерзликін?
- Но!*

Помню, как впервые он читал мне стихотворение, в котором его герой мечтал побывать в Париже. Мерзликін распрямил плечи, лицо его стало торжественным и он, артистически выбросив вперед руку и чеканя каждое слово, продекламировал:

*Я говорил вам: «Силь в у пле»,
Ах, эти иностранки...*

После этих слов он вдруг замер, его глаза по-мальчишечьи заблестели, губы растянулись в хитровой улыбке, и он спросил:

- А что такое «Силь в у пле»?
- Это я должен спросить у тебя, - сказал я.
- Ха-ха, ха, ха, - рассмеялся Мерзликін и начал читать дальше:

*А дождь прошел навеселе,
Как инвалид по пьянке.
Прокондылял по мостовой
И скрылся за домами.
Я от Парижа сам не свой
Тем паче, что я с вами...*

Его юмористические стихи требуют отдельного исследования. В них все мерз-

ликинское - и язык, и поэтические образы, и приемы.

Совершенно особая тема мерзликинского творчества - образ Родины. Для многих нынешних писателей это не только не модная, а просто неприличная тема. Но для Мерзликина, выросшего в крестьянской избе, с молоком матери впитавшего и необычайно образный русский язык, и русскую народную культуру, никакой другой жизни помимо этого мира просто нет. И свое отношение к родине он выражает не пафосно и высокопарно, как это делают некоторые поэты, сочиняя стишки к юбилеям и праздникам, а через картины природы, мироощущение героев, экскурсии в историю, размышления по поводу прошедших и предстоящих событий. Чувство родины в нем глубоко и органично, оно проходит буквально через каждое стихотворение.

*Запрягаю коня Махмудку,
Выезжаю на край села.
Рожь густая поперла в дудку,
А местами колос дала.
Три разлтых сосны миную,
Рожь колышется там и тут.
Наконец-то ее, родную,
Снова сеют и снова жнут...*

Это о той родине, на которой родился, вырос и без которой не представляет своего существования Мерзликін. Кто-то бы проехал мимо этой ржи и сосен, не заметив их, а для Мерзликина они радостный символ неугасающей деревенской жизни.

Особо хочется сказать о его поэмах. И не потому, что это трудный жанр и не каждому он дается. Поэма требует глубоких размышлений, обобщений, особых красок. Всего этого у Мерзликина с избытком, не зря он написал более пятнадцати поэм. Уже в первом его сборнике была напечатана замечательная поэма «Купава», которая и дала название книжке. Она о том, что человек не может без любви, что он должен найти ту единственную, которая и сделает жизнь счастливой. Поэма вся соткана из лирических строк, но в ней сочно и ярко показана на-

родная жизнь с ее повседневным бытом, былинами и суевериями, с радостями и печалью. Уже в «Купаве» Мерзликин показал себя незаурядным мастером эпического жанра.

Вернувшись на Алтай, он вскоре пишет поэму «Три месяца». В ней и горькая ирония, и залихватская удаля, но главное – глубокие философские размышления о смысле человеческой жизни, о судьбе художника.

*У поэта - судьба.
Может, старую тему
Повторяю, но я
Убеждаюсь опять:
Сто ученых одну
Разрешают дилемму,
Ста поэтам
Поэму одну не писать.
И пчелиная суть
Для поэта смертельна.
И в семье, и на людях
Поэт одинок.
Отчего мне так зябко?
Зачем так метельно?
Это, видимо, время
Дыхнуло в висок.*

В поэме «Три месяца» Мерзликину удалось самыми задушевными словами рассказать о драме человеческой жизни. Она вышла исповедальной, как и все его творчество, и еще раз показала величину его поэтического дара. Мы, сверстники, сразу признали его за первого среди нас.

В последней, к сожалению, незаконченной поэме «Млечный Путь» Мерзликин предстал перед нами как мастер стихосложения, для которого в поэзии нет ничего невозможного. С точки зрения формы – она – образец совершенства.

Увлечение поэзией в годы его молодости было сумасшедшим. Поэтов приглашали в школы, дома культуры, городские парки. На вечера поэзии в Алтайском политехническом институте собиралось столько людей, что их не мог вместить огромный актовыв зал. Там выступали не только алтайские поэты. В Барнаул постоянно приезжали и новосибирцы, и москвичи, и ленинградцы, и многие дру-

гие. И среди них Мерзликин всегда был если и не первым, то в числе самых первых. Он был любим публикой, и чувствовал это. Поэтому и восклицал, немного бравирюя перед другими:

*Я стихи продаю, я стихи продаю,
А красивым девочкам за так отдаю.
Красота ваша - раз! Ваша молодость - два!
Апельсиновой коркою пахнут слова.
И во рту холодят, и горчат на душе...*

Но, возвратившись из Москвы на Алтай, в Барнауле он пробыл недолго. Надо было обустраивать жизнь, а у него не было ни квартиры, ни работы. И Мерзликин, не долго думая, уехал в село Рыбное Каменского района, где ему предложили должность редактора многотиражки в местном совхозе и сразу же выделили трехкомнатную квартиру.

У меня не осталось писем того времени, которые он присылал мне. Но мои письма к нему сохранились в его архиве. Мерзликин просил меня договориться о его выступлении на краевом телевидении. Я договорился, о чем и написал ему в письме. Такое выступление состоялось во второй половине февраля 1965 года.

А за месяц до этого в Барнауле прошел семинар молодых писателей, который продолжался три дня. Поэтической секцией руководил известный новосибирский поэт Леонид Решетников. Человек суховатый, если не сказать больше, строгий и, по мнению многих, не имеющий абсолютно никакого понятия о том, что такое эмоции. Мерзликина на семинаре не было, но в руки Решетникова каким-то образом попала его книжка «Купава». Мы все думали, что кто-то специально подсунул эту книжку ему. В Новосибирске задумали издать большую книгу «День поэзии Сибири». Готовил ее Решетников. И больше всего времени на семинаре он посвятил Мерзликину. Наставляя нас, он говорил, что «Купава» не случайно вышла в Москве. В таком объеме и в таком виде в Барнауле она не могла появиться. Здесь бы ее подстригли под бобрик, но чтобы стихи в ней не торчали дыбком, ее бы еще и пригладили. Решетников давал

нам понять, на кого мы должны равняться в своем творчестве.

Сейчас много говорят о советской цензуре и ее жестокости. За всю свою жизнь мне ни разу не довелось столкнуться с ней. Но вот с иезуитской казуистикой редакторов приходилось сталкиваться постоянно. Цензура следила за тем, чтобы не выдавались государственные секреты, не звучали призывы к насильственному свержению власти. А редакторы больше всего беспокоились о том, чтобы власть предрержащие, не дай бог, не сделали какие-нибудь замечания в их адрес. И чем меньший статус имело издательство и его редакторы, тем больше они заботились о своей идейной чистоте и преданности пропагандируемым идеалам. По этому поводу известный алтайский писатель Лазарь Кокышев ядовито заметил: «Если в Москве стригут ногти, то у нас режут пальцы».

Эта участь не обошла и Мерзликина. Многие его стихи в тех сборниках, которые выходили на Алтае, нередко оказывались урезанными, его заставляли переделывать какие-то строчки, отчего стихи получались тусклыми. Читатель этого не замечал, но мы-то знали эти стихи, что называется, из первых уст, и видели, во что они превращались после редакторской правки. При этом все редакторы относились к Мерзликину хорошо, но говорили, многозначительно поднимая палец вверх: «Ты лучше переделай это сейчас. Там все равно заставят». Кто заставит и почему, никогда не объяснялось. Но было совершенно ясно: если не переделаешь, стихотворение из сборника снимут. Так вместо названия «На Ваганьковском кладбище» стихотворение стало называться «На Венском кладбище», а в конечном варианте просто «На кладбище», у многих стихотворений были переделаны концовки. Решетников правильно говорил и о стрижке под бобрик, и о приглаживании. Но вот что удивительно.

Садясь за письменный стол, Мерзликин никогда не думал о том, будет его стихотворение напечатано или нет. Он всегда писал так, как оно ложилось на

душу. В связи с этим одна журналистка, трепетно относившаяся к его поэзии, постоянно упрекала Мерзликина в том, что он живет не по разуму, а по эмоциям. И при этом ставила ему в пример Маяковского. Как будто не знала знаменитого стихотворения своего кумира «На смерть Есенина», в котором он безапелляционно заявлял: «Лучше уж от водки умереть, чем от скуки». Мерзликин, слава богу, никогда не внимал ее наставлениям. И оказался прав. В конце концов, все его стихи были опубликованы такими, какими он их написал. И случилось это еще при советской власти. Все дело было в том, что к руководству издательством пришли другой директор и другие редакторы.

Время жестоко. Оно неумолимо расставляет всех по своим местам. Читая многих, еще совсем недавно гремевших поэтов, удивляешься: как могли так восторженно воспринимать их стихи, как могли надевать им на головы лавровые венки? Ведь вся их поэзия не более, чем словесная шелуха. Кончилось время, в которое они жили, и никого из них не стало. Кто-то лег в сырую землю, а кто-то продолжает лишь физическое существование. И наоборот те, кого пытались задвинуть в их тень, и оказались настоящими поэтами. Так случилось с Николаем Рубцовым, другом и сокурсником Леонида Мерзликина по Литературному институту, так происходит и с самим Мерзликиным. Но в те далекие семидесятые наряду со славой ему полной мерой пришлось хватить и хулы. Мерзликину катастрофическое не везло в житейских ситуациях.

Однажды вечером мы проходили с ним мимо одного дома в центре Барнаула. Во дворе дома стояла группа девчат, о чем-то громко разговаривающих.

- А хотите, я прочитаю вам стихи? - сказал Мерзликин, проходя мимо.

- Так уж и прочитаешь? - повернувшись к нему, с вызовом бросила одна, по всему виду, самая острая на язычок.

Мерзликину зачем-то сразу же потребовалась сцена. Он подошел к наружной лестнице, которая вела на крышу дома, подпрыгнул, ухватился за нижний прут, подтянулся и в мгновение ока уже стоял

на нем. Держась одной рукой за лестницу и подавшись всем телом вперед, он начал читать стихи. Девчонки с удивлением и восторгом слушали его. Минут через десять под лестницей собралась целая толпа. Импровизированное выступление длилось почти час. Наконец, Мерзликин устал. Это поняли и девчата. Надо было слезть с лестницы. И тут какой-то мужик крикнул ему:

- А ты прыгай.

Не было бы девчат, Мерзликин не послушался бы его. Но ему захотелось показать себя перед ними орлом. Он прыгнул, но встать уже не смог. Хорошо, что это случилось рядом с железнодорожной больницей. Я поднял его, он повис на мне всем телом и мы кое-как добрались до нее. Его сразу же направили на рентген и установили, что он сломал ногу. Но по городу разнесся слух, что Мерзликин был пьяный и поэтому полез на лестницу. Слух дошел до крайкома партии. Там никак не отреагировали на это, но поэт попал на заметку.

В другой раз он пришел в Союз писателей, держа в руках сетку с пол-литровой банкой сметаны. Кто-то спросил в шутку:

- Леня, а сметану-то ты зачем с собой носишь?

- Да вот, вчера жена послала в магазин, - ответил Мерзликин.

И эта история тоже дошла до крайкома. По всей видимости, среди писателей или тех, кто крутился возле них, были люди, пытавшиеся выслужиться перед властью с помощью доносов. Во власти тоже были разные люди. Одни над этим смеялись, другие каждый донос складывали в специальную папочку. И когда их накопилась целая стопка, они выстрелили. Тем более, что из издательства тоже шла информация о том, что не все стихи Мерзликина отличаются высокой идейностью. Особенно, так называемые, юмористические. Ну, какую же идейность можно увидеть в этих строчках:

Сказка не сказка, быть не быть,

Калека калеке подарил костыль.

Пришел горбун, в кулаке ноздря:

- Здря без меня вы, товарищи, здря.

И он самогонку и сала кус

Внес, как членский взнос в профсоюз...

9*

Не знаю, была ли дана официальная команда не печатать его, или поэта хотели немного приструнить, но вначале семидесятых он почувствовал заметное охлаждение к себе как со стороны властей, так и со стороны издательства. Меня в это время в Барнауле не было. В 1968 году я уехал на север Томской области, где четыре года проработал собкором областной газеты «Красное знамя». Именно в это время там начали возводить город нефтяников Стрежевой. От меня и услышал о нем Леня Мерзликин. В 1974 году он перебрался в Стрежевой, устроившись, как тогда говорили, «подснежником» в одну из строительных организаций. Ему дали комнату в общежитии, платили зарплату, но на работу он не ходил. Писал стихи. Были в те времена добрые руководители, понимающие, что человек, имеющий литературный талант, ничего другого делать не может. И они, нарушая трудовое законодательство, как могли покровительствовали таким людям.

Но Север не вдохновлял Мерзликина. Это была не его земля. Прожив там почти два года, он написал о Севере всего несколько стихотворений. Прилетев ко мне в Нижневартовск в январе 1975 года, он говорил именно об этом. Мы проговорили почти всю ночь. Вспоминали Барнаул, наших общих друзей, шумные поэтические вечера.

- Стихи-то пишешь? – спросил меня Леня.

Я ответил, что уже давно не пишу. С тех пор, как понял, что второго Мерзликина из меня не получится, а быть поэтом меньшего калибра я не хочу. Он грустно улыбнулся и сказал:

- А что дает человеку поэзия? Я, наоборот, завидую тебе. В такую газету попал. - И он вдруг неожиданно спросил: - Скажи, а как можно устроиться собкором центральной газеты? Я бы с удовольствием пошел сейчас в корреспонденты.

У Мерзликина всегда было детское восприятие жизни. Оно осталось с ним до конца дней. Я думаю, оно является неотъемлемой частью любого большого таланта. Дети видят многое лучше и

ярче взрослых, у них непосредственное, незамутненное никакими привходящими обстоятельствами восприятие жизни, они постоянно открывают для себя мир. Мне сразу вспомнилась произошедшая с Мерзликиным история, когда он был редактором совхозной многотиражки.

Мерзликин в стихотворной форме критиковал в ней всех и вся, не глядя на чины. И сколько ни пытались приструнить его директор совхоза и секретарь парткома, ничего не выходило. И тогда Мерзликина вызвали на бюро райкома партии. Там против него поднялись почти все члены бюро. По всему было видно, что в поэтических персонажах многие увидели самих себя. Предложение большинства было категоричным: исключить Леонида Мерзликина из членов КПСС. Правда, один наиболее жалостливый член бюро робко предложил для начала объявить строгий выговор. Его никто не послушал. Мерзликин молчал, выражая полное равнодушие к тому, что говорили. Не выдержав, первый секретарь райкома возмущенно бросил:

- Ну а ты-то чего молчишь? Ведь решается твоя судьба!

- А чего мне говорить? - пожал плечами Мерзликин. - Я же не член партии.

- Как не член? - удивился секретарь. - Каким же тогда образом ты смог стать редактором газеты?

- Мне предложили, я согласился, - ответил Мерзликин.

Секретарь растерянно обвел глазами членов бюро и сказал:

- Ладно, иди. Мы тут разберемся без тебя.

Мерзликина сняли с редакторов, и он перебрался в Барнаул. Писательская организация выхлопотала ему квартиру... И вот теперь он спрашивал меня, как ему попасть в соборы центральной газеты? Я не знал, что ответить, поэтому сказал:

- Для начала попробуй написать несколько материалов. Репортажей, очерков, проблемных статей. Можешь послать их прямо в редакцию, а можешь прислать мне. Я их посмотрю, а потом отправлю.

- Не знаю, я подумаю, - неопределенно ответил Мерзликин.

Мы долго лежали молча, думая каждый о своем. Я не знал, как помочь ему, он не видел выхода из создавшегося положения. В гостиничном номере было холодно, когда мы говорили, изо рта вылетали клубочки пара. Повернувшись ко мне на скрипучей раскладушке и высунув из-под одеяла нос, Мерзликин спросил:

- А хочешь, прочитаю стихи?

- Прочитай, - сказал я.

Он сел на раскладушке, обмотался обоими одеялами так, что из них торчала одна его голова, и начал читать:

У меня в январе зацветает стена.

И к цветущей стене примерзает спина.

И опущены веки. И пар из ноздрей.

И метель трое суток поет у дверей.

Я сосульками-пальцами чуть шевелю,

Шевелю, будто струны какие ловлю.

Я ловлю эти струны и тихо пою:

«Заходи, белокрылая, в избу мою.

Заходи, потанцуй с тобой по избе,

И нарву я цветов, подарю их тебе.

А цветы на стене, как на горном луку.

Я б открыл тебе двери, да встать не могу...»

- Ты это сейчас написал? - спросил я.

- Да нет, давно уже, - ответил Мерзликин.

Если бы не лютый холод, я бы встал с постели и обнял его. А так только тихо произнес:

- Великолепные стихи.

Он помолчал немного, потом сказал:

- Давай спать. - И протянул руку к выключателю.

На следующий день Леня Мерзликин улетел в Стрежевой. Ни репортажей, ни статей он мне не прислал. Впрочем, я и не ожидал их от него. Не его это было дело. Господь наградил его другим талантом.

Следующая наша встреча состоялась в конце 1990 года, когда я, завершив свои путешествия корреспондента по городам и странам, возвратился в Барнаул. Мерзликина снова издавали, он при первой же встрече подарил мне несколько последних сборников, но радости в его глазах не было. В воздухе уже висело ощущение надвигающейся катастрофы, и он остро чувствовал ее.

После крушения Советского Союза государственной политики в области литературы не стало. Издательства умерли, вместо них появились многочисленные частные типографии. Писателям перестали платить за их труд. Чем только не пробовал заниматься в эти лихие девяностые Леонид Мерзликин. Сочинял для коммерческих фирм рифмованную рекламу, выступал на разных шутовских мероприятиях, пестовал картошку и овощи на своем дачном участке, где у него не было даже сарайчика, в котором он мог бы укрыться от дождя. Крестьянская жилка его характера диктовала ему линию поведения в условиях лихолетья. В ограде Дома писателей он выкопал погреб, куда заложил весь выращенный за лето урожай. Но недели черед две его ограбили. Из погреба вынесли все, на что он надеялся прожить целую зиму. Не дай бог еще кому-нибудь пережить такое!

Мне в это время удалось устроиться в одну небольшую фирму, где я получал какую-то зарплату. Мерзликин пришел ко мне почерневший, с трясущимися руками. Рассказав о краже, он не спросил, а обреченно произнес:

- Как же жить дальше?

Я пошел к руководству фирмы, рассказал о беде и объяснил, кто такой Мерз-

ликин. Руководство решило помочь, с Леной составили фиктивный договор на выполненную работу и выдали ему пятьдесят тысяч рублей. Леня долго стоял с помятыми купюрами в руках и не мог поверить своему счастью. На эти деньги в то время можно было если и не прожить, то хотя бы не умереть с голоду месяца два. Что будет через два месяца ни он, ни я, ни большинство жителей страны в то время не знали.

Врачи говорят, что все болезни человека возникают от нервов. У писателя они особо чувствительны. Лихие девяностые словно с пулеметом прошли по писательской организации Алтая. Почти все, кто был ее отцами-основателями, не выдержали их и один за другим ушли из жизни. Не удалось пережить лихолетье и Леониду Мерзликину. В одной из подаренных им книг я прочитал горестные строчки:

И стою, как будто бы нездешний,

До кровинки здешний человек.

Улетели птицы из скворешни.

Скоро ночь. А ночью будет снег...

Перед самой смертью он попросил похоронить его не в Барнауле, а на деревенском кладбище в Белооярске рядом с могилами матери и отца. Мы выполнили эту просьбу поэта.

МОЙ БРОШЕННЫЙ ДОМ

Дачи, дома, магазины...

И ведь не скажешь: было это в незапамятные времена... Было это совсем недавно. Опять же - с чьей точки зрения посмотреть. Конец восьмидесятых прошлого столетия - для моего сына, например - глубокая история. А пишу я эти строки в марте 2012 года. Дату обозначаю, для того чтобы - а вдруг прочтет кто лет эдак через пять-шесть! - не надо будет мучительно морщить лоб. Сужается все - память, пространство, даже время. Время всегда было переменчиво, текуче, однако нынче оно, время, ускорило шаг, блестящими приметам прикрыло истинные ценности (выделение тех или иных ценностей в истинные, кстати, тоже давно не константа), оно стало отнимать больше, чем давать. И здесь уже не выручит отговорка - это на чей, мол, взгляд, поскольку отнимает оно у всех без исключения.

Поводом для написания этих строк стало сиротство, постигнувшее вдруг Дом писателей в Барнауле по улице Анатолия, 102. Это мой дом. Стою однажды, задолго до описываемых здесь событий, на крылечке, и кто-то из собратьев заметил:

- О! Хозяин явился!

Да, все так - и дом мой - писателя, - и улица моя, Анатолия.

Мой младший сын долго не хотел говорить, начал только к четырем годам. Чего я только не наслушался от всеведущих теток и тетушек! Каких только рекомендаций мне не выдавали! А он начал потихоньку-потихоньку и разговорился наконец. На первых порах его речь содержала массу сообщений, но все они сливались в некую кашу, выделить из которой смысл было довольно трудно. Взрослые то и дело пытались уточнить:

- Не понимаю...

Он привык к подобному восприятию взрослых и стал то и дело спрашивать в конце своих сообщений:

- Понимаешь?

Шло время, речь ребенка становилась отчетливее, понятней, но он по привычке так и продолжал заканчивать фразу:

- Понимаешь?

Он долго не верил, что ясное и очевидное можно вот этак сразу понимать.

У меня надолго застряло, так и стоит сегодня в ушах это его «понимаешь?»

И часто, чересчур часто я переспрашиваю вслух или в уме себя ли, собеседника - реального и представляемого - понимаешь? Все меньше и меньше понимая, что происходит вокруг меня, я все чаще и чаще переспрашиваю: понимаешь? Я боюсь быть не понятым, боюсь не понимать завтра больше, чем вчера... И почему-то уверен: так оно и будет.

Краевая писательская организация переезжала в дом по улице Анатолия в конце 80-х годов прошлого столетия. На какое-то время двухэтажный бревенчатый особняк стал долгостроем, и я думал, часто проходя мимо лишнего архитектурного образа сруба, что пакля, торчащая из пазов и свисающая космами, на несколько раз промокла. Ее надо сушить, забивать заново и т.д. и т.п. Мы с Виктором Горном, тогдашним

руководителем писательской организации, ходили по городу, выбирая помещение для писателей. Помню, предлагали этаж над магазином «1000 мелочей», который являл собой в то время груды развалин, испугавших нас куда больше, чем деревянный мокнувший недострой. Как вариант, рассматривался уютный особнячок за памятником Кирова, впоследствии снесенным в первые годы перестройки. Но особнячок перехватили более разворотливые люди. Какое-то время в нем находился городской жилищный трест № 1. Интересно, что совсем рядом, через дом, за пару десятилетий до того располагалась писательская организация (проспект Ленина, 8, второй этаж, правое крыло). Жили бы и жили там, да вот понадобилось помещение для более солидной организации. Тогда краевое отделение Союза писателей СССР - именно так называлось писательское сообщество Алтая - переехало на улицу Новую, 11а, позднее - проспект Строителей. Тесновато там было, может, потому однажды встал вопрос о переезде на новое место. А может, по какой другой причине, сейчас уж и не вспомнить.

Необходимо отметить другое. Деньги у организации с названием «Литературный фонд СССР» тогда были немалые - одно перечисление Домов творчества писателей и их мест приводит сегодня в трепет неискушенные души. Потому ничего не стоило построить отдельный дом в историческом центре главного города края. А впридачу Москва (понятно, что штаб-квартира Литфонда находилась там) предложила построить Дом творчества в курортном месте Белокуриха. И еще - жилой дом в Барнауле, чтобы разом решить все жилищные проблемы писателей. Это никакое не преувеличение, а исторический факт, говорящий всего лишь о том, какая сила и финансовая мощь была в руках Литфонда. Кстати, соседи из Горно-Алтайска, которые до того времени считались частью писательской организации Алтая (как и вся Горно-Алтайская автономная область - частью края) построили на предложенные Москвой деньги большой кирпичный дом, получив потом в нем несколько квартир. А сама организация расположилась на первом этаже. Впоследствии, когда жизнь поставила писателей на грань бедности, алтайцы сдали часть этого этажа в аренду, а на вырученные деньги хоронили собратьев, а кому-то, глядишь, наоборот, помереть не дали.

Писателей из Барнаула отчего-то не заинтересовали московские предложения и они, отвергнув идею с Домом творчества в целом, по поводу жилого дома высказались примерно так: «Буду еще я (условно говоря - Ваня) жить в одном доме с Васей (тоже единица условная)! Обвинять писателей в недалковидности, жизненной малоспособности, непредприимчивости и так далее можно сколько угодно, и все эти обвинения будут справедливы. Но это же, в конце концов, не их профессия или навыки, требуемые профессией, их профессия - писать книги.

Помнится, еще была какая-то сказочная дача, стоящая в сказочном месте, подаренная писателям тогдашним секретарем Центрального района КПСС Барнаула Максачевой. Вот так просто взяла и подарила! Правда, на даче той никто ни разу так и не побывал.

Для чего я все это рассказываю? Уверяю вас, этого вы ни в каких архивах не найдете, и потому, зайдя в будущем разговор о писательской собственности (которой, настаиваю, никогда не было), о перемещениях писательского люда, организованного в Союз писателей, мое свидетельство о том времени будет единственным.

Вспомнить малоуютное пристанище писателей по адресу Строителей, 11а без доброго слова - согрешить перед правдой и свидетелями тех лет. Дело в том, что на период с конца 60-х и до 80-х годов XX века пришлось, не побоюсь этого слова, расцвет писательской организации Алтая. С одной стороны, живы и трудоспособны ветераны, такие, как Лев Квин, Георгий Егоров, Петр Бородкин, Петр Старцев, с другой - подросла молодежь: Леонид Мерзликин, Евгений Гущин, Николай Черкасов, Игорь Пантюхов... Соединение опыта и молодости, зрелости и таланта дало неплохие результаты, конечно же, прежде всего - хорошие стихи и прозу. Ах, время, время!.. Поэтические вечера со-

бирали сотни людей, залы ломились, когда приезжали гости из Москвы и Питера. Да и нашим, местным, хватало внимания публики. Как же - поэт выступает! Книги прозы, выпускаемые десятитысячными тиражами, не залеживались на полках магазинов больше недели. Творческие вечера, поездки писательских бригад в сельские районы, литературные фестивали, семинары, литстудии - все это имело какую-то высокую значимость, все было далеко от кружковщины, от самодеятельности. Напомню, ведь в советское время писатель, хотя и официально не признавался таковым, мог быть профессионалом, то есть жить и кормить свою семью на доходы от трудов своих. Впрочем, я напрасно оговорился по поводу официального статуса, ибо членство в Союзе писателей СССР засчитывалось в трудовой стаж. Это сейчас писатель всего лишь член некоей общественной организации, статус которой понижен до крайнего уровня, человек, изначально лишенный какого-либо заработка с помощью своего пера и таланта.

Если уж я взял на себя роль историографа в нашем маленьком писательском прошлом, необходимо сказать, что Литфонд страны растерял свои местные подразделения. В Барнауле даже печать этой организации похитила некая торговка, которая распылила писательский магазин (представьте, был и такой, «Печки-лавочки», по адресу: проспект Ленина, 29). И отбыла в неизвестном направлении. Литературный фонд сохранился в столице нашей родины, но никакого отношения к остальной части родины не имеет. Им там не до того, надо воевать за свои доходы, за землю под творческими дачами в Переделкино, Внуково... Ты никак с луны свалился? - задаст вопрос въедливый читатель. - А кому вообще и до кого нынче есть дело? Все так, но это - отдельный разговор.

Что же касается коммерческой составляющей жизни писателей, она была смешна и наивна. Руководители всерьез думали, что женщина, приставленная к магазину, будет честно и своевременно сдавать деньги, старательно реализовывать книги местных авторов. Боже ты мой! Когда я увидел на прилавке «Печек-лавочек» кильку в томатном соусе и зеленый горошек, стало ясно, что коммерция движется своим путем, сильно отличающимся от пути литературы. Вскоре книги исчезли совсем, отчетность директора магазина стала пахнуть криминальным итогом, а следующим шагом было исчезновение торгового персонала. Затем магазин отобрали, передав его в руки более рачительных и разворотливых. На том и закончилась пресловутая коммерческая составляющая. Отголоском ее осталось неоднократно произносимое Евгением Гуциным пожелание: надо избрать такого руководителя писательской организации, чтобы он мог обеспечивать писателей колбасой. Прекрасный прозаик Гуцин был наивен, как весь наш замечательный народ, выросший под флагом патернализма родного Отечества.

Все-таки в этой части повествования необходимо отдать должное городским властям, которые позволили писателям открыть собственный магазин. Не в коня овес, это так, но, по крайней мере, попытались помочь.

Голые короли и забытая публицистика

Я несколько ускорил события, забыв сообщить, что строительство дома по улице Анатолия закончили-таки, деньги на это окончание выделили из краевого бюджета. Переезд состоялся, и уже потом, после заселения в собственный особняк были магазин, зимние обутки через спецраспределитель, газеты, попытки заработать с помощью различных фондов и так далее и тому подобное. К слову, зимние обутки случились всего один раз за всю историю существования организации, так что не подумайте, будто бы писатели кормились с барской руки. К тому времени уж сильно поизносился пишущий люд. Придут куда в присутствии - стыдно. А еще писатели! Ботинки те, а вернее - сапоги, оказались прочными на редкость, германская фабрика «Саламандра» постаралась. За других не скажу, а вот Башунов доносил их с того памятного 1989-го года до самой своей смерти, то есть до 2006-го, я ношу до сих пор, правда, подтекать стали - слава немецким труженикам!

Постепенно все утряслось. Колбасы не дали, в магазинах появилась, ешь - не хочу, издавать книги за государевы деньги перестали, впрочем, бывшие вчера еще неутомимыми читателями граждане покупать книги и стоять в очередях за подпиской - тоже. На писателей стали смотреть, как на дармоедов и побирушек, быстро забыв, что он, писатель этот, задолго до перестроечных процессов был в стране развитого социализма самым что ни на есть передовым рыночником. Зарплаты и пособий не получал (иные и на работу не ходили, тунеядцы этикие!), напишет книгу, издаст, получит за нее процентов семь-восемь от вырученной суммы - и живет, новую книгу готовит. Прозаики неплохо жили, у них вон какие тома! Будто бы с тонно-единицы считали! А у поэтов книжечки тоненькие, какой там вес! Но им, поэтам, определено на Руси жить в аскезе и безденежье, с редко навещающей их сытостью, не то запоют слишком голосисто - не надо.

Не хочу долго задерживаться на том мутном времени, однако для примера вспомню. Зарабатывали всяко. Лучший поэт Алтая на все времена Леонид Мерзликин придумал себе звание, а заодно и рубрику в газете «Алтайская правда» (в то время еще можно было говорить о какой-то литературе в газетах). Король поэтов - так поименовал себя Леонид Семенович, зная себе цену. Ведь и вправду - король! В той же «Алтайской правде» прозаик Юрий Козлов печатал роман с продолжением. Произведение так и называлось - «Заказной роман». Владимир Башунов начал выпускать газету «Прямая речь», правда, не столько из коммерческих соображений, сколько по-мальчишески думая вернуть русскому человеку его понимание своего Отечества, русскому слову забытое значение, а слову печатному - уважение или хотя бы внимание. Увы, тщетны были почти все попытки заработать газетно-литературной поденщиной. Чаще всего, как говорят коммерсанты, праведные начинатели «уходили в минус». Что уж говорить о потерявшем всякую цену слове, коль магазин проворонили. Вон их нынче сколько - живут!

Наверно, нельзя не вспомнить тогдашнюю ситуацию с издательством (оно до некоторых пор оставалось монополистом и имело название государственного, впрочем, быстро стало съезживаться и усыхать, словно шагреновая кожа), книжной торговлей и полиграфией. Спору нет, хорошие люди возглавляли к моменту перестройки и издательство и книжную торговлю, только жизнь в то время потребовала от них не только и не столько душевных качеств, как никому, им-то и нужна была хозяйская хватка и коммерческий расчет. И опять - увы, увы. Книготорговцы и издатели не смогли договориться друг с другом, отпустили в свободное плавание главного производителя, предприятие «Полиграфист», которое изначально было создано, как подразделение Алтайского государственного книжного издательства, выполняло его заказы в соответствии с его планами. А когда очнулись на своих, «самостоятельных» скамейках - в руках ничего не осталось. Попытка издательства самому торговать книгами и канцелярскими принадлежностями в довесок ни к чему не привели, штат таял ото дня ко дню, помещения отходили другим нанимателям, «Полиграфист» начал собственные изыскания на ниве молодого капитализма... Ничего не дала и попытка выделить в отдельное предприятие издательство «Пикет», новое название никак не хотело наполняться новым смыслом.

Все, приехали! Забегая вперед, скажу, что сейчас только в Барнауле насчитывается около шести десятков полиграфических предприятий с дополнительным статусом издательства. Пожалуйста, издавай - не хочу! Вот только издательства в каноническом смысле этого слова и понятия нет ни одного. В иных, да что там - в большинстве! - представления не имеют, что такое или кто такой технический редактор. Зачем? Компьютер сверстает, выведет страницу, машина отпечатает, сфальцует, сошьет. Книга готова - извольте радоваться. Одновременно потеряли значение качество художественного (публицистического, научного и др.) слова и прописка этого слова на бумаге.

К слову. Мы всегда знали, что контрольные экземпляры каждого издания отправляются в Москву, в Книжную палату. Это не подлежало обсуждению, сомнению, то есть было обязательным актом. Так вот, по секрету мне сообщили, что нынче в этой самой Книжной палате, едва развернув издания большинства наших горе-издательств, выбрасывают их на помойку. Не со-от-вет-ству-ют! Ничему - ни нормам, ни стандартам, ни элементарным правилам!

Здесь разговор перетекает в другую плоскость, пожалуй, важнейшую из того, ради чего пишутся эти строки. Но не будем торопиться, всему свое время.

Два эпизода того времени из моей жизни. В середине 1990-го года получаю уведомление из столичного издательства «Современник» о том, что моя всеми одобренная, отработанная и уже готовая к печати книга напечатана не будет из-за того, что она «не представляет коммерческого интереса». Вот так - вчера представляла, а сегодня - нет. К уведомлению прилагались письма зав. редакцией, моего редактора и даже кого-то (не помню уже) из высшего руководства. Дескать, видит Бог, сие несправедно, но что поделать... Может быть, придут иные времена... Другой эпизод, уже, так сказать, местного значения. По той же причине (отсутствие коммерческого интереса) почти в то же самое время рассыпают набор моей книги (тогда еще не было компьютерного набора, и строки отливали в металле) в Алтайском книжном издательстве. Правда, в отличие от Москвы, здесь выплатили мне гонорар за первый тираж (15 тысяч экземпляров). Приличные деньги, тем более - за неизданную книгу! Помню, шел я из издательства с оттопыренным карманом и дремучей тоской на сердце.

Не эта ли тоска буквально выдавила из жизни подряд одного за другим замечательных наших писателей? Я тогда, помнится, стенку, на которой были развешены портреты литераторов, членов Союза писателей СССР, назвал стеной плача. Живых на этой стене все убывало и убывало, а новое пополнение никак не доходило ушедшим даже до подбородка, честное слово, недоросли какие-то, причем возраст у большинства весьма почтенный! Сейчас количественно писательская организация заметно превосходит ту, которая существовала до конца 80-х годов прошлого столетия. Но здесь как раз тот случай, когда количеством не возьмешь.

То и дело слышишь: вот, нынче писателей ни во что не ставят, никакого им внимания и почета. Не стану говорить, что эти разговоры - одно из проявлений нашей национальной особенности - искать виноватого на стороне и почти никогда - в самом себе. В нашем случае безо всяких оговорок вина лежит на самих писателях, и, прежде всего, на качестве их продукции. Имею ли я право на подобные выводы. Судите сами, моя практика - это многолетняя работа в журнале, где через руки сотрудников проходят сотни рукописей, в том числе, наших уважаемых членов Союза писателей. Правда, большинство из них обходят журнал стороной: книгу-то нынче можно и так издать, не проверяя себя журнальными публикациями. Кроме того, мне приходится уже много лет руководить краевыми семинарами, где многие, вступившие ныне в Союз, не смогли перешагнуть даже отметку начинающих. Я постоянно заседаю в различных комиссиях и экспертных советах по литературе, где тоже имею возможность наблюдать за литературным процессом и оценивать его.

Да за что же вас уважать, господа, коль вы, точно мыши амбарные в светлое утро, попрятались по своим норам, и жизнь во всем своем многообразии - красоте и уродстве - протекает мимо вас, никак вас не задевая. Где ваше слово - заступников и мудрецов? Не дожидаться от вас ни исследования с публицистической глубиной, ни статьи-ки на жгучую тему. Или вы в своем величии и желании творить «нетленку» попросту пренебрегаете неблагодарной работой чистильщика общества? Боюсь, вам даже эти мысли не приходят в голову. А еще более опасаясь, что вы и слова такого не знаете - публицистика.

За други своя

Нынешним членам писательской организации мало знакомо такое понятие, как писательское сообщество. Вроде бы изначально заложенная неправда - о каком таком сообществе может идти речь, когда писатель одинок по сути своей и по большей части призван творить в уединении. Коллективизм здесь скорее вреден, чем полезен. А вот и ошибочка выходит! В сообществе людей творящих вырабатывается некая корпоративная этика, интерес к работе друг друга, соревновательный принцип творения (ни кто больше, а кто лучше!). Как это ни покажется кому-то странным, критика нынче умерла не только и не столько потому, что она есть часть литературного процесса, который претерпел сегодня серьезные изменения не в лучшую сторону. Дело в том, что во время оно самая содержательная, бескомпромиссная и профессиональная критика исходила, прежде всего, от самих писателей, которым не нужна была ни команда сверху или снизу, ни прочий зов трубы, кроме заинтересованности в том, что делает собрат по перу. Вот он, двигатель, который неизвестен нынешнему литературному поколению! Впрочем, требуется уточнение. Отзывы на написанное кем-то от кого-то есть, только они, эти отзывы, за редким исключением, носят комплиментарный характер и прячут за собой дружеские, финансовые или служебные отношения названных двоих. Да что это я, в самом-то деле! Очевидного не спрятать, и роскошная страусиная задница (читай - взаимоотношения отнюдь не творческого характера) торчит на виду, как бы ни глубоко была запрятана голова.

Помнится, принимали в Союз писателей Вячеслава Возчикова из Бийска. Обсуждался он по разделу критики и получил достаточно много жестких замечаний по поводу своей критической деятельности. В Союз Вячеслава рекомендовали с условием, что он активизирует свою работу и заменит уехавшего к тому времени в Германию литературного критика Виктора Горна. Увы, ни достойной, никакой другой замены не состоялось. Критик из Бийска ушел в науку (в конце концов, не порицать же его за это!), стал ученым, а вакансия «писательского» критика так и осталась незанятой по сей день.

Говорят, каждый взявшийся за перо пишет, прежде всего, о себе. Так это или нет - до сих пор никем не доказано. Однако некая доля правды в этом утверждении есть. Пусть сие хоть как-то ослабит мой напор на нынешних писателей. И еще одно обстоятельство в какой-то мере объясняет их участь и участие в жизни общества. Об этом написал тверской писатель Михаил Петров в статье «Под пеплом сгоревших надежд». Кстати, в самые трудные времена он организовал и издавал замечательный журнал, известный всей стране - «Русская провинция» (ах, как не хватает такого журнала сейчас!). Журнал просуществовал с 1991 по 2002 годы. Вот что пишет Михаил Петров.

«Пеплом сгоревших надежд все сильнее засыпает провинциальную эйфорию конца 80-х - начала 90-х годов, когда многим из нас казалось, что книга, газета, телевидение наконец-то станут кафедрой просвещения человека, источником его творческой мысли, ареной добра, средоточием общего дела. Нас тревожило тогда, что человек перестал ощущать реальную связь с историческим прошлым и будущим страны, с землей, и местом, где он живет и работает.

Мы писали тогда о развитии краеведения как части народного хозяйства, как это было в «проклятых» 1920-х годах, когда развивалась подлинная народная кооперация. Мы говорили о возбуждении в сердце человека деятельной любви к своей малой родине. А нам в ответ цитировали строчки Толстого, сказанные совсем по другому поводу о том, что «патриотизм есть последнее прибежище негодяя». Мы говорили, уж если мы сами не знаем и не любим свой край, кто очаруется и полюбит его из тех же заезжих туристов, гостей, предпринимателей и бизнесменов? Что интересного они расскажут, приехав домой, о нашей земле? Наконец, что им рассказать умного, запоминающегося, полезного? Что у нас нет памятника первому патриарху Русской право-

славной церкви Иову, нет и последнему - Тихону? Что мы забыли главный духовный завет Михаила Тверского жизнь положить «за други своя»?

Во всем мире лицо «земли», социальный и культурный ценз ее жителей ассоциируются с архитектурой. Лицо города, с количеством памятников культуры и истории, с состоянием музеев и картинных галерей, с отношением общества к памяти выдающихся национальных художников, поэтов, государственных деятелей, священнослужителей, военачальников, композиторов, с изданиями и тиражированием их произведений, альбомов с памятливыми местами, с демонстрацией собственных творческих сил и потенциалов. С культурой. Легко нам вызывать негодование по поводу переноса памятника советским солдатам в Таллинне, а как относимся к своим памятникам на своей земле? Разве думали мы в начале 1990-х, что лес, общенародное достояние, будут вывозить из области уголовники, что любимым тверским поэтом у тверского начальства станет Михаил Круг, что на издание книг средства придется униженно выпрашивать у людей, презирующих культуру?

В связи с нынешним положением писателя в России, мне вот какой исторический эпизод приходит на память. В 1970-е годы в Англии закрыли несколько нерентабельных шахт в небольших шахтерских городках. Шахтерам, естественно, выплатили хорошую компенсацию, назначили достойные пенсии, так что можно было сидеть дома и жить в свое удовольствие. Но через полгода странные вещи стали в шахтах твориться. Шахтеры, насидевшись дома, стали сами спускаться в шахты и бесплатно, вручную рубить этот чертов уголь. Тверские писатели, которых «не знают» их земляки, напоминают мне порой именно этих шахтеров. Не получая за свой труд ни гонораров, ни компенсаций, они находят в себе силы, отрывают средства от семейных бюджетов, выкладывая свои скромные сбережения в издание новых книг. Верю: многих из тех, кого сегодня «не знают», завтра вспомнят, как это часто бывает на Руси. Вспомнят тех, кто был предан бессмертному русскому слову, великой русской литературе, кто не опустил рук и в меру своего таланта продолжал рубить вручную уголь.

Культура - это не довесок к производительным силам общества, а интеллигенция - не жалкая прослойка между властью и работником, каковой она являлась в прошлом. В нынешнем обществе, если его можно назвать таковым, роль культуры еще ниже. Писатель сегодня доведен до состояния, когда он, как заключенный ГУЛАГа за пайкой, бросается за местом в очереди на издание своей книги, пишет заказные статьи, пиарит или молча уходит в небытие, как уходили в 30-е годы прошлого века остатки старой русской интеллигенции. Я часто встречаю его на Трехсвятской с собственной книжкой под мышкой и надеждой в глазах продать ее кому-нибудь из прохожих. В полумиллионном городе у писателей и издателей нет даже собственной книжной лавки, где бы можно было купить книгу местного автора, сойтись писателям и, как говорится, в неформальной обстановке поговорить о литературе.

Тверской писатель Д.П. Шелехов еще в XIX веке писал, что если поставить в голову народного хозяйства, экономики чистую прибыль, страна погибнет, потому что самую большую прибыль капиталисту дают человеческие пороки. Делай из зерна хлеб - и в стране не будет голодных, но начни гнать из него спирт, ты получишь баснословные прибыли и миллионы голодных, обездоленных людей. Получай из мака не семена и масло, а опий - и ты станешь богатым человеком, но миллионы твоих соотечественников превратятся в больных, никуда не годных несчастных страдальцев...»

Да простит меня читатель за столь пространную цитату. Но поменяй в тексте Тверь на Барнаул, область на край - и обнаружится фотографическое сходство в том, что касается культуры, литературы, гражданского участия.

Сам Михаил Петров видится мне таким флагом посреди ровного бескрайнего поля. Он волнуется, трепещет на ветру, но мало кто замечает его, слышит, разве что редкие флажки, тут и там едва возвышающиеся над пространством. Остальная же творящая рать не любит безлюдных мест, ей надо туда, где пошумнее, где можно быть заметней.

А чем эту заметность выказать? Да нет ничего проще! Поноси изгоя, который позволяет себе быть недовольным, да еще выражает это недовольство вслух. Ты, точно, найдешь себе поддержку, особенно среди сильных мира сего. Им тоже не нравятся недовольные. Потому-то коллега и друг Михаила аж из самой Москвы Владимир Куницын вынужден обратиться к жителям Твери.

«Уважаемые тверитяне и редакция Tverigrad.ru! Есть, живет у вас под боком замечательный русский прозаик, публицист, просветитель, краевед, издатель и знаток всех трав, цветов и кореньев - Михаил Григорьевич Петров.

Берегите его! Не давайте в обиду. Когда-нибудь его имя обязательно впишут в славную историю вашего края, и вы гордиться будете, что был и жил здесь этот превосходный человек, светлый, талантливый и мужественный. Человек чести и редкой совестливости - особенно по нынешним-то временам.

Каждый раз проезжая мимо Твери, я думаю: как хорошо, что живет здесь и, наконец, что-то сейчас пишет, а может, хлопочет над каким-нибудь ростком в своем огороде - Михаил Петров.

Заезжая в Тверь, я спешу увидеть его веселые глаза, услышать завораживающе живую речь, его взволнованные рассказы об открывшихся ему новых одаренных земляках - поэтах, художниках, прозаиках и просто неожиданных людях.

Он молод душой, как мальчишка. И мудр, как Экклезиаст. Я очень люблю этого человека.

Порода у него, конечно, исконно крестьянская. Такой, если уж впрягся в плуг, будет вести свою борозду, пока в нее же и не упадет. Беда-то у нас известная всегда была - на одного пашущего столько всякой бездельной шелупони, что иной раз и пахаря из-за них не видно.

И вот они скачут по пашне вокруг и с пеной у рта ругаются, если плуг где на камень наткнулся или вильнул нечаянно или же где глубину не выдержал. И советуют, клянут, зло хохочут, а то и борозду затаптывают, ну чисто как бесенята какие.

Дорогие тверчане (тверитяне)! Не давайте в обиду тех, кого сам Бог велел беречь за их приверженность к свету. И уж тем более земляка своего Петрова. Пусть он не отрывается от плуга, своей борозды и пашни. Иначе всем нам придет кердык. И тем, кто ему мешает - тоже.

Владимир Куницын,
председатель творческого объединения критиков и литературоведов
Московской городской писательской организации, СПРФ».

Вот так встает брат за брата, может, не уповая на результат, на острый слух земляков и товарищей по перу Михаила Петрова. Но он сделал шаг, он воспользовался своим главным оружием, словом, восстал «за други своя». И скажите мне, господа и товарищи земляки, много ли подобных примеров знаем мы на Алтае?

Литпроцесс и литрезультат

Незадолго до начала работы над этой статьей, я вдруг обнаружил, что в Барнауле на Октябрьской площади уже нет книжного магазина! Знаменитого флагмана всей книжной торговли на Алтае - магазина номер пять! Его стены видели и слышали лучших писателей Алтая, писавших и издававшихся от более чем полувека назад и до недавнего времени. Они выступали перед своими читателями прямо в торговом зале посреди стеллажей с книгами. Трудно поверить сегодня, но при многотысячных тиражах книг не хватало на автографы!

Мы оупели от обилия перемен, в суть которых не успеваем вникнуть, мы стали невосприимчивы к куда более серьезным потерям, чем книжный магазин на Октябрьской площади. Но, как бы там ни было, «пятый» - это эпоха, причем эпоха расцвета под-

линного интереса к книге. Эпохи сменяют друг друга, и в связи с этим интересно, куда мы придем, если сначала книжный «пятый» обозвали «Лас-книгасом» (понятно, что современной читательской культуре куда ближе американская игорная столица, чем какой-то там книжный магазин). И представляю, как радовались «находке» креатив-менеджеры книготорговой фирмы из Новосибирска. Теперь на месте «пятого» торговый центр «Adidas». Что будет дальше - не берусь гадать, но точно знаю: книжный сюда не вернется. А про Новосибирск я вспомнил не случайно, дело в том, что основным оборотом книги в Барнауле ведают как раз новосибирцы. На сегодняшний день, по их собственным словам, весьма неудачно. Мы с легкостью сдали этот рынок.

Пишу эти строки, а время не просто стучится, ломится в дверь. Вчера умер Виктор Горн, замечательный мой собрат, литератор, ученый-филолог, критик, прекрасный друг и душевный собеседник. Умер в далекой Германии, на своей, как нынче говорят, исторической родине, с русским словом на утихающих губах и с Россией в сердце. Судьба забросила его в Германию, а ведь более русского человека трудно было себе представить.

Все там будем (не в Германии, разумеется)! Истина не нова и бесповоротна, но не торопите время, умоляю вас, не торопите! Оглядывайтесь почаще назад, ибо, не поняв по-настоящему прошлого, не шагнешь в будущее. Нет, мы все торопимся, все спешим... «И некогда нам оглянуться назад...»

Еще одно событие в череде недавно минувших дней. Журналу «Алтай», главному художественно-публицистическому изданию края, было отказано в нескольких десятках мест в киосках «Роспечати». То есть вроде как и не отказали, но назвали такую сумму за места для издания, которую журналу не потянуть. Это, так сказать, подарок в ознаменование 65-летия журнала. Кого-то, скажите, интересует, что на полках этой самой «Роспечати» не осталось ни одного «читаемого» журнала? Не больно-то! Им не втиснуться в тесные ряды гламурных изданий, сплошь повествующих нам о событиях в мире поп-звезд. Это важнее, это интереснее! Меня сейчас могут обвинить в незнании ситуации, в дороговизне московских толстых журналов, во многом подобном и прочем, но пусть ответят мне мои оппоненты: неужели слово патриотизм известно им только в контексте ругани? Или, как многое прочее нынче - известно, да не трогает, в счет-фактуру не вписывается. «Алтай» - наш единственный журнал подобного рода! Да-да, на весь край один! Ну и что? - ответ мне из бездны непонимания, тупости и бездушия. Действительно - ну и что?

В 1992-м году (времечко было еще то!) альманах «Алтай», выходявший четырежды в году, перешел в статус журнала с шестиразовой периодичностью. На это событие откликнулся замечательный русский писатель Виктор Астафьев и прислал в адрес журнала письмо.

«Дорогие друзья - алтайцы!

Удивляясь и восхищаясь силе Вашей пробойности и творческой активности, поздравляю Вас с началом журнала «Алтай» и желаю, чтобы он скоро не закрылся из-за отсутствия бумаги в типографии и хлеба на столе. В Красноярске активных сил не нашлось, и вместо журнала сократили в два раза тираж альманаха «Енисей», а издательство приказало писателям не носить рукописи, не надоедать своими творениями, искать самим бумагу, самим свои книги печатать и продавать. Все начальство издательства, все малые и немалые чины сидят при этом на месте и аккуратно получают зарплату, иногда даже премии.

Советская власть + чудотворная изворотливость бездельников - и все мы пришли к неизбежной победе революции, может, и к коммунизму нечаянно придем - то-то весело будет! То-то мир ахнет, удивится и, глядя на нас, перестанет работать, ожидая благ от хорошего царя и манны небесной от Бога.

Послать в журнал пока ничего не имею. Продолжаю работу над романом, которая идет трудно, ибо годы и силы уже не те, да и время для творчества малопригодное, если не губительное.

Собираюсь как-нибудь навестить своего фронтового друга в Кытмановском районе, авось и приеду на Алтай к исходу лета. А пока у нас и весны нету. Кругом снег в горах, холодрыга, посевная не начинается, ее заменяет посевная блудословия в Кремле и в Верховном Совете так называемой РСФСР! Вот где сеятели-то да хранители-то! Им бы в поле - они бы вмиг всех накормили словесными отрубями.

Успехов вам! А главное - хорошей литературы! Взлета и долгой жизни «Алтаю».
Всем жму руки Ваш Виктор Астафьев
Красноярск»

Мы тоже сегодня удивляемся, что когда-то что-то могли, ибо нынче не можем ничего. В ничто превратилось все, причем каким-то волшебным образом, почти сразу. Нация стала нищей при наличии в ней самых богатых людей мира. Мы стали малограмотной страной, совсем недавно имея лучшую в мире систему народного образования. Мы напрочь перестали читать, только что будучи самой читающей страной в мире. Нам объявили, что в XXI веке институт семьи изживает себя - и мы тут же согласились. У нас нет станочников, и руководители предприятий вынуждены упрашивать идти на работу кряхтящих пенсионеров. И так далее и тому подобное. Перечень национальных утрат неистощим. Но, пожалуй, самое удивительное во всем этом падении то, что мы со всем согласны! Заранее и в целом! Все помнят, перед очередными выборами состоялся так называемый «Марш несогласных». Извините, но мне было смешно, потому что вся наша жизнь уже на протяжении многих лет - это непрекращающийся марш согласных. Впрочем, слово «марш» - слишком энергичная характеристика для нашего прозябания. Согласные - вот новая характеристика нации!

Нравственное состояние общества не могло не отразиться на качестве литературы. Слава богу, она, как во все времена, - разная. Другое дело - литературные ориентиры сегодня находятся не среди талантливой малости (талант всегда был малостью), а выделяются из числа шумливых, гротескных, аляповато-ярких, матерно-разухабистых творений. Надо отдать должное, провинция здесь отнюдь не впереди планеты всей, по крайней мере, в окраинной литературе меньше сквернословят и фиглярствуют. Но здесь другие беды, как говорится, не слаще.

Бывшая жительница Новосибирска, ныне москвичка и известный во многих странах драматург Нина Садур отвечает на вопрос журнала «Сибирские огни».

«- Что вы думаете о современной литературе?»

Н. С.: Тот же упадок, что и в остальной культуре. Я ничего не думаю. Но снулая, но пролеткомиссарская повадка всех этих «Знамен»... впрочем, нет, мыслей не возникает. Хотя им кормиться как-то надо... И я понимаю, что есть какая-то генетическая несостоятельность: если ты с молоком матери всосал всех этих «бронзовых птиц», «кортиков», «пушкинских домов» и проч. - тут уж не до Гоголя, тут несомненный «свой круг», писанный языком шинка и тачальщика башмаков. Думаю, что подобная литература - несомненное плебейство именно что россиянского производства. К русской литературе не имеющее ни малейшего отношения. В книжных магазинах у нас, кстати, больше нет отдела «Русской литературы». Есть какая-то непонятная «Российская литература» и загадочная - «Отечественная». Но ведь литературу не государственная и не гражданственная принадлежность определяет. Литературу определяет язык. Значит, у нас и язык не русский, а российский. И отечественный».

Молодой ученый-филолог из Бийска, поэт, участник многих поэтических семинаров Дмитрий Чернышков считает.

«Специфика литературы в том, что она одновременно и отражает реальность, и конструирует ее образ. В любом случае главная цель культуры, и литературы в частности, - это производство конечных смыслов. Культура производит смыслы, наделяя ими самые простые вещи, начиная с того, зачем вообще человеку надо идти утром на

работу или создавать семью. И когда эти смыслы улечиваются, цивилизация умирает, потому что людям становится не для чего жить. Жить, чтобы жить, - слишком дешевая философия: ради этого не стоило слезить с деревьев. Россия сегодня - страна утраченных смыслов: в противном случае мы бы не находились в числе мировых лидеров по количеству самоубийств.

Не хотелось бы рвать рубаху на груди, - тут и без меня охотники найдутся, - но нам нужно всем четко осознать: Россия переживает тихую и самую страшную из всех возможных катастроф, которая называется «деградация человеческого потенциала». В качестве причин можно называть сколь угодно объективные факторы - политические, экономические, этнологические, но вряд ли это снимает ответственность конкретно с нас.

Когда я читаю современную молодую литературу, то складывается впечатление, что на 1/8 части суши никто больше не работает - не выращивает хлеб, не выплавляет металл, не занимается наукой. Вдумайтесь: такая важная часть человеческой жизни, как труд, не отражается в литературе почти никак! Это вызывает тем большее удивление, что как раз поколение молодых писателей должно быть, по идее, начисто лишено идиосинкразии по отношению к так называемой производственной теме. Коллеги, вам действительно кажется, что об этом неинтересно будет читать? Ну а вы попробуйте написать талантливо!

Из современной молодой литературы почти исчезла деревенская тема, хотя именно сегодня она является еще более острой, чем в 1960-1970-е годы, во времена расцвета деревенской прозы. Я два года проработал в районной газете и могу вам сказать: вы не представляете, сколько в деревнях талантливых детей! А я смотрю на них - и понимаю, что большинство из них никогда не поступят в университеты, а многие, когда вырастут, просто сопьются, работая на тяжелой, необходимой, но презираемой и государством, и обществом, и нашей литературой работе, за которую их отцы и матери получают сегодня порой 3000 рублей в месяц...

Не знаю, может быть, мне просто попадается какая-то не та литература? Но складывается ощущение, что большинство из нас озабочены литературным процессом, а не литературным результатом - со всеми отсюда вытекающими...»

Вызовы времени и новые идеологи

Я уже говорил, что мне придется работать в экспертных советах и различных комиссиях по отбору литературы, помимо того, много лет подряд я участвую в работе семинаров молодых литераторов. Мало что могу добавить к приведенным выше высказываниям, разве вот это. Складывается впечатление, что нынешние литераторы не просто бессильны перед вызовами времени, не просто не понимают, что вокруг них происходит и каким образом можно это происходящее освоить. Они боятся свалившегося на них Мира с новым уродством и вечной красотой. Как соединить вроде бы несоединимое им, новым творцам нового искусства, не понятно. Отсюда - уход многих авторов в мифологию, историю, фантазию. Однако они и тут впадают в заблуждение: для того, чтобы сделать исторический текст увлекательным, нужны двойные усилия. А с чего они возьмутся, от какой такой наработанной литературной практики?

В конце 2011 года в Москве состоялась церемония вручения литературной премии «Дебют». Победу в номинации «Крупная проза» одержал Владислав Пасечник из Барнаула. Ему присудили премию за повесть «Модэ», написанную в жанре исторической прозы: действие повести происходит, якобы, во времена татаро-монгольского ига.

Не трудно представить, как взвилась местная пресса. Владислав Пасечник - гордость и наше «все» последующее. На долгие годы. В этом можете не сомневаться.

По условиям конкурса, главный критерий - творческая свобода авторов от литературных трендов. Понятен замысел, господа! Слово чужое и малопонятное многим

здесь использовано неспроста: нельзя же отменить традицию, школу, законы литературы, наконец, зато можно обойти этот самый тренд. Уже слышу многоголосый шум: а что это такое - законы литературы? А где это вы видели, чтобы искусство развивалось вообще по каким-то законам?!

Все бы ничего, но, увы, читал я это произведение победителя. И не просто пробежал текст, должен был вчитываться по обязанности руководителя семинара молодых авторов. Вот не поверите - там вообще ничего нет. Какие-то бои кого-то с кем-то - все герои и племена неразличимы, невозможно проследить путь их по сюжету, потому что они напрочь лишены индивидуальных черт. Кто за кого, почему, зачем? - абсолютно непонятно. Ах, это монголо-татарское иго, а я-то, читая, никак не мог понять, о каком периоде речь. Вдруг в ткань повествования врывается археологическая партия сего дня, которая, как надо понимать, занимается исследованием того периода, о коем повествует автор в своей главной сюжетной линии. И опять - все неразлично, текст существует сам по себе, ничего не соединяет нас с прошлым. Какое-то новое убранство комнаты, когда неохота переклеивать обои, а можно пригласить друзей, и они наляпают на стенах чего повеселей - прикольно!

Если учредители и устроители конкурса и премии хотели отвратить авторов, а заодно и читателей от настоящей литературы, то им это вполне удалось. Не знаю, в чем еще, кроме уходов от «трендов», заключалась задача господ из жюри и их хозяев. Потешки, во всяком случае, вам, господа, устроить удалось. Повторюсь, ничего менее вразумительного и беспомощного, чем повесть (у нас на семинаре произведение называлось романом) «Модэ», я давно не встречал. Кстати, после обсуждения, где все участники отозвались о романе однозначно, попросту разнесли его вдребезги, автор поблагодарил товарищей и сказал, что он уже возил свое творение за пределы родного региона и получил там точно такую же оценку.

Но тут Москва, тут уже не с кем спорить. И уже предвижу восклицания: а вы-то там в провинции! Душителю всего нового, свежего, прогрессивного!.. Точно, душителю, только вот, сколько ни душим, они живут более чем привольно, расцветают махровым цветом и давно уже своей массой превзошли «душителю». Так что насчет их живучести можете не беспокоиться. И за «свою» литературу, далекую от настоящей отечественной словесности, пока что можете быть спокойны. Долгие годы понадобятся, чтобы исправить возделанную вами новую литературную ниву, чтобы вылечить, выправить и поднять в здоровый рост больные, отравленные всходы. Увы, переживаемая сегодня всей нашей страной деградация человеческого потенциала приобретает все более угрожающие масштабы и, разумеется, она не может обойти ряды творцов и их судей.

Интересно все-таки - а судьи кто? Две фамилии из жюри известны многим, в первую очередь - председателя, Николая Коляды, известного театрального режиссера, драматурга, лауреата множества премий. Мало знаком с творчеством названного мэтра. Заглянул в его блог, отметил его собственное замечание, что после его спектаклей остается очень много грязи. Прочитал его пьесу «Куриная слепота» и подумал: чтобы собрать великое количество грязи - совсем не обязательно городить декорации. Истерика большинства героев, что их обманула жизнь, что они обречены пребывать в дерьме, пронизывает все произведение. Одна из журналисток Екатеринбурга, родного города драматурга, написала: «Если говорить о глобальном принципе российской жизни, освоенном в драматургии Николая Коляды, то это принцип тотального насилия... Зло в пьесах Коляды настолько передозировано, настолько зашкаливает температуру чувств героев, что творимая на сцене «суровая правда жизни» воспринимается как нелепая сказка о нелепом человеке...»

Судьи, учителя, оценщики - если и не главная суть нашей жизни в них, то, безусловно, важная. Они постигали разную науку у различных учителей, и, конечно же, каждому на жизнь достался свой кусок мерзости. Кто-то сумел справиться с ней, растворить

в своих добродетелях, а другой нашел в себе силы лишь для того, чтобы вернуть ее миру.

И вот уже выступают на передовую жизни новые идеологи, перешедшие из разряда апологетов новой литературы на следующую ступень. И не важно, как назвать место, с которого можно выкрикнуть - Болотная, Поклонная или еще как-то - важно заявить себя в новом качестве. Вот он, в первых рядах, якобы, несогласных, букеровский лауреат, писатель Дмитрий Быков. А вот выдержки из его письма, посланного, надо понимать, народу своей ненавистной страны. Письмо называется «Двести лет вместо».

«Каждая нация осуществляет свою тайную программу - и только русские боятся заглянуть в себя, даром что Блок и написал в том же восемнадцатом: «Она глядит, глядит, глядит в себя - и с ненавистью, и с любовью»... Глядит, но что-то ничего не видит; этот кисель, где бурлят, бродят и сталкиваются какие-то неоформленные сущности, очень интересен сам по себе, но историей в чаадаевском смысле, историей сознательной и созидательной - этого никак не назовешь. Поэтому и коммерсантами, и антикоммерсантами, и публицистами, и бардами родных осин в России вынуждены быть евреи... которые иногда даже кажутся мне ее коренным населением - настолько они к ней равнодушны. Зато русские грабят «свои несравненные недра» (А. Солженицын) и уничтожают собственное население так, как могут это делать только захватчики, которым здесь ничто не дорого. Потому-то у них и нет национальной солидарности, и не могут они договориться о простейших ценностях, и все у них тут не свое. «И дом, и сад - все было не мое, казалось мне. А может, не казалось» (Н. Слепакова). Разумеется, я мог бы много интересного понаписать о еврейской «двойной морали» - о космополитизме «на экспорт» и национализме для своих; и о «демократии» на экспорт при полном тоталитаризме для своих... Что есть - то есть. Такова заложенная в евреев программа, часто ими не сознаваемая, но тут уж надо уходить в метафизические дебри. Это и без меня есть кому сделать, хотя, если кто заинтересуется - готов и я, в меру скромных способностей. Но здесь позвольте мне ограничиться рассмотрением единственного вопроса - или, если хотите, констатацией единственного факта: евреи сыграли такую, а не иную роль в русской истории потому, что в силу особенностей местного коренного населения им пришлось стать русскими. Русские по каким-то своим тайным причинам от этого выдержались. Возможно, их подвиг еще впереди. Пока же русские - никакая не нация, ибо нация есть не этническое, а философское понятие, совокупность надличных ценностей, которые и для самих русских сомнительны (евреи как раз очень их любят). Я рад, что здесь мои выводы полностью совпадают с теоретическими положениями молодого социолога Юрия Амосова, чью работу на эту тему, надеюсь, скоро опубликуют. Двести лет - а если верить Канделю с его «Книгой времен и событий», то и гораздо больше - евреи делают российскую историю не вместе с русскими, а вместо них. И статью эту, если честно, должен бы написать кто-нибудь русский. Но - не нашлось».

Игра в перевертыши, кстати, тоже любимое занятие народа, который представляет господин Быков. К моему удивлению, согласных с автором письма оказалось немало. Удивляет и другое. В письме все очень ловко подтасовано. Ну, фокусник господин Быков, иначе не скажешь. Толстого не любили даже больше народу, чем автор подзревает об этом, и проза Достоевского не устраивала многих... Только вот не надо бы путать писателя с философом. Даже философское противоречие в словах писателя (масштабы указал автор письма) - это ошибка (может, специальная!) художественного толка. Да, родиной классической философии Россию не назовешь, у нас все любопытное так или иначе сопряжено с религией. Так ведь то и есть русское своеобразие! И оставим немцам приоритет в этой самой классической философии - на здоровье!

Что за ерунду преподносит Быков в качестве идеалов поэзии! Ну, не знаешь ты русских имен, не хочешь знать - твое личное дело. Но при желании на каждого Галича

и Бродского легко найти по десятку русских поэтов. Ну-ка, на Гоголя с Гончаровым найдите хоть одного равного им из ваших соплеменников прозаика! Ах, они все в России... И под другими именами, да?

Лично во мне Солженицын не вызывает ни симпатии, ни веры, но при чем здесь выводы Быкова? Его нация всегда впереди? Так они, эти «граждане мира» без родины и без земли, только тем и занимаются на протяжении всей обозримой истории, что захватывают первые места, забегая вперед, когда их и не ждут, не подозревают об их возможном присутствии, используя доверчивость и неагрессивность других.

По их же собственному признанию, Россия была к концу первого десятилетия XX века крупнейшей финансовой и промышленной (к тому времени еще не сложился финансово-промышленный капитал как таковой, потому и термина не было) державой. И что стало с Россией вскоре? Известно, когда Николая II везли на Урал, он спросил своих конвоиров: а правда ли, что в большевистском руководстве девяносто процентов евреев? Увы... Они придумали - они и совершили, а не заняли места, которые вроде бы должны были занять другие. Ни о местах, ни, тем более, об идеях, которые под эти места были разработаны, российскому большинству ничего не было известно. Все и всегда господа быковы делали только для себя, а отнюдь не для того, чтобы спасти чью-то поэзию, философию, экономику.

Вот что удивляет - так это снисходительность народов к этой армии дирижеров. Но дело всего лишь в том, что они и тут знают, как повести дело, как прикинуться самыми несчастными.

Прошу прощения, тут я вступил в противоречие с авторской позицией. По Быкову - его нация и самая талантливая, и самая сильная, и самая грамотная.

Говорите - вместо!? А ну-ка, живенько освободите-ка места, занятые в правительстве, экономике страны, бизнесе, прессе и ТВ известными фамилиями. Не-ет, пропадет тогда Россия, как есть - пропадет! Спасители вы наши! Заместители!

А что касается письма, которое опять же вынужден был написать господин Быков, подставив в очередной раз свое могучее плечо этим неразворотливым русским (ведь это они должны были написать подобное), могу сказать его же собственными словами: сам себя разоблачил. Зря старался, впрочем, мы и так знаем, кто есть кто.

И еще я подумал: ведь упыри смеются, потому что понимают: скоро мы сами себя будем не в силах защитить, а уж со стороны это делать и совсем станет некому.

Не понимаю, сынок!

Мы пришли. Мы подошли. Мы приехали... Когда-нибудь историки и летописцы зададутся вопросом: с чего же начался крах Алтайской писательской организации? Может, с того времени, когда взяли да и покинули этот свет самые лучшие. А может, с того дня, когда в августе 2011 года проходившие мимо своей обители писатели увидели развороченный забор и обнаружили, что со двора Дома писателя свезен гараж, в котором, кстати, находилась машина... Да и самой вывески «Дом писателя» уже не было у входа в дом. Бабулька из соседнего дома сообщила: съехали писатели. Куда? Почему? Оказалось - в небытие.

Я сам неоднократно выступал и на страницах «Литературной газеты» и в журнальных публикациях о том, что как таковой Союз писателей изжил себя. Но я всегда имел в виду эту столичную громоздкую надстройку, этот чиновничий подход к организации творческих поездок, приему новых членов, распределению премий и взаимоотношений с Литфондом. Местные-то организации при барстве и безразличии Центра пытались сохранить некое братство, некое подобие писательского сообщества. Написал - и тут же почувствовал неловкость. Будто наш деревянный особнячок (мой дом!) глянул на меня с укоризной. О чем ты!? Ведь сначала мои стены покинули души, сердца и разумы. Напоследок и телам здесь оказалось нечего делать.

Тот же молодой поэт из Бийска Дмитрий Чернышков пишет мне в письме:

«По поводу Дома. Разрушение и последующая мерзость запустения всегда почему-то наводят грусть, даже если ты сам желал этого разрушения...»

Смотрю в эти дни по «Культуре» фрагменты последнего, кажется, съезда народных депутатов СССР. 1989 год, все еще можно удерживать, говорятся правильные слова, но - никто уже ничего удерживать не хочет, не может, скорее - наоборот. И тоже тоска, потому что уже известно, чем все кончилось. Хотя многие много ждали, тоже надеялись: вот порушим партийного монстра - и заживем...

А кончилось тем, что поломали забор и сперли гараж.

Бийчане-графоманы наши скатились до такого ничтожества, что и говорить не хочется. Как в анекдоте про карликов - «уже до мышей не долго осталось».

В газетке какой-то местной увидел интервью госпожи З., которая под старость лет наконец-то воплотила мечту своей жизни - обзавелась корочкой Союза писателей. А теперь делится опытом, по сколько штук стихов за ночь она ваяет про родину...

Она сама человек неплохой, но при чем здесь литература? Непонятно. Планка опущена ниже плитуса.

По поводу возможности изменений путем социальных реформ большой скепсис у меня. Если народ умирает, на кой ему припарки?..

И главное, это не поддается сознательному контролю: мы - часть природы, и даже социальные формы организации - тоже часть природы...

Но жить на обломках Рима, будучи не в силах ничего изменить, тем не менее, грустно, стыдно и отвратительно».

Вот же, Дима! Грустно, стыдно и отвратительно! И уж никак не хочется одной биологией поверять творческие деяния искателей путей к человеческим душам. Увы!

В Барнауле, очевидно, никогда не закончатся «литературные» чудеса. Из доброго дела всегда можно сотворить обратное замысленному - стоит лишь постараться. Ежегодный губернаторский конкурс уже явил чудо, когда в 2011 году лучшая рукопись публицистики почему-то не была издана. На том же заседании экспертного совета названного конкурса была определена одной из неудачных рукописей Ивана Булаха. Она не прошла конкурсный барьер. И - о, диво! На подведении итогов конкурса директор издательства «Алтайский дом печати» Николай Герцен провозгласил:

- Мы горды и счастливы, что издали все книги, выигравшие конкурс по всем номинациям. Как ответный шаг, берем на себя все расходы, связанные с изданием одиннадцатой книги. Это будет (внимание, читатель!) книга Ивана Булаха.

Вы не мучайте себя сомнениями, а я возьму на себя ответственность заявить, что речь идет о той самой книге. Вопрос: что за «темные силы» руководят и направляют литпроцесс на Алтае? Со времен, когда здесь появилось автономное учреждение «Алтайский дом литераторов» и заменило собой работу писательской организации, подобные «чудеса» стали происходить все чаще. Интересны несколько замечаний по этому поводу. Вскоре после создания Дома литераторов прошла чехарда выборов-перевыборов руководителей писательской организации, причем, надо отметить, на фоне угасания деятельности этой самой организации. В итоге писатели лишились своего «дома». Деревянный, уютный особнячок на улице Анатолия, 102 перестал быть писательским пристанищем. Город Барнаул скоро найдет ему другое применение. Где будут собираться писатели, заниматься литературные студии - кого это интересует? И правильно, писали бы книги хорошие, остальное не так важно. А какие хорошие, какие плохие - теперь решают келейно, в том же автономном учреждении. Хорошие - это, прежде всего, свои, можете не сомневаться.

Можно много говорить о судьбах тех самых малых речек - провинциальных изданий, - которые всегда сливались в большую литературную реку России. Не очень веселый

получится разговор, если примером взять Алтай. А нашим замечательным издателям напомню слова Герцена, только не Николая Теодоровича, а Александра Ивановича, того самого, который требовал от человека и широты и глубины... Те же требования предъявлял он и к дилетантам, настаивая на том, чтобы они «основательно изучили хоть один какой-нибудь вопрос».

Во мне все яростнее борются два подхода к одной и той же теме. С одной стороны, зачем отстаивать существование писательской организации, если в основе своей главный продукт ее членов, мягко говоря, не соответствует качеству, предъявляемому к словесному труду. С другой - где еще хотя бы пытаться улучшить это качество, замечать и поднимать в рост нечаянные побеги настоящего (они есть и будут)?

Со временем я стал учиться не делать резких шагов. Трудная учеба, поверьте. Между прочим, обучающих примеров, когда эти самые резкие шаги приводят едва ли не к катастрофическим результатам, вокруг нас предостаточно, даже на государственном уровне. То есть на государственном их, пожалуй, больше всего... Представляю себе руку, снимающую портреты нас, живых и почивших, с той самой замечательной стены в Доме писателей, и прихожу к выводу, что не надо торопиться, пусть поживет еще то, что хоть как-то способно жить. Детский церебральный паралич - страшный приговор, пожизненный, обещающий матери беспросветную жизнь. Но мать всегда будет любить своего безнадежно больного ребенка.

Есть ошибки, какие трудно исправить. Одна из них - отселение новой организации, к которой перешел бюджет писателей - автономного учреждения «Алтайский дом литераторов», - физическое отделение ее от писателей. И дело не в том, что рождена совсем новая форма и, по мнению тех, кто работает в АДЛ, функции и задачи его отличаются от задач писательской организации. А дело в том, что по нынешней российской традиции новое учреждение, находясь в стороне от литераторов, будет работать само на себя. Хоть какие доводы мне здесь приводите - традицию эту сегодня не сломать. Зато можно исправить ошибку. Кстати, соседи наши, кемеровчане, те, кто первые за Уралом освоили новую форму - Дом литераторов - как раз и создали его для выполнения функций писательской организации.

Надежда, как бы она ни была мала, жива до последнего и дает силы иссушенному, замороченному организму. Может быть, эта надежда последняя. Может быть...

Слишком многое сегодня не поддается объяснению и пониманию.

Мой маленький сын все задает и задает мне этот проклятый вопрос:

- Понимаешь?

А я, каждый раз натываясь на его негодование, вынужден повторять:

- Не понимаю, сынок!

Василий КАЗАНЦЕВ,
кандидат исторических наук

ОТ ПЕРВЫХ КОММУН ДО НОВОЙ ДЕРЕВНИ

О коллективизации и раскулачивании на Алтае

Восемь десятилетий назад в жизни крестьян равнинного Алтая, да и во всей его истории, завершилось одно из поворотных событий - коллективизация единоличных крестьянских хозяйств и, на этой основе, ликвидация последнего в советскую эпоху эксплуататорского класса - кулачества.

...Написал эту фразу - и думаю: а все ли читатели понимают используемые мною слова-термины так же, как я? Поэтому оговорюсь. Слово коллективизация в данном контексте означает объединение мелких крестьянских хозяйств в крупные кооперативные коллективы производственного назначения. Единоличное крестьянство - это сельские жители, ведущие основанное на земледелии и животноводстве индивидуальное семейное хозяйство собственной или (и) наемной рабочей силой собственными или взятыми на прокат орудиями труда на собственной, арендованной или предоставленной им за налоги помещичьей, царской, государственной земле.

Сегодня события восьмидесятилетней давности привлекают внимание каждого человека, думающего о судьбе своего поколения, о будущем своих потомков. И вполне естественно, что такой человек в своих раздумьях обращается к историческому опыту. Как говорил кто-то из древних, знание, не основанное на опыте, бесплодно и полно ошибок. Отсюда - интерес к коллективизации - одному из важнейших явлений отечественной истории, недостаточно, пожалуй, еще оцененному.

Чтобы осознать важность перелома восьмидесятилетней давности, надо оглянуться на всю предшествовавшую и последующую историю алтайского крестьянства, уяснить эволюцию его классовой структуры.

Документально подтверждается, что первые русские селения на территории нынешнего Алтайского края появились во втором десятилетии XVIII в. на правобережной части средней Оби и нижнем Чумыше. Образовали их крестьяне-хлебопашцы, пришедшие сюда с Ишима (юг нынешней Тюменской области). Здесь они обрели относительно новую для себя природную среду. Все же остальное - страна Россия, царская власть, налоги, воинская повинность, православная церковь, приверженность к старообрядчеству, а главное - единоличное крестьянское хозяйство как единственный источник жизненных благ - все это осталось неизменным. Через десяток лет в предгорьях Алтая обозначились заводы Демидова. В 1839 г. первопоселенцев и вновь прибывавших крестьян приписали к этим заводам. Ставших приписными крестьян вместо солдатчины и части налогов заставили месяца два в году работать на рудниках и заводах в пользу их собственника и отдавать сыновей на пожизненную заводскую каторгу. Все остальное - отечество, власть, подати, церковь, порядок хозяйствования на выделенном в пользование участке земли - оставалось прежним. Еще через семь-восемь лет демидовские заводы перешли в собственность царя. Но это ничего нового в жизнь наших крестьян не внесло.

Так прошло без малого полтора столетия. Все эти долгие годы - примерно одинаковые для всех крестьян возможности ведения хозяйства, схожий образ жизни.

После отмены крепостного права наших предков освободили от заводских отработок и рекрутчины. Взамен увеличили денежные и натуральные налоги, ввели призыв в

армию. Остальное в их жизни оставалось вроде бы прежним. В том числе и извечное единоличное хозяйствование на земле, принадлежащей царю или казне, с ручным трудом и конной тягой. Но за последовавшие после «крестьянской реформы» полвека в жизни наших предков начали происходить сдвиги, не предусмотренные никакими указами и законоположениями. Во-первых, в результате массового притока крестьян из малоземельных губерний людность наших сел и деревень увеличилась в разы. Для общинников это обернулось соответственным уменьшением площади наделных земельных паев, то есть пашен и покосов. А для многих, особенно столыпинских переселенцев - и полным безземельем. Последовало сначала общинное - по числу мужских душ, а потом и рыночное - по аренде перераспределение выделенной в пользование крестьян кабинетской (то есть царской) земли.

Вот простейший пример. В семье моего деда был один сын и десять дочерей. Земля тогда распределялась по мужским душам, и общество выделяло ему два земельных надела. Чтобы прокормить семью, деду приходилось арендовать две-три десятины пригодной под распашку кабинетской земли. После этого денег на приобретение даже ручной веялки у него уже не оставалось. А у его двоюродного брата в семье было шесть сыновей и две дочери. Потом пошли внуки. Земли хватало даже на сдачу в аренду. Образовалась возможность купить жнейку, зарабатывать на ней... Это - простейший пример. Но вошли в жизнь и более сложные явления. Утверждавшиеся рыночные отношения воспитывали в характере отдельных людей стремление получить прибыль любым способом, не считаясь с былыми нормами общинной нравственности. Потом пришли переселенцы с очень разнящимся благосостоянием: и бедняк, и состоятельный мужик, даже числящийся в документах торговцем. Некоторые сумели привезти с собой деньги и машины, другие - только рабочие руки и кучу голодных детей. Одним из прибывших, поставившим влиятельным членам общины хорошее угощение, дали земельные паи, другим отказали...

Так к проявившемуся уже неравенству крестьянских семей по размерам землепользования добавилось еще противопоставление их по размерам находившегося в собственности капитала. Некоторые хозяйства, имеющие машины, стали получать от них дохода больше, чем от пашни и скота. Вездесущим фактором жизни стало социальное расслоение деревни. В Тальменской волости, например, переписью 1917 г. учтено 695 хозяйств (23% от всех), которые совсем не имели посевов хлеба. А 536 хозяйств (18%) сеяли не более 2,4 десятины. В то же время 120 хозяйств засеивали по 20 и более десятин. Все имевшиеся в Язовской волости сеялки, сенокосилки, конные грабли, жатки, молотилки были сосредоточены в 111 хозяйствах (13% от всех). В селе Анисимово той же переписью 1917 г. учтено 48 безлошадных хозяйств, 135 - с одной или двумя лошадьми. Восемь же хозяйств держали по 11-20 лошадей. А богатей Лавров имел кожевенный завод с 32-мя работниками, мельницу, 20 лошадей. В крестьянской практике все более утверждался наемный труд, аренда земли, прокат машин. При сложившейся конъюнктуре богатые становились еще богаче, бедные - беднее. При сохраняющейся середняцкой основе (больше половины дворов, имевших до десятка десятин земельных угодий) зримо обозначились два уже противостоящих слоя - кулачество и батраки.

Позиции формировавшихся в те годы политических сил по крестьянскому вопросу отражали уже классовые интересы. Пришедшее в начале 1917 г. к власти Временное буржуазное правительство объявило о переходе кабинетской (царской) земли в собственность государства, но отложило наделение ею безземельных и малоземельных крестьян до окончания Первой мировой войны и созыва Учредительного собрания. То есть на неопределенный срок. Таким образом, социальная структура алтайского крестьянства оставалась неизменной: кулак, середняк, батрак (иногда с наделом земли).

Победа Октябрьской революции 1917 года означала для российских, в том числе и алтайских крестьян коренную смену власти, политическое равноправие и многое

другое. Впервые в российской истории фактически было осуществлено равноправие женщин - половины населения страны. Факт, почему-то забытый нынешними идеологами. По декрету, принятому в первые же после установления советской власти сутки, национализировались помещичьи, церковные, монастырские земли. Общественной собственностью становились также земли, леса и воды нашего Алтая, принадлежащие ранее царю. По уравнительному способу - по числу едоков в семье - наделялись земельными паями все ранее малоземельные и безземельные крестьяне. Запрещалась аренда земли, исключалась эксплуатация чужого труда. Вместо отмененных старых налогов устанавливался подоходно-прогрессивный налог: с бедных 1 проц. от стоимости имущества, с самых богатых 10 проц.

В связи с этим в крестьянстве, прежде всего в зажиточной его верхушке, образовалась среда недовольных, теперь уже советскими порядками.

После окончания Гражданской войны на Алтае снова вступили в действие советские законы. Отводились пашни и покосы ранее безземельной бедноте, делались прирезки малоземельным хозяйствам. На бывших кабинетских и казенных землевладениях начали создаваться коммуны, товарищества. Велась льготная для бедноты налоговая политика. Поступавшие в распоряжение государства сельхозмашины продавались в первую очередь и по сниженным ценам коммунам и бедняцким хозяйствам. Доля кулацких хозяйств таким образом уменьшалась. Деревня осередничивалась. Например, в Боровлянской, Тальменской и Язовской волостях (ставших позднее основой нынешнего Тальменского района) к 1920 г. из 10158 хозяйств лишь в 113-ти держались наемные срочные работники.

В марте 1921 г. в Советской России введена была новая экономическая политика, нэп. По ней крестьянские хозяйства должны были передавать государству часть произведенной продукции в форме строго фиксированного натурального налога. Вместо установленных по проразверстке 31 миллиона пудов зерна теперь Алтайская губерния должна была сдавать государству 14,5 миллиона пудов (это 238 тысяч тонн, в советское время столько сдавали три крупных района). Остальная продукция оставалась в распоряжение крестьян, могла быть пущена на продажу или обмен. У крестьянских хозяйств появилась возможность на вырученные от продажи средства приобретать сельхозмашины и другое имущество. Государство оказывало деревне, особенно бедняцкой ее части, экономическую помощь, в том числе семенами, машинами. Немногочисленные агрономические службы давали мужикам знания по севооборотам, сортообмену, многополью. По принятому в 1922 г. земельному кодексу подтверждалась отмена частной собственности на землю, запрещалась ее купля-продажа, дарение, залог. Земля распределялась крестьянам в бессрочное пользование. В деревнях бывшей Язовской волости многим крестьянам отводились числящиеся ранее кабинетскими земли на гигантском треугольнике, ограниченном Обью, Чумышом и Инским бором. Туда за двадцать верст, с неустойчивой переправой через Чумыш не наездишься. Поэтому на новых землях стали создаваться поселки Мостовой, Фыркалова, Шиловка, Ливадия...

В целом же сутью нэпа являлось использование в экономике товарно-денежных отношений, хозяйственного расчета и материального стимулирования производства. Все это делалось под строгим контролем государства. И делалось для того, чтобы оживить разрушенную войнами экономику. Поддерживались все виды коопераций - потребительские, машинные, кредитные, производственные. Как известно, производственная кооперация по своей социальной сути может быть капиталистической, где доходы между ее членами распределяются в зависимости от доли внесенных в общий фонд предприятия акций. И может быть социалистической, когда обобществляются все основные средства производства (земельные участки, машины, хозяйственные постройки, тягло, скот), а доходы распределяются по труду.

Предпринятые в рамках нэпа меры дали желаемый результат. Уже к середине 20-х годов в Алтайской губернии был достигнут довоенный уровень производства зерна.

С 1922 по 1926 год численность лошадей в крестьянских хозяйствах выросла на 29 процентов, крупного рогатого скота - на 52, овец и коз - на 64, свиней - на 89 процентов. В общей сложности поголовье скота увеличилось примерно в полтора раза и превысило уровень 1916 г. Производство всей сельскохозяйственной продукции с 1922 по 1928 год выросло в два раза. Крестьянство внесло едва ли не решающую долю в финансирование индустриализации страны. То есть, в решение главной в то время задачи советского общества - догнать по уровню индустриализации страны Европы. В деревнях и селах Алтая открывались школы, избы-читальни, велась обстоятельная работа по ликвидации безграмотности населения. Переписью 1926 г. в алтайских округах Сибири (Барнаульском, Бийском, Каменском, Рубцовском и Славгородском) учтено уже 1263 школы 1 и 2 ступени, 40 семи- и девятилетних школ, 147 библиотек, избы-читальни в большинстве деревень. Действовали также 15 амбулаторий и десятки фельдшерских и акушерских пунктов. В деревнях началось строительство больничных и школьных зданий невиданной в наших местах архитектуры с широкими окнами и под железной крышей...

Оглянемся на все сказанное здесь и оставшееся без моего освещения. Переломные в истории страны события 1917 г., годы Гражданской войны, «военного коммунизма» и нэпа означали для алтайского крестьянства коренную смену власти, национализацию земли и бесплатное ее предоставление ранее безземельным и малоземельным, политическое равноправие, открытие школ и многое другое. Восстановлено сельскохозяйственное производство. Повысились по сравнению с дореволюционным временем благосостояние сельских жителей, уровень их бытовой культуры (чего стоит только девичья частушка той поры: «Не дари мне, милый, ленту, / Говорила я дружку, / А дари мне лучше мыла / Да зубного порошку»). Увеличилось внутреннее потребление производимых в хозяйствах продуктов питания (попросту – сельское население стало лучше питаться). Увеличилась рождаемость населения, замедлилась смертность. Уменьшилось в сравнении с дореволюционным прошлым социальное неравенство.

И все-таки после всех этих сдвигов и преобразований в алтайской деревне осталось неизменным главное: в основной своей массе крестьянство по-прежнему вело единоличное хозяйство, основанное на частной собственности, выделяя из своей среды кулаков, бедноту и батрачество. Оставались не преодоленными эксплуатация человека человеком, классовое противостояние. А главное - производительность труда в сельском хозяйстве, объемы товарной сельхозпродукции в своем росте отставали от роста населения в центрах индустриализации. Попросту говоря, сохранялась угроза голода.

К тому времени исторический опыт, основанная на нем наука, да и просто здравый смысл сделали очевидной истину: в наступившие времена, на новом витке научно-технического прогресса, при обусловленном им неминуемом сокращении доли сельских тружеников в общей численности населения мелкое крестьянское хозяйство ведет страну в тупик. Интенсивность и рентабельность сельского хозяйства, производительность труда в земледелии и животноводстве в условиях неотвратимой индустриализации могут расти только при укрупнении хозяйственной единицы, то есть при увеличении площади ее земельных угодий, поголовья скота.

На Алтае первая коммуна была организована петроградским рабочим коммунистом Ивкиным близ села Локоть в 1918 г. После Гражданской войны уже в 1920 г. в Алтайской губернии насчитывалось 1150 коллективных хозяйств, в большинстве своем состоявших из десяти-тридцати крестьянских дворов. В их числе были и коммуны «Труд» и «Ленина № 1», созданные беднотой деревни Шишкиной Тальменской волости. Годом позже здесь образовалась еще одна - «Венера». Из более крупных в истории края известна коммуна «Красные орлы» (на территории нынешнего Петропавловского района). В ней насчитывалось до 300 коммунаров, они возделывали 400 десятин пашни, держали 200 голов крупного рогатого скота мясного направления, 175 дойных коров, свиней, овец, имели маслозавод, кирпичный завод, сапожное, пимокатное, овчинное производства,

водяную мельницу, кузнечно-слесарную мастерскую. Коммуна была премирована трактором. Но такие коммуны были, конечно, исключением. В большинстве своем это были небольшие, в 15-30 семей, коллективы объединившихся бедняцких хозяйств. При поддержке государства здесь вводились севообороты, сортовые посевы, приобретались машины, породистый скот. Но ощутимого роста производства они не давали.

В декабре 1927 года в качестве выхода из положения предлагалось объединить тысячи мелких кооперативных и миллионов единоличных хозяйств в крупные коллективные и государственные. То есть, создать колхозы и совхозы. Предусматривалось преимущественное обеспечение их тракторами и другой техникой. При этом подчеркивалось, что коллективизацию надо вести постепенно, на добровольных началах, с одновременным наступлением на кулачество, с учетом возможностей поставки сельхозтехники и особенностей отдельных регионов страны.

Исторический опыт дал нам несколько видов производственных кооперативов, то есть колхозов. Известное распространение имели ТОЗы - товарищества по совместной обработке земли, где труд, тягловая сила, машины, другие орудия труда объединялись временно, для проведения какой-либо хозяйственной кампании - сева или уборки зерновых культур, заготовки сена, пастьбы скота, сооружения моста. Другим видом производственной кооперации были коммуны, где обобществлялись труд, землепользование, тягло, машины и другие орудия труда, весь скот вплоть до домашней птицы, жилищно-коммунальное хозяйство, кухня и столовая. Обычно коммунары выселялись за пределы сложившихся поселений, образуя новые поселки. В 20-х годах коммуны считались высшей формой коллективных хозяйств. В них состояло больше половины всех коллективизированных крестьян. Потом, в 1929-1931 гг. почти все они перешли на устав сельхозартели, а приверженность к ним стала считаться «левацким загибом» (думаю, не без основания). И третьим видом колхоза стала сельхозартель. В ней навсегда обобществлялись земля, тягло, машины и другие орудия производства, предназначенный для товарного производства скот. Произведенные в общественном хозяйстве блага, предназначенные для личного потребления членов артели, распределялись по труду. Для удовлетворения же особых семейных потребностей, индивидуальных пристрастий сохранялись личные подсобные хозяйства - огород, сад, корова с приплодом, небольшое количество мелкого скота и домашней птицы, необходимые надворные постройки и, конечно же, жилой дом. Земельный участок каждому хозяйству выделялся из общественного фонда на постоянное пользование, мог передаваться по наследству.

Одновременно с колхозами организовывались совхозы - советские хозяйства. Это уже не кооперативные хозяйства, а государственные. Их земельные и другие производственные фонды создавались за счет государства, им же назначалось и руководство. В совхозы по обычному трудовому законодательству шли люди, не имевшие полевых посевов и товарного скота. Им также предоставлялась возможность иметь личное приусадебное хозяйство.

В ходе коллективизации и связанного с ней раскулачивания, затронувшем самые глубинные, многовековые корни крестьянской жизни, делались, конечно, и малые, и большие ошибки. И центром, и местными работниками, и рядовыми жителями села. Все делалось впервые. До мужика, придавленного вечной заботой о пропитании семьи, не умеющего даже читать, искаженно доходила сама идея коллективизации. Местные активисты, тоже не очень грамотные, часто эту идею понимали односторонне, упрощенно. В руководстве правящей партии и государства также обозначились противоречивые позиции по крестьянскому вопросу. Одни заявляли, что надо коллективизировать деревню немедленно, поголовно и начинать с раскулачивания, причем единственной формой колхозов должна быть коммуна. Другие считали, что надо и дальше сохранять деревню в нэповском ее виде, с единоличным хозяйством и социальным неравенством. Третьи стояли на том, что надо обязательно вести коллективизацию, но постепенно, с учетом

региональных особенностей и поступления техники, строго на добровольной основе, а главной формой колхозов должна стать сельхозартель. По ходу дела возобладали третья позиция, однако в нижних звеньях властной иерархии и первые два определенное время имели сторонников и активных исполнителей. Все это вело к ошибкам, перегибам, потом исправлению их, в конечном счете - к спаду производства.

В основных зерновых районах страны сплошная коллективизация началась с лета 1929 г., на Алтае - с конца этого года. К этому времени у советского государства появилась некоторая возможность финансировать создаваемые совхозы и колхозы. Им стали поставляться в небольших количествах зарубежные «фордзоны», «кейсы», «кэтерпилеры». Потом, в 1924 г., на заводе «Красный путиловец» началось производство своих тракторов. Позднее вошли в строй Сталинградский, Харьковский, Челябинский тракторные заводы. В 1930 г. выпустил первые сотни комбайнов запорожский завод «Коммунар», чуть позднее пущен Саратовский комбайновый завод, в конце 1930 г. - «Ростсельмаш». В колхозы и совхозы со вновь построенных отечественных заводов начали поступать тракторы, комбайны и другая техника. В Барнаульском округе (тогда в нем было 14 районов) на 1 октября 1928 г. имелось 62 трактора. «Трактор - это цемент колхоза», - писали руководители округа, запрашивая новые поставки техники. Через семь месяцев, на 1-е мая 1929 г., их было уже 105. В некоторые районы равнинного Алтая на время проведения сельскохозяйственных кампаний стали присылать тракторные колонны. В Тальменский район в 1930 г. такая колонна присылалась из Крыма.

Самым эффективным методом механизации колхозов и оказания им агрономической помощи стали машинно-тракторные станции. Первыми в границах будущего Алтайского края были созданы Алейская, Калманская, Пospelихинская, Рубцовская, Топчихинская и Шипуновская МТС (октябрь-ноябрь 1929 г.). К концу 1930-го года здесь имелось уже 13 МТС, к концу 1931-го - 46, 1932-го - 69. В зону каждой станции входило, как правило, 15-25 колхозов, находящихся в радиусе 25 км. Полный охват колхозов Алтая помощью МТС затянулся до 1938 г. Задумывались МТС еще в годы нэпа как акционерные предприятия, создаваемые на паях государства, колхозов, сбытоснабженческих коопераций и единоличников. Однако вскоре выяснилось, что строительство и содержание их не по силам только что зарождающейся колхозно-кооперативной системе и крестьянской бедноте. С сентября 1930 г. все МТС стали полностью государственными.

В Сибири по постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. закончить коллективизацию планировалось в 1932 г. Однако Сибкрайком ВКП (б), как и партийные органы многих других регионов страны, стремился ускорить этот процесс. На 10 марта 1930 г. в Сибири было коллективизировано уже 53 процента хозяйств, а в Бийском округе - даже 72. Но достигалось это часто с нарушениями принципа добровольности, без должной организации и учета труда и в целом колхозного производства. Результатом стала значительная потеря обобщественных машин, эпидемии и падеж скота. Некоторые колхозы оказались без семян. Начался отток крестьян из колхозов. Центральным комитетом партии было принято постановление «Об искривлении партлинии в колхозном движении», опубликована известная статья Сталина «Головокружение от успехов».

Заметную роль в коллективизации сыграли посланцы из городов. Сибкрайкомом для этой цели до лета 1930 г. было послано на село около 6 тысяч городских коммунистов. В Шишкинский сельсовет Тальменского района прибыл из крупнейшей тогда в Барнауле парторганизации Бобровского затона Г.М. Кузнецов.

Коллективизация с самого начала, еще со времени первых коммун, встретила жесткое противодействие кулачества: она лишала его опоры - наемной рабочей силы, всех гласных и негласных привилегий. Чтобы уйти от повышенных налогов и обложений по хлебосдаче, кулацкие хозяйства дробились на 2-3 мелких, уменьшали посевы, скрывали хлеб, вырезали скот. Из некоторых кулацких семей мужчины уходили на предприятия и стройки Кузбасса, Новосибирска, в леспромхозы, тем более что туда

шла усиленная вербовка деревенского люда. Иногда к ним перебирались и семьи. С началом массовой организации сельхозартелей сопротивление кулака проявлялось в антиколхозной агитации, порче колхозного имущества, терроре против колхозных вожаков. В селе Зайцево Тальменского района, например, во время экспроприации и высылки семьи Вороновых, ведших здесь хозяйство с наймом батраков и занимавшихся торговлей, один из сыновей скрылся, а потом тайно вернулся и сделал налет на председателя колхоза. В этом же районе в апреле 1930 г. уполномоченный райисполкома, находясь в одном из сел, в записке своему руководству писал: «Кулаки... избивают агронома, избивают актив, ходят по улице, ловят колхозников как утят и бьют... Вот-вот за мной придут и возьмут за грудь... Если вы замедлите, то нас всех здесь передушат». Дело доходило до вооруженных выступлений. В марте 1930 г. в Усть-Пристань одному из бывших белогвардейцев удалось даже организовать банду в три сотни человек, которая расстреливала партийно-советских работников и колхозных активистов, распускала начавшие создаваться колхозы.

О масштабах «раскулачивания». Каких-либо документально обоснованных данных о численности экспроприированных и высланных по краю у меня сегодня нет. Да и вряд ли их можно получить: к началу коллективизации у Сибирского края и составлявших его районов были одни границы, у созданного летом 1930 г. Западно-Сибирского - другие, с сентября 1937 г. у Алтайского - третьи. Менялись перечни районов, составлявших эти районы населенных пунктов. Но по отдельным селам такие сведения можно составить. Из документов 1931-1933 гг. следует, что в объединившихся в один сельсовет селах Шишкино и Усово решениями собраний граждан представлялось к лишению избирательных прав, конфискации имущества и высылке 33 семьи. Из них 12 районными и окружными инстанциями были восстановлены в правах, репрессиям не подвергались. Экспроприровано и выслано в Нарым 14 семей, то есть 6,8 процента от 308 единоличных хозяйств, имевшихся в названных селах к тому времени. Из числа высланных пять семей полностью, а также несколько одиночек из других семей вернулись на родину в течение первого же года и проживали далее в своих или соседних селах и в Барнауле, с общими для всех правами и обязанностями. По литературным источникам известно, что по стране процент раскулаченных составил 4,5 процента, по Сибири - 6,7.

Попутно - одно интересное наблюдение. Из 33 семей, представлявшихся земляками к выселению, 16 семей было старожильческих, 17 - из переселенцев конца XIX-начала XX вв.; до десятка семей все еще помнили свои старообрядческие корни, остальные относились к официальной православной церкви или же считали себя атеистами; по национальности - 25 семей русских, 8 - мордва. Значит, за какие-то пятьдесят лет после прибытия первых переселенцев в сознании жителей забылись, стерлись все национальные, конфессиональные и иные различия и противостояния, значение придавалось только классовым.

Коллективизация крестьянских хозяйств в районах, составивших позднее Алтайский край, в основном завершилась к концу 1932 года. В колхозы объединилось 71,5% крестьянских дворов, они засеяли 93,4% всех посевных площадей. Одновременно прекратились и сопутствующие коллективизации меры по ликвидации кулачества. В последующие годы конфискация имущества кулаков и высылка их производились лишь в редких единичных случаях. К этому же времени было создано 10 совхозов и 69 машинно-тракторных станций.

Первые два-три года после завершения коллективизации оказались далеко не победными. Сказывалось неумение колхозников организовывать коллективный труд, использовать наиболее рациональные технологии производства на больших земельных массивах и животноводческих фермах с сотнями голов скота. Не доставало людей, подготовленных к работе на тракторах и комбайнах. Непреодоленным еще оставалось отчужденное отношение многих колхозников к общественному труду и имуществу. Обобщественные жатки, молотилки, сенокосилки без должного надзора быстро

изнашивались. В результате всего этого в первые пару лет производительность труда не росла. Производство сельскохозяйственной продукции в целом оставалось выше дореволюционного, но упало ниже уровня последних лет нэпа. А в животноводческой отрасли не был достигнут и уровень 1917 года. Особенно большие трудности испытывали колхозы, не обслуживаемые еще машинно-тракторными станциями. А таких к началу 1933 г. на Алтае было больше половины.

И тем не менее время доказало преимущество крупных коллективных хозяйств. К 1941 г. в Алтайском крае имелось уже 4272 колхоза. В них объединилось 98,4% всех имевшихся в крае крестьянских дворов. В среднем на колхоз приходилось 66 крестьянских семей. В их постоянном пользовании было 55,3% всех земельных фондов края. Остальные земли находилось в пользовании 79 совхозов (8,2%), леспромхозов (34,6%) и других предприятий края, единоличных хозяйств, а также отдавались под личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих и служащих. В 1938 г. всем колхозам были выданы государственные акты на бессрочное пользование землей. На один колхоз в среднем приходилось более 3 тыс. гектаров земель, в два раза больше, чем в среднем по стране.

Значительные перемены произошли за последовавшие после коллективизации восемь лет в кадровом составе колхозов. Рост численности сельского населения после нэпа сменился устойчивым ее сокращением. Явление, характерное для всякой индустриализирующейся страны. На аграрном Алтае, где в 20-30-х годах построено было единственное крупное предприятие БМК (для тех, кто уже забыл - Барнаульский меланжевый комбинат), индустриализация сказалась уходом из сельской местности десятков тысяч трудоспособных людей на стройки и заводы соседних Кузбасса, Новосибирска, а также в местную лесную промышленность (в леспромхозы, лесхозы, лесосплав, лесохим). Руководство Западно-Сибирского края всячески стимулировало вербовку рабочих из сел Алтая в промышленные центры. Уходили сначала мужчины и свободные от детей женщины, потом они переводили к себе и оставшиеся семьи. Многие из молодых людей призывались на военную службу и после демобилизации часто оседали в Комсомольске-на-Амуре, Красноярске, Сталинске и других промышленных центрах страны. Другие поступали в горные, строительные и другие школы ФЗО (то есть фабрично-заводского обучения), техникумы и тоже не возвращались. Доля сельского населения в крае за 1926-1939 гг. (по данным переписей) сократилась на 412 тысяч человек, с 92,4% до 82,8% от общей его численности. А к началу 1941 г. - до 80,5%. Да и общая численность живущих в крае уменьшилась на 199 тысяч человек.

Происходили небывалые изменения в профессиональной структуре алтайской деревни. Молодые мужчины, а потом и девушки охотно осваивали профессии трактористов (тогда их называли рулевыми), комбайнеров, бригадиров. Люди, сумевшие получить хотя бы 5-6 классов образования, шли в техникумы, агрошколы, на многочисленные курсы. В 30-е годы в крае открылось пять сельскохозяйственных техникумов, Бийская краевая школа агротехников, Барнаульская школа шоферов и другие школы и курсы по подготовке кадров разных профилей для аграрной отрасли. На 1 января 1941 г. в 34 школах фабрично-заводского обучения по сельским специальностям проходили подготовку 13,4 тыс. человек. Уже на 1 апреля 1938 г. в крае работало 26,5 тыс. трактористов-машинистов и комбайнеров и 1,2 тыс. шоферов. В начале 1941 г. в народном хозяйстве Алтайского края числилось около 700 агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и лесоводов с высшим образованием, и 1100 - со средним специальным. Деревенская молодежь шла также в открывавшиеся один за другим педагогические техникумы, акушерско-фельдшерские училища, школы медицинских сестер и т.д. На все эти специальности имелся великий спрос. Около 70% трудоспособных колхозников и колхозниц стали доярками, свиноводками, конюхами, чабанам.

Открывались культурно-просветительные учреждения. На начало 1940 г. в крае действовали 63 районных дома культуры, 1050 изб-читален, 800 колхозных клубов,

тысячи красных уголков, 64 районные библиотеки, 164 сельских и колхозных библиотек, сотни библиотек при клубах и избах-читальнях. Действовали 4 специально созданные театральные группы, за 1939 г. они поставили 871 спектакль, обслужили около 250 тыс. зрителей. В репертуаре театров - Шекспир, Островский, Горький, Тренев... Кроме спектаклей члены театральных групп читали лекции, ставили концерты на полевых станах, обслуживали во время выборов избирательные участки. В жизнь деревни вошли газеты, появлялись радиоприемники, кино. Кое-где сооружали местные электростанции. Наряду с кинопередвижками, где рукоятку динамо-машины вращали зрители, стали открываться постоянные кинозалы. Насчитывалось в среднем 3,5 посещения кино на жителя в год. Активно развивалась художественная самодеятельность.

Всеобщим и бесплатным стало образование. В 1939/1940 учебном году действовало 2657 начальных, 705 неполных средних и 197 средних школ с общим числом обучавшихся 560,7 тыс. человек. С середины 30-х годов шел массовый перевод начальных 4-классных школ в неполно-средние семилетние школы, а школ-семилеток - в средние школы с десятилетним обучением. Численность учителей только за три учебных года (с 1937/1938 по 1940/1941) увеличилась более чем на четверть. В крае уже работало три педагогических техникума. В 1933 г. открылся Барнаульский учительский институт, потом Горно-Алтайский. Велась курсовая подготовка учителей, не имевших специального педагогического образования. В практику входило заочное образование. Но потребности в учителях превосходили возможности учебных заведений. Поэтому привлекались к работе в школе люди даже без среднего образования. В 1937 г. в школах Западной Сибири 76% учителей имели общее среднее и незаконченное среднее образование, 22% - среднее педагогическое, 1,5% - высшее и незаконченное высшее и 0,6% закончивших двухгодичный учительский институт. Учительство являлось ударной силой в организации культурно-просветительной работы, в проведении выборов, переписей и других общественных кампаний. Многие учителя в те годы были отмечены государственными наградами.

Развитие здравоохранения в колхозной деревне края можно представить такими сведениями. На конец 1940 г. здесь действовало 138 больничных учреждений с 2967 больничными койками, 216 амбулаторно-клинических учреждений, 73 врачебных и фельдшерско-акушерских пункта. В них имелось 978 коек для беременных женщин и рожениц. Открылись 47 женских и детских консультаций, 145 постоянных детских яслей на 3186 мест. В сельской местности трудилось 263 врача и 2293 средних медицинских работника.

Во всей этой гигантской работе были, конечно, неизбежные ошибки, перегибы, заскоки. Сегодня они подаются некоторыми СМИ как самодовлеющий фон колхозной жизни, как преступления «большевиков». Я оставляю такие оценки на их совести.

Созданная в результате коллективизации 1929-1932 гг. колхозная система безусловно обеспечила небывалый по объемам и темпам прирост производства сельхозпродукции. Это положение подтверждается приведенными уже мною сведениями о результатах развития колхозной системы в предвоенные восемь лет. Еще ярче они подтверждаются достижениями сорока послевоенных лет. Укрупнение колхозов в 1950-1952 гг., а позднее преобразование части их в совхозы, не было следствием разочарования власти или самих колхозников в колхозной системе. И то, и другое являлось лишь корректировкой общественных отношений в связи с развитием производительных сил. То есть, в связи с модернизацией сельскохозяйственной техники, достижениями аграрной науки, осуществлением государственной электрификации, ростом квалификации трудовых ресурсов и в связи с все большей готовностью населения к новой ступени коллективного производства, коллективистского образа жизни.

Колхозная система обеспечила максимально полную мобилизацию трудовых и материальных ресурсов деревни (а в ней тогда было большинство населения страны) на

преодоление вековой отсталости старой России в индустриализации производственного потенциала страны. Это и перекачка трудовых ресурсов из аграрной отрасли в промышленную, и налоги с колхозников, и займы, и многое другое. Значение же индустриализации для нашей страны того времени, думаю, не нуждается в разъяснении.

Колхозная система устранила веками сложившееся и нараставшее социальное неравенство крестьян. Не произошло и никакого раскрестьянивания сельских жителей. Изменилось лишь содержание понятия «крестьянства», образовался новый тип крестьянина-колхозника. Этот тип во многом отличался от государственного, помещичьего, приписного крестьянина XVIII века и первой половины XIX, от послереформенных «свободных» сельских обывателей, т.е. крестьян, ведущих единоличное сельское хозяйство в условиях капиталистических отношений. Крестьяне-колхозники сохранили основные черты предшествующих типов крестьянства. Они по-прежнему жили в сельской местности и занимались сельскохозяйственным производством, сохранили характер общинности, уважения к мнению односельчан. Главным мерилom человеческого достоинства они по-прежнему считали умение и желание человека трудиться на общее благо.

Сегодня особенно много и особенно эмоционально вещают и пишут о мерах по ликвидации кулачества как класса. Именно к раскулачиванию некоторые историки публицисты сводят наше представление о коллективизации, этом поистине великом переломе в истории нашего народа. Но они замалчивают при этом неизбежность классовой борьбы при переходе от одной общественно-политической формации к другой. Неизбежность, подтвержденную и подтверждаемую историей любой страны мира. Меры, предпринимавшиеся в конце 20-30-х годов по ликвидации кулачества, в обобщении своем все-таки соответствовали своему времени. Тому социальному противостоянию, что всего лишь десять с небольшим лет назад обусловило гражданскую войну. В последнее время утверждается такая точка зрения: «Классовая борьба 20-30-х годов была predetermined заранее. Хотя какой-то части крови можно было избежать». Думаю, что это точка зрения наиболее приближена к истине. Борьба между наемным трудом и капиталом, при всех личных качествах представителей того и другого, объективно неизбежна. Это доказано и доказывается всем ходом мировой истории. И революциями, и войнами, при всех их национальных и конфессиональных оттенках. Да, какой-то части горя, страданий и гибели борющихся можно было избежать. Будь у раскулачивающих и раскулачиваемых опыт последующих десятилетий. Но тогда-то небывалые в истории России коренные изменения происходили впервые!

Итоги переписей 1926 и 1939 годов свидетельствуют, что никакого сокращения численности населения России по причине коллективизации и раскулачивания не произошло. Этот факт подтверждается и сегодня. По данным Росстата, опубликованным в «Российской газете» 10 декабря 2009 г., за 12 лет и один месяц, прошедших между указанными переписями, численность населения России в современных ее границах увеличилась на 15,7 миллиона человек. Это 1,3 миллиона в год. Сравните с тем, что произошло в российской демографии после постановления правительства РФ от 29 декабря 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», то есть после развала колхозно-совхозной системы. Всмотритесь в итоги переписей 1989, 2002 и 2010 гг. и вы увидите, что произошло с сегодняшней деревней.

Именно колхозная, а потом и колхозно-совхозная система обеспечила в 50-80 годы наивысший в истории России и СССР подъем благосостояния и духовный рост как сельского, так и всего населения страны. Мобилизационные методы развития экономики и культуры уже в начале 50-х годов постепенно стали заменяться патриотической, коллективной и личной заинтересованностью людей.

А, впрочем, уважаемые читатели, думайте сами, решайте сами...

Галина УЛЬЯНОВА

«ЕСТЬ В РОССИИ УМНЫЕ ЛЮДИ!»

*«Сама потребность взяться за перо
лежит, думается, в душе растревоженной».*

В. Шукшин

«...В Вологде живет писатель Белов. Он метко стреляет дичь: у него всегда крупные литературные трофеи... Белов сидит себе в Вологде, а Шолохов из Вешенской мудро поглядывает... Спасибо им, что открыли мне глаза!»

Так отозвался В. Шукшин о творчестве своего единственно настоящего друга - писателя В. Белова в интервью корреспонденту «Литературной газеты» летом 1974 года. А немного раньше, в 1970 году, Шукшин писал предисловие к одной из книг Белова:

«Я легко и просто подчиняюсь правде беловских героев...Слух, чувство меры, чувство правды, тактичность, - все хорошо, все к делу, но всего этого мало. Без любви к тем мужикам, без сострадания, скрытого или явного, без уважения к ним неподдельного, так о них не написать... Любовь и сострадание, только они наводят на такую пронзительную правду».

Дальше, говоря о героях В. Белова, В. Шукшин пишет:

«И тем дороже они, люди, роднее, когда не притворяются, не выдумывают себя, не уползают от правды в сторону, не изворачиваются всю жизнь. Меня такие восхищают. Радуют...».

Остаться самим собой, не изменить народной мудрости и правде в непростые времена, которые выпали на долю истинно русских писателей, как Василий Белов и Василий Шукшин, да и всего народа русского - это сложно и не каждому по плечу.

И только «талантливая честная душа способна врачевать, способна помочь в пору отчаяния и полного безверия, способна вдохнуть силы для жизни и поступков».

Именно такие души, как В.И. Белов и В.М. Шукшин помогают до сих пор «вдохнуть силы» миллионам русских людей, обрести веру в Россию, гордость за то, что мы - Русские.

Очень точно сказал о Белове В.Г. Распутин:

«Писатель Белов рожден самой русской землей». И добавил, что никто другой не смог бы написать книгу «Лад».

«Семидесятипятилетие Русского писателя - патриота Василия Ивановича Белова посвящается», - такими словами сопровождается юбилейное издание книги Белова.

Все эти долгие годы без В. Шукшина Василий Иванович остался верен дружбе, солидарен убеждениям и пронзительной шукшинской Правде.

Двух титанов связывало и связывает до сих пор многое. В 2002 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга В. Белова и А. Заболоцкого с двойным названием: «Тяжесть креста» и «Шукшин в кадре и за кадром».

Иногда думается, что молчание Белова о Шукшине было неоправданно долгим, затянувшимся. Но если вспомнить его ответ по поводу своего молчания тогда, когда

многие из кожи вон лезли в «друзья» к Макарычу: «Врать не могу, а правду не напечатать», - тогда все становится понятно.

Есть и еще одно объяснение столь долгому молчанию, по словам Василия Ивановича: один за другим уходили близкие друзья Белова, поэты, писатели - и о каждом хотелось написать.

Каждому здравомыслящему человеку, даже далекому от литературного творчества, думаю, понятно, что написать о близких людях - это еще раз пережить и пропустить через свое сердце боль утраты.

В своих воспоминаниях о друге Белов пишет:

«Дерзай! - внушаешь себе. - Все у тебя получится». Так называемое кредо (такое неродное слово!), писательское кредо, было выработано мною не без помощи Макарыча.

Оно отражено в книге «Лад». В противовес дьявольскому разладу наш православно-этический лад не позволяет душе двоиться, трояться или вообще дробиться на мелкие части. Такому ладу, я думаю, отнюдь не противоречат высокие жизненные цели и, на первый взгляд, непосильные задачи, вроде создания шедевров, подобных Кижам...

Василий Макарович Шукшин, как мне представляется, был максималистом, его жизненный путь усыпан максимальными трудностями, максимальными замыслами, а то, что им свершено, останется в русской культуре...

Вот примерно таких взглядов я придерживался во время моего знакомства с Макарычем.

Наша многолетняя дружба случайной не была.

Тяжесть шукшинского креста с годами все увеличивалась, но Макарыч шел на свою Голгофу, не оглядываясь и не озираясь».

В одном из писем к матери В. Шукшин подтверждает эту мысль Белова, говоря, что если «брат тяжесть, то всю сразу».

В. Белов после смерти В. Шукшина дважды побывал на юбилейных (1979 и 1989 годов) Шукшинских чтениях в Сростках. Своими глазами видел, слышал нарастающую силу шукшинского слова, его значимость и потребность для русских людей.

В.М. Шукшин остался верен девизу, который высказал еще в романе «Любавины», опубликованном в 1965 году: «...оставаться с людьми, даже если в землю зароят».

В. Белов «остаётся» верен этой заповеди до сих пор. Душа его отдана людям, родным вологодским мужикам.

«А где же сама-то, душа эта, берет целебные силы? - спрашивает В. Шукшин. И сам же отвечает:

«Как-то гостил я у Белова в родной его деревне Тимонихе. И стал невольно свидетелем одной сцены. Пришла старушка с бумажкой, на которой записан адрес дочери... Пришла, чтоб писатель написал письмо ее дочери и выговорил бы ей вины ее перед родными - не пишет, совсем забыла... И столько было у старушки веры и надежды, что «Васенька, ангел наш» (она как-то произносила: «аньдели») сумеет так написать ее дочери, что та поймет, наконец, что...»

О, сколько веры она принесла с собой, та хлопотливая старушка! Да и горе ведь принесла - отбилась дочь-то от дома, совсем отбилась. Я сперва подумал, что это какая-нибудь двоюродная тетя Белова, а та самая дочь, которую поглотил город, стало быть, двоюродная его сестрица - отсюда такая свойская доверчивость. Оказалось, нет - чужая. А вот - принесла. Видно, тут и ответ на вопрос, откуда у писателя запас добрых сил? От людей же... И людям же и отдается».

Знакомство Белова с Шукшиным произошло в шестидесятые годы, хотя «впервые (Белов) услышал о Шукшине году в 56-ом от вологодского поэта Игоря Тихонова». (Ныне покойного.) Потом шапошное знакомство в комнате у какого-то белорусского сценариста. Эта встреча ограничилась рукопожатием за знакомство, какими-то де-

журными фразами, которые в памяти В. Белова не отпечатались. Следующая встреча - в 1963-м году, во время работы В. Шукшина над фильмом «Живет такой парень». И опять особой близости и дружбы не возникло.

«Встреча с Шукшиным произошла в то время, когда он разводился со своей «библиотекаршей». (Так Белов называет актрису Лидию Александрову, которая в фильме «Живет такой парень» снялась в роли библиотекарши. - *Авт.*) Семейные неурядицы были у нас с ним, конечно, разные, но во многом иногда одинаковые: мы оба, как могли, противились благоглупостям своих жен, зараженных женской эмансипацией», - напишет Белов.

По-настоящему дружеские отношения и взаимопонимание между писателями начнутся с 1964 года, когда В. Шукшин побывает в гостях у В. Белова, в его родной Тимонихе Вологодской области.

И уже по этой встрече можно безоговорочно согласиться с утверждением В. Белова о том, что дружба между ними «случайной не была».

В последующие годы эта дружба крепла, росла, увеличиваясь, как говорится, и вширь, и в глубину. Подтверждением тому - переписка.

«Тетка!.. Я тебя очень серьезно спрашиваю: у тебя только тело болит или душа тоже? Потому спрашиваю, что судьба твоя такая же - и, может, тут какой-то общий, грустный закон? Тело болит - это от водки, я знаю. Но вот я и не пью, а весь измаялся, нигде покоя - ни дома, в деревне, ни тут. Все перебрал и вспомнил пору, когда было 20 лет, - не ныла же она так! Что же теперь-то? Я никому не говорю об этом, никому до этого нет дела, а скажешь, так не поверят. Да, вообще, кому это нужно? Еще поймут, что ослаб, лягать кинутся. Вот... Кричу тебе в Вологду. Вообще-то, это похоже на то, как болит совесть: постоянно и ровно. Есть у тебя такое? Скажи правду - охота докопаться до корня».

Дальше Шукшин, как бы между прочим, сообщает другу о своих неудачах:

«Разина» закрыли.

В «Нов(ом) мире» больше не берут печатать, взял оттуда свои рассказы.

Но все же, душа не потому ноет. Нет. Это я все понимаю. Есть что-то, что я не понимаю. Что-то больше и хуже».

В ответ Шукшин получает письмо друга:

«Василей, Василей, ты это брось. Я не про то, что жалуешься мне (это не жалобы, да и хороши мы будем, ежели не станем говорить друг другу главного), я про твое состояние.

Наверно, я приеду числа 29-го. Но про то, что спрашиваешь, лучше напишу неспешно. Говорить мы не умеем и стесняемся.

Так вот - брось. Проснись однажды со свежим сердцем и хватит. Пишу тебе честно: постоянной и ровной боли у меня нет. Бывает с похмелья, когда нагрестишь (в прямом смысле), либо наговоришь кому-то чего-то или еще что (это я называю духовным стриптизом). А так - нет пока, тьфу, тьфу!

Чего ты маешься - не знаю. Вот мои предположения.

Очень часто бывает так: душа болит, потому что тело болит. Не смейся, поверь. Побереги, наладь, подрегулируй, подлечи свою «машину», т.е. тело. Такими, как в 20 лет были, уже не бывать, но кое-что сделать можно и надо. Закрепиться надолго на том, что еще есть, чего мы еще не растрясали направо и налево, т.е. здоровье. Без присмотра за «машинами» нам теперь нельзя, усеки и запомни это. Я был раз пять близок к этому обрыву, к этой черте, за которой тьма, ничто, пустое место. К смерти, иначе. Потом пятился от этого обрыва, отползал, а как иначе? Поскольку нас родили - не жить не имеем права. А тут уж изволь за «машинной» приглядывать и беречь ее, без нее нас как не бывало...

А если с «машинной» более-менее все ладно, а совесть, душа все равно болит, значит, чего-то не так живем, не то немножко делаем или уже наделали. Я иногда просыпаюсь ночью от стыда и краснею: во сне вспомнилась забытая, но сделанная когда-то

подлость. Утешаюсь тем, что больше так не сделаю. И тем, что ежели стыдно, ежели совесть болит, значит, она еще есть в тебе, не вытравили. Может, ты маешься тем, что сделал для денег? Тогда сократи бюджет и больше не делай ничего по чужим сценариям. А то, что уже сделано - забудь, отсеки и не вспоминай.

Вишь, я какой ментор. А вообще, знаешь что? Ничему не отдавайся до конца, до последней кровинки. К черту максимализм, это он губит....

Попробуй-ко скинуть с себя все обязанности, которые навьючила на тебя судьба, весь груз (кроме семейных), моральный гнет, все эти штучки-дрючки.

И сразу почувствуешь себя человеком. И сделаешь больше, чем все эти подвижники, герои и борцы за свободу и справедливость.

Чего-то я тут недоговорил, недопонял. И необязательно допонимать, чувствую интуитивно, что верно чувствую. Не знаю, может, у тебя и не так.

Но будь змием. Вылезай изредка из прежней шкуры и живи заново...

Но, я тебе повторяю, всего скорее твои муки - от физического нездоровья. Вот, смешно тебе будет, а ведь это правда. Когда я живу нормально, т.е. не пью, меньше курю, сплю (стараюсь хотя бы) в одно время и не меньше 8 часов, делаю получасовую зарядку и холодный душ - я тогда счастливый. Ведь все остальное время мое, т.е. моей души, а не «машины». И тут нет угрозы для души - стать тоже машиной. А если ты то и дело глотаешь кофе и сигареты, да дергаешься с киношными делами...

Не думай, что мои советы - ерунда. Не ерунда.

Я знаю, у тебя останется ощущение, что я тебя не понял. А ты все же постарайся понять, что я тебя понимаю...».

Об одном и том же думают оба писателя или нет? Может, просто объясняют каждый по-своему?! А то, что есть душа и совесть у обоих - это сомнению не подлежит.

«Не падай духом, не падай духом, Вася, это много, это все. Много не сделаем, но... Свое - сделаем, тут тоже природа (или кто-то) должны помочь. И - немного - мы сами себе и друг другу», - так поддерживает друга В. Шукшин, отвечая на письмо, в котором узнает о тяжелой болезни дочери Василия Белова. О том, как тот дежурил у постели ребенка, как ждал звонка из больницы, как почти впал в отчаяние от бессилия что-либо изменить и помочь...

Часто друзья меняются ролями: утешитель и советчик в одном письме становится вдруг нуждающимся в утешении и совете. Это понятно из переписки.

Вот это «свое» сделал писатель и человек Шукшин. Продолжение этого «своего» и в творчестве Василия Белова, который убежден, что «вне памяти, вне традиций истории и культуры нет личности, память формирует духовную крепость человека».

Доказательств духовного родства истинно русских писателей, знатоков народной жизни можно привести очень много. Хочется остановиться на некоторых, на мой взгляд, самых ярких, образных и точных.

Для сравнения возьмем мысли и убеждения В.М. Шукшина, высказанные им в разное время в отдельных статьях, размышлениях, письмах читателям, опубликованных отдельной книгой в 1981 году под общим названием «Вопросы самому себе», первый раздел которой назван «Нравственность есть правда».

И книгу В.И. Белова «Лад».

У Шукшина в «Слове о «малой родине» читаем:

«Я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен, начиная с языка, с жилья...».

Обратите внимание на эти два слова: «уклад» Шукшина и «лад» Белова.

«Ритм - одно из условий жизни, - читаем мы у Василия Белова. - И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частности, была ритмичной. Любое нарушение этого ритма - война, мор, неурожай - лихорадило весь народ, все государство.

Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались на жизни и всей деревни.

Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность...

Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время.

Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу - от красоты.

Мастер назывался художником, художник - мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии...

По моему глубокому убеждению, знание того, что было до нас, не только желательно, но и необходимо...».

Как будто поддерживая живой разговор с другом, Шукшин вторит:

«В доме деда была непринужденность, была свобода полная...: нигде больше не видел такой ясной, простой, законченной целесообразности, как в жилище деда-крестьянина, таких естественных, правдивых, в сущности, отношений между людьми там. Я помню, что там говорили правильным, свободным, правдивым языком, сильным, точным, там жила шутка, песня по праздникам, там много, очень много работало... Собственно, вокруг работы и вращалась вся жизнь. Она начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озлобляла - с ней засыпали, к ней просыпались. Никто не хвастался сделанным, не оскорбляли за промах, но - учили...

Никак не могу внушить себе, что это все - глупо, некультурно, а думаю, что отсюда, от такого устройства и самочувствия (у Белова - это понятие - Лад. - *Авт.*) - очень близко к самым высоким понятиям о чести, достоинстве и прочим мерилам нравственного роста человека...

...Там знали все, чем жив и крепок человек и чем он - нищий: ложь есть ложь, корысть есть корысть, праздность и суесловие...

...Ни в чем там не заблуждались, больше того, мало-мальски заметные недостатки в человеке, еще в маленьком, губились на корню. Если в человеке обнаруживалась склонность к лени, то она никак не выгораживалась, не объяснялась никакими редкими способностями ребенка - она была просто лень, потому высмеивалась, истреблялась.

Занайство, хвастливость - все было на виду в людях, никак нельзя было спрятаться ни за слова, ни за фокусы...».

Оба писателя убеждены, что многое, если не все, в жизни может изменить молодежь.

У Белова читаем:

«Молодежь во все времена несет на своих плечах главную тяжесть социального развития общества. Современные юноши и девушки не исключение из этого правила. Но где бы ни тратили они свою неумную энергию: на таежной ли стройке, в полях ли Нечерноземья, в заводских ли цехах - повсюду молодому человеку необходимы прежде всего высокие нравственные критерии... Физическая закалка, уровень академических знаний и высокое профессиональное мастерство сами по себе, без этих нравственных критериев, еще ничего не значат.

Но нельзя воспитать в себе эти высокие нравственные начала, не зная того, что было до нас...».

В. Шукшин, отвечая на письмо мальчика-подростка, высказывает те же убеждения: «Кто бы ты ни был - комбайнер, академик, художник, - живи и выкладывайся весь без остатка, старайся знать много, не жалуйся и не завидуй, не ходи против совести, старайся быть добрым и великодушным - это будет завидная судьба. А когда будешь таким, помоги другим...».

И еще там же: «...Главная сила на земле - разум и труд... Это не просто, просто как раз не понять этого. За тобой право подумать, что разумному и трудолюбивому не всегда хорошо в жизни..., но все ценное, прекрасное на земле создал умный, талантливый, трудолюбивый человек. Никогда еще в истории человеческой ни один паразит не сделал ничего стоящего...».

Знай больше других, работай больше других - вот вся судьба. Это нелегко, это на всю жизнь, но ведь и помним-то мы, и благодарны - таким только».

Очень точно заметил Шукшин в статье «Монолог на лестнице»:

«Не смотри, где он работает и сколько у него дипломов, смотри, что он делает».

Эти слова можно считать афоризмом, особенно сейчас, в наше «смутное время», когда любые дипломы покупаются.

Емко, точно, выразительно написал о труде, о крестьянском труде, В. Белов:

«Тяжесть труда - если ты силен и не болен - тоже приятна, она просто не существует. Да и сам труд отдельно как бы не существует, он не заметен в быту, жизнь едина.

И труд, и отдых, и будни, и праздники так закономерны и так не могут друг без друга, так естественны в своей очередности, что тяжесть крестьянского труда скрывалась. К тому же люди умели беречь себя...

Тяжесть труда наращивалась постепенно, с годами. (Это чтобы не надорваться. - *Авт.*)

Труд из осознанной необходимости быстро превращался в нечто приятное и естественное, поэтому - не замечаемое.

Тяжесть его скрашивалась еще и разнообразием, быстрой сменой домашних и полевых дел. Чего-чего, а уж монотонности в этом труде не было...

...Человек, слабый физически, но хорошо умеющий косить, знающий накопленные веками навыки, скосит за день больше травы, чем иной неумный верзила. Но если к вековым навыкам да еще свой талант, то косец уже не просто косец. Он тогда личность, творец, созидатель красоты.

Работать красиво не только легче, но и приятнее. Талант и труд неразрывны. Тяжесть труда непреодолима для бездарного труженика, она легко порождает отвращение к труду.

Вот почему неторопливость, похожая с виду на обычную лень, и удача талантливого человека вызывают иной раз зависть и непонимание людей посредственных, не жалящих в труде ни сил, ни времени.

Истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить, само собой, накосит больше».

У Шукшина читаем:

«Когда мастер берется за дело, когда руки его знают и умеют сделать точно, красиво, умно - это подороже всякой мечты.

...Я не доверяю красивым словам... Слов красивых люди наговорили много, надо дел тоже красивых наделать столько же, и хорошо бы, - побольше».

«Стыд - одна из нравственных категорий, если говорить о народном понимании нравственности, - пишет Василий Белов. - Понятие это стоит в одном ряду с честью и совестью...».

Василий Шукшин вторит другу:

«...А совесть у человека должна быть...»

Человек, начиненный всяческими «правилами», но лишенный совести, - пустой человек, если не хуже...».

Особенно волнует писателей постепенное стирание чувства стыда у молодежи.

«Красота отношений, - читаем у Белова, - между молодыми людьми питалась иной раз, казалось бы, такими взаимно исключаящимися свойствами, уживающимися в одном человеке, как бойкость и целомудрие, озорство и стыдливость».

«В войну нам было по двенадцать-шестнадцать лет, - пишет Шукшин. - Никакого клуба у нас не было. А многие уже работали. Как ни трудна жизнь, а через шестнадцать лет не переступишь. Собирались на вечеринку. С девушками. Была балалайка, реже - гармонь. Играли в фантики, крутили шестерку.... Целовались. И у каждого (кто повзрослей) была среди всех, которая нравилась. Когда случалось поцеловаться с ней при всех - обжигало огнем сердце, и готов был провалиться сквозь землю. Но - надо! И этого хватало потом на всю неделю. И ждешь опять субботу - не приведет ли случай опять поцеловаться с желанной. Неохота говорить тут о чистоте отношений - она была. Она всегда есть в шестнадцать лет».

В продолжение мысли Белов утверждает:

«Любить означало то же самое, что жалеть.... Жалость (а по-нынешнему - любовь) пересиливала все остальное».

«Жалеть... Нужно жалеть или не нужно жалеть - так ставят вопрос фальшивые люди. Ты еще найди силы жалеть. Слабый, но притворный выдумывает, что надо - уважать».

Жалеть и значит уважать, но еще больше», - так рассуждает В. Шукшин.

«Калеки и убогие особенно почитались в народе», - утверждает Белов.

Шукшин вторит:

«Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени, вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот - дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники, не от мира сего) - много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках...».

Позже была - война. Может быть, самая страшная в истории нашего народа. Новые дурачки. Больше - дурочки. Была Поля-дурочка. (Народ ласково называет их - Поля, Вася, Ваня...)

Оба писателя сходятся во мнении, что русский народ хранит доброту, особое, добросердечное отношение к таким, обиженным Богом (как иногда говорят в народе), людям.

Особо следует сказать о русской свадьбе, традиционной, обрядовой, о чем с удовольствием вспоминают оба писателя.

У В. Белова читаем:

«Свадьба - самый яркий пример драматизированного обряда, одна из главных картин великой жизненной драмы, той драмы, длина которой равна человеческой жизни...»

Женитьба - важнейшее звено в неразрывной жизненной цепи...

Традиция, однако, ничуть не сковывала творческую фантазию, наоборот, она давала ей первоначальный толчок, развязывая язык даже у самого косноязычного свата...

Народный обычай щадил самолюбие, он словно бы выручал бедного, а с богатого сшибал спесь, подбадривал несмелого, а излишне развязных - осаживал.

...Приезд за дарами - четвертый акт свадебного народного действия. Любая часть действия... является развернутым и вполне самостоятельным драматическим явлением.

Элемент импровизации присутствовал во всех частях свадьбы».

В. Шукшин тоже считает свадьбу значимым событием для человека, очень серьезным шагом в жизни. И в статье «Монолог на лестнице» рассуждает и вспоминает одновременно, сопоставляя старые и новые обычаи:

«...Ведь и старый обряд свадьбы - это тоже спектакль. А вот, поди ж, ты!... Там - ничего, смешно, трогательно, забавно и, наконец, волнующе...

Лет двенадцать назад я выдавал замуж сестру (на правах старшего брата, за неимением отца. Это было далеко, в Сибири). По всем правилам (почти по всем) старинной русской свадьбы. Красиво было, честное слово! Мы с женихом - коммунисты, невеста - комсомолка... Немножко с нашей стороны - этакая снисходительность (Я лично эту снисходительность напускал на себя, ибо опасался, что вызовут потом на бюро и выплюют; а так у меня отговорка: «Да я ведь так, нарочно»). Ничего не нарочно, мне все чрезвычайно нравилось. И так, с нашей стороны - этокое институтское, «из любопытства», со стороны матерей наших, родни - полный серьез, увлеченность, азарт участников большого зрелища. Церкви и коней не было. О церкви почти никто не жалел, что коней не было - малость жаль.

Утверждаю: чувство, торжественный смысл происходящего, неизбежная ответственная мысль о судьбе двух, которым жить вместе, - ничто не было утрачено, оттого что жених «выкупал» у меня приданое невесты за чарку вина, а когда «сундук с добром» (чемодан с бельем и конспектами) «не пролез» в двери, я потребовал еще чарку. Мы вместе с удовольствием тут же и выпили. Мы - роднились. Вспоминаю все это сейчас с хорошим чувством. И всегда русские люди помнили этот единственный праздник в своей жизни - свадьбу. Не зря, когда хотели сказать: «Я не враг тебе», говорили: «Я ж у тебя на свадьбе гулял».

«Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается в целом народе?» - эти слова А.С. Пушкина приводит В. Белов в своей книге «Лад».

На Пушкина ссылается и Шукшин в статье «Монолог на лестнице», говоря о народных обычаях.

«Село двести лет стоит, здесь хранят память о Пугачеве (предки, разбегаясь после разгрома восстания, селились, основали село), здесь даже былины знают... Здесь на каждой улице - своя Мордасова. Тут есть такие бабки, что как запоют, так сердце сжимается. Старо? Несовременно? Ну, значит, Пушкин ничего не смыслил в этом деле, если, будучи молодым человеком, просил Арину Родионовну, старушку, спеть ему, «как синица тихо за морем жила». Значит, все, что нажил народ веками, сберег, - все по боку!.. Так давайте пожалеем (взвоем, охота сказать), что мы забываем!».

Высказали оба писателя свои философские рассуждения об еще одной, очень важной тайне человеческого бытия - смерти.

У Белова читаем:

«Другим нравственным и, более того, философским принципом, по которому можно судить о народе, является отношение к смерти. Смерть представлялась русскому крестьянину естественным, как рождение, но торжественным и грозным (а для многих верующих еще и радостным) событием, избавляющим от телесных страданий, связанных со старческой дряхлостью, и от нравственных мучений, вызванных невозможностью продолжать трудиться.

У северного русского крестьянина смерть не вызывала ни ужаса, ни отчаяния, тайна ее была равносильна тайне рождения. Жизнь человеческая находится между двумя великими тайнами: тайной нашего появления и тайной исчезновения.

Рождение и смерть ограждают нас от ужаса бесконечности».

В статьях Шукшина мы тоже находим слова о смерти, которых немало, и высказаны они в разные периоды жизни.

«Когда буду умирать, если буду в сознании, успею подумать о родине, о матери и о детях. Дороже у меня ничего нет».

Создается ощущение, что автор этих строк предчувствовал свою скорую кончину. Иначе это не объяснить.

По мнению В.И. Белова, жизнь человека делится на две части: до свадьбы и после свадьбы.

В.М. Шукшин считает, что о человеке надо знать три вещи: «как родился, как женился и как умер».

Какие-либо комментарии к высказанным мыслям народных писателей совершенно не нужны.

Оба писателя прекрасно знали свой родной язык, умели талантливо владеть словом, считали это большим достоянием человека.

В. Белов заметил:

«Умение хорошо, то есть образно, умно и тактично говорить в какой-то степени было мерилom даже социально-общественного положения, причиной уважения и почтительности.

Для мелких и злых людей такое умение являлось предметом зависти.

Слово - сказанное ли, спетое... - любое слово стремилось к своему образному совершенству.

Эстетика разговора, как жанра устного творчества, выражается в умении непринужденно завести беседу, и в искусстве слушать, и в уместности реплик, и в искренней заинтересованности. Но - главное - в образности, которая подразумевает юмор и лаконизм.

Добродушное подсмеивание над самим собой, отнюдь не переходящее в самооплевывание, всегда считалось признаком нравственной силы и полноценности.

Люди, обладающие самоиронией, чаще всего владели и образной речью...

Без любви к делу талант уходит...

Но сделать легко и красиво можно то лишь, что легко и красиво выговаривается, - это одно из проявлений единства материального и духовного у русского работника.

Иностранцами же, непонятными для других названиями очень любят пользоваться убогие от природы, либо ленивые, либо в чем-то ущемленные труженики».

У Шукшина находим эту же мысль:

«Критическое отношение к себе - вот что делает человека по-настоящему умным».

«...Когда человеку больно, - пишет В. Шукшин, - у него нет желания говорить красиво и много, когда он счастлив, то, во-первых, это всегда коротко, во-вторых, тоже говорят просто...

Наконец, когда человеку все равно, он в состоянии придумать очень непростую фразу, ибо ему все равно. Тут и приврать ничего не стоит.

Вообще все системы хороши, только бы не забывался язык народный. Выше пула не прыгнешь, лучше, чем сказал народ, ...не скажешь».

Еще один вопрос, который мучает настоящих художников слова, - это Правда!

Белов и Шукшин, как истинные патриоты своего народа, настоящие интеллигенты в самом высоком и полном смысле этого понятия, - не исключение. Напротив, - образцы русской духовности!

«Нравственность есть Правда. Не просто правда, а - Правда. Ибо это мужество, честность, это значит - жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду».

И еще более глубокие и точные слова находим у В. Шукшина:

«Только с очень развитым чувством Правды и Справедливости люди живут значительно».

Особое место в творчестве писателей, как и в жизни, занимает тема родины, «малой родины», как назвал В. Шукшин.

«Родная природа, - пишет Белов, - как родная мать, бывает только в единственном числе. Все чудеса и красоты мира не могут заменить какой-нибудь невзрачный пригорок с речной излучиной, где растет береза или верба... Родной дом, а в доме очаг и красный угол были средоточием хозяйственной жизни, центром всего крестьянского мира...

Это она, земля, кормит и поит, одевает и нежит. Голубит в свое время цветами, обвеваает прохладой, осушая с тебя пот усталости. Она же возьмет тебя в себя и обмыет, и успокоит навеки, когда придет крайний твой срок...».

«Родина.., - вторит В. Шукшин. - Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу...

Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание этого вот - есть еще куда отступить, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу...

Родина... И почему же живет в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда... Может, потому, что она и живет постоянно в сердце, и образ ее светлый погаснет со мной вместе...

Трудно понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнет до боли мгновенное горячее чувство, а в памяти - неизменно - полати. Когда буду помирать, если буду в сознании, в последний момент успею подумать о матери, о детях и о родине, которая живет во мне. Дороже у меня ничего нет».

Эти точки соприкосновения двух мыслителей из народа и от народа можно находить до бесконечности...

Мечта Шукшина при жизни вернуться в родное село, «красивее которого» для него не было и «красивее реки, чем Катунь», он тоже не знал, хотя красивых мест, по его мнению, много, вся земля красивая, не состоялась.

Вернулся музеем, Всероссийским праздником в честь дня его рождения, памятником на горе, где собираются тысячи людей, а, самое главное, - памятью людской, признанием и благодарностью за честный разговор с читателем, за Правду, Справедливость и Совесть, носителем чего Василий Шукшин является до сих пор. (Хочется верить, что надолго.)

А вот Василий Белов живет на своей «малой родине» постоянно, хранит родной дом в Тимонихе на Вологодчине, хранит память о традициях своих предков-крестьян, хранит ту же Правду и Совесть...

«Есть в России умные люди!»

Вячеслав ВОЗЧИКОВ,
доктор философских наук

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ - ОРФЕЙ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ...

2012 год - год 80-летия известного русского поэта-шестидесятника Роберта Ивановича Рождественского. Поэт родился 20 июня 1932 года в селе Косиха Алтайского края. Жизненные перипетии уготовили обширную географию его проживания: с. Косиха Алтайского края, п. Шербакуль Омской области, Омск, Москва, Монсфельд, Халегенбайль, Кенигсберг, Каунас, Таганрог, Вена, Петрозаводск, Москва. По крайней мере, пять из перечисленных населенных пунктов могут «претендовать» на звание «родных». Значение творчества Р.И. Рождественского давно перешагнуло российские масштабы: его стихи и поэмы уже более полвека радуют любителей поэзии в различных уголках нашей планеты.

Творчество Р.И. Рождественского - это целая эпоха в истории поэтического движения середины 1950-1980-х годов. Более полувека его имя (наряду с именами Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенского) олицетворяет духовные и общественные перемены в нашем Отечестве - преимущественно хрущевского и горбачевского периодов.

Поэты-шестидесятники, и в их числе - Р.И. Рождественский, изменили характер гражданственности: служение обществу из классового понятия, ограниченного только национальными рамками, стало пониматься как долг перед «первыми», «лучшими» людьми - человечеством «страдающим». Гражданственность становится интернационалистической. Это способствовало интеграции человекес-

ких ценностей, всечеловеческих бед и чаяний, вело к сближению государств и народов.

Сопоставительное прочтение разных поэтических произведений Р.И. Рождественского с текстами других поэтов-шестидесятников позволяет увидеть как их мировоззренческую состыкованность, так и отчетливую индивидуализированность художественного облика его лирики. В творчестве поэта прослеживается «механизм» перехода от общества поэтов-единомышленников к Союзу Автономных Личностей - поэтов-шестидесятников.

Первые сборники стихов Р.И. Рождественского стали преддверием перемен в сфере «эстрадной» лирики второй половины 1950-х - первой половины 1960-х гг. В них определилась творческая манера, поэтический почерк художника. Р.И. Рождественский стал одним из первоходцев поэтического направления «дорожной и полярной романтики» в поэзии середины XX века. Он пишет о правде жизни, неизбежно и остро вступающей в противоборство с любым обманом, с любым приукрашиванием.

Совпадение судьбы Р.И. Рождественского с важнейшими событиями второй половины XX века (смерть Сталина и вынос его в октябре 1961 года из Мавзолея, целина, покорение Арктики, XX съезд КПСС и борьба с культом личности Сталина, полет первого космонавта Ю.А. Гагарина, строительство крупнейших ГЭС и многое другое), участие в важнейших

литературных событиях этого времени, соотносённость с трудами великих литературных мастеров и деятелей русской культуры - явление закономерное, а его - всесоюзная, затем - международная известность - заслуженная, обеспеченная его огромными усилиями.

В поэмах Р.И. Рождественского («Моя любовь», «Письмо в ХХХ век», «Поэма о разных точках зрения») отразились определенные жанровые особенности отечественной поэмы середины ХХ века.

В середине ХХ века и в начале 1960-х годов в отечественной литературе формируется новый взгляд на войну. В центре ряда произведений выдвигается образ ребенка - участника войны. Его облик в середине 1950-х годов определяется, например, в произведениях М.А. Шолохова («Судьба человека»), В.О. Богомолова («Иван»), а также в произведениях Е.А. Евтушенко («Свадьбы», «Армия», «Фронтовик»), Р.И. Рождественского («Концерт», «Базар того года», «Та зима...») и др. Восприятие войны мальчиком-подростком усиливает драматизм ситуаций, с большой силой отражаясь в стихах-воспоминаниях. Мотивы Великой Отечественной войны в раннем поэтическом творчестве становятся для поэта точкой отсчета, основой нравственно-философского осмысления жизни. Стихотворения-баллады, стихи о бессмертии, стихи о радости победы, созданные поэтом, обогатили поэзию своей самобытностью.

Р.И. Рождественским была создана новая жанровая модификация лирико-публицистической поэмы - «Реквием», в котором отображается тема бессмертия героического подвига во имя победы жизни над смертью. Реквием написан о погибших, но посвящен живым, он рассказывает о смерти, но воспекает жизнь. Поэма рождена войной, но всем своим существом устремлена к миру.

«Реквием» - музыкальная книга, оратория, написанная Д.Б. Кабалевским, обессмертившая подвиг погибших воинов. Именно поэтому вечный огонь освещает сотни, а может быть - и - тысячи

памятников неизвестному солдату, на которых выбиты слова из поэмы.

*Вспомним всех поименно,
горем*

*вспомним
своим...*

*Это нужно -
не мертвым!*

*Это надо -
живым!*

Любовная лирика Р.И. Рождественского занимает важное место в его литературном наследии. Интимные стихи поэта возвращали лирической поэзии второй половины 1950-х - первой половины 1960-х годов неподдельную искренность, восстанавливали в правах подлинную глубину лирического чувства, продолжая традиции любовной лирики классической русской поэзии.

Сегодня, когда истинная любовь зачастую подменяется бойфрендизмом-герлфрендизмом, значение интимной лирики Роберта Ивановича Рождественского переоценить невозможно. Его любовная лирика выражает некий эталон взаимоотношений влюбленных, что для Р.И. Рождественского было вполне естественно, можно сказать, повседневным состоянием. Интимная лирика совмещает в себе переливы земных и космических мотивов. Она устремлена, прежде всего, в Небо. Она созвучна, прежде всего, любовной лирике Булата Окуджавы («Ваше Величество Женщина») и Владимира Высоцкого («Баллада о любви» и др.). Поэты-шестидесятники выражали старомодное, учтиво-благородное отношение к женщине, высказанное с максимальной полнотой Робертом Рождественским в известной песне «Благодарю тебя».

Природа для Р.И. Рождественского - источник постоянных размышлений. Особенностью пейзажной лирики является ее философичность и медитативность: поэт находится в постоянных раздумьях о вечных вопросах бытия (о жизни - смерти человечества и мироздания, о месте человека в мире). Подобные размышле-

ния вызвал снег у поэта в стихотворении «Этих снежинок смесь»:

*Этих снежинок
смесь.
Этого снега
прах.
Как запоздалая месь
летнему
буйству
трав.*

*Этих снежинок
явь,
призрачное
крыло.
Белого небытия
Множественное
число.*

В творчестве Р.И. Рождественского природа является предметом лирического размышления, затрагивающего коренные вопросы мировоззрения художника. В пейзажной лирике поэта отразилась эволюция взглядов на природу как объект покорения - к объекту преклонения и эстетического восхищения. Природа у Рождественского выступает прообразом и идеалом художественного творчества. В пейзажной лирике осмысливается соотношение первоначальных стихий и человеческого волнения и раздумья. Пейзажная лирика Р.И. Рождественского расширила образные ряды русской лирики, внося в них новое понимание, представление о красоте и неповторимости русской северной и сибирской природы. Поэт продолжил традиции классической русской поэзии, которые выразились в напряженных поисках ассоциативного поэтического слова, где органически сочетаются зримая предметность и «незримая», ярко представляемая образность.

Р.И. Рождественский является автором нескольких сотен стихотворений (и поэмы «Реквием»), на которые была написана музыка самыми известными и популярными композиторами второй половины

XX века, а сами песни исполнялись и исполняются лучшими певцами России.

Песни на стихи Р.И. Рождественского вот уже более полувека звучат с эстрады, исполняются по радио и ТВ, поются на свадьбах («Свадьба»), исполняются в застольях (например, «Сладка ягода»), на всевозможных фестивалях, в крупнейших концертных залах России и за рубежом, расходятся в тысячах аудио и видеодисках. В январе 2012 года по Первому каналу ТВ прошел вечер памяти Арно Бабаджаняна, в котором прозвучало подавляющее большинство песен на стихи поэта, а 27 января по этому же каналу была показана более чем двухчасовая передача «Достояние республики», полностью посвященная песням на стихи Роберта Ивановича Рождественского.

Песенная поэзия Р.И. Рождественского характеризуется сплавом мелодик устной речи, разговорной интонации и высокой романтической патетики. Прием контрастного изображения, одическая, воспевающая гипербола, как примета песенного стиля поэта, выражают традиции русских народных песен. Обрядовые, лирические и исторические народные песни, русский классический романс, авторская и советская массовая песня - основополагающая часть песенной поэзии Р.И. Рождественского. Песни поэта обогатили мир поэзии новым мироощущением и миропониманием.

В основе стихов Р.И. Рождественского лежит новое миропонимание, качественно отличное и специфическое. Происходит демократизация лексики. Сатирические стихи поэта имеют социальную заостренность тематики, многочисленность образов, сочетание воинствующего оптимизма и трагического восприятия мировых событий. Элементы сатиры и лирики дополняются высокой патетикой, питавшей верой в лучшее. Поэтому в обличительных стихотворениях было явлено качественно новое и своеобразное сочетание лирики, сатиры и героики.

Людмила ЛИХАЦКАЯ,

кандидат искусствоведения,
член Союза художников России

АЛТАЙ В ЛИЦАХ

Такая выставка впервые состоялась в Выставочном зале Алтайской организации Союза художников. За всю историю творческого союза на большой краевой выставке художники показали только портретный жанр. Причем представили широко, во всех станковых видах искусства. Здесь живопись, графика, скульптура и декоративно-прикладное искусство. Разнообразие творческих индивидуальностей профессиональных авторов дополнили художники-любители. Экспозиция насчитывала 250 работ.

Согласно давно сложившейся традиции, жанровые предпочтения алтайских художников связаны с пейзажем, и именно пейзаж определяет региональное своеобразие алтайского искусства. Однако, и портретная выставка достойно представила творчество алтайских художников, показав современный срез культуры в лицах и судьбах. На суд зрителя свое индивидуальное видение современника вынесли 90 авторов. На самом деле сам факт организации этой сугубо портретной выставки не такая уж интрига для наших зрителей. На каждой краевой выставке жанру портрета уделяется достойное внимание, и портретистов у нас много.

Экспозиция - как книга, она должна быть структурирована для более успешного ее прочтения. В портретном творчестве алтайских мастеров сложилась типология и устойчивая тематика портретирования. Так, большое значение для краеведения и регионального имиджа составляет портрет исторический. Объектом данного портрета становятся знаковые имена с точки зрения бренда города и края. Изначально исторический портрет на Алтае имел прикладной характер: в нашем краеведческом музее портреты известных личностей, деятельность которых связана с историей горнорудного Алтая, историей развития края, выполненные по заказу музея. Историческая личность в портрете волнует наших художников, и это одна из тенденций регионального искусства. Данная выставка не обошлась без открытий. Людмила Рублева представила интересный скульптурный портрет Акинфия Демидова, Юрий Кабанов показал ставший уже известным офортный портрет в технике тондо Ивана Ползунова.

Эта портретная выставка приоткрыла не так известную для зрителей страницу «Барнаул купеческий». Аркадий Казанцев создал серию «Портреты алтайских предпринимателей XIX - нач. XX вв.».

Другая тема исторического портрета - личности, значимые в истории культуры края. Привлекает внимание поясное изображение в скульптуре Л. Рублевой «Григорий Гуркин».

Тема, особенно любимая и близкая нашим художникам, - шукшинская. Об этом можно судить не только по тематическим, но и по краевым выставкам. В данной экспозиции несколько авторов посвятили этой теме свои работы.

Это скульптура Л. Рублевой «Ждущая. М.С. Шукшина»; живописные работы Л. Цесюлевича «Беседы при ясном солнце. В.М. Шукшин», А. Емельянова «Калина красная» и «В.М. Шукшин», И. Мамонтова «Мать. Портрет Марии Сергеевны Шукшиной, матери В.М. Шукшина», Е. Демкиной «Шукшину посвящается». Все новые имена появляются в художественных экспозициях: В. Шишков (автор А. Емельянов), Н. Рубцов (автор Б. Лупачев).

В работах наших авторов тема творчества занимает огромное место, особенно в портретном жанре, поэтому не случаен здесь и портрет Н. Гоголя (ксилография Б. Лупачева), и портрет Н. Паганини (автор Е. Павлов).

Наши современники и земляки - творческие люди - по праву становятся объектами портретирования. Художник-график Г. Бурков создал большую галерею портретов этой тематики. На выставке в уникальной технике акварели его работа «Шуляк Петр Евсеевич». А. Щетинин представил на выставку живописное полотно «На одной земле. Портрет народного артиста России Паротикова Дементия Гавриловича».

На выставке много работ в память об ушедших художниках: Б. Лупачев. «Вспоминая графика Александра Дерявского», В. Кикоть. «Не до... Памяти художника А. Ботева», Ю. Кикоть. «Памяти художника Людмилы Кульгачевой» и «Памяти художника В.Ф. Добровольского». Художники остаются в памяти современников своими творениями, в которых присутствует их свет, их цвет, их вдохновение.

Наверное, особую сложность и ответственность заключает в себе задача изображения собрата по ремеслу (Н. Острицов. «Мир Бориса Щербакова», Т. Ашкинази. «Из серии «Рисующие на камне», В. Тимуш. «Старший преподаватель Евгения Октябрь. Из серии «Кафедра», А. Потапов. «Ракитин», Ю. Кикоть. «Портрет Альфреда Фризен», С. Дедов. «Художник Терещенко» и др.).

Наибольшим откровением для зрителя является, безусловно, автопортрет. Автопортрет - это размышление, наблюдение, обобщение, психологическое исследование, самореализация. На выставке много автопортретов. Автопортрет - это рефлексия, вдумчивое, и совсем не поверхностное отношение к жизни. Портрет нужен для самопознания - в «век скоростей» это, несомненно, важно.

Выставка - как яркая палитра жизни, высвеченная через образ человека. Это портреты детей, мам, друзей, наших ветеранов и просто знакомых. Это люди, каких мы встречаем на улице, на работе... Много заказных портретов. Здесь обилие тем, как в жизни, но здесь и отбор важного, актуального для сегодняшнего зрителя. Так, в творчестве многих авторов показаны детские портреты (Г. Бельшев, М. Будкеев, Г. Бурков, А. Емельянов, Е. Олейников, Ю. Прокудин, С. Прохоров, К. Паршина, С. Иваненко и др.). Портреты мам - особая часть выставки. В них, как в автопортретах, много личного. Это работы И. Щетининой, А. Гнилицкого.

Не утратил своего значения портретный этюд. По количеству работ - это, пожалуй, самая большая часть выставки (М. Будкеев, Г. Бельшев, С. Дедов, П. Широ, Н. Ямковая и др.). В этом типе портрета (присутствует, в основном, женский портрет) формальная красота, культура владения техникой, но есть и сущностное. Задача художника в этюде - поймать характер.

Наши ветераны, наша память о войне, - это особая тема, рассказывающая о нашем отечестве. На этой выставке портреты ветеранов, выполненные участниками Великой Отечественной войны М. Будкеевым, В. Шкилем.

Каждая выставка приносит что-то неожиданное, и не может быть иначе, потому что время идет, и что-то обязательно меняется. Появляются новые

имена, новые темы. Интересна и необычна история создания Ю. Ивановым портрета с названием «Алексей Петрович Кульгачев». На портрете изображен дед известного скульптора Михаила Кульгачева, генерал от кавалерии казачьего донского войска.

О выставке можно рассказать много, каждая работа достойна описания. Но то, что безусловно новое на каждой выставке - это открытые зрителем, дотоле неизвестные имена. Молодые художники придают общей концепции выставки остроту нетрадиционностью приемов и взглядов. Работы молодых (И. Дмитриева, Ю. Казаниной, Н. Ямковой, Д. Плохих и др.) хорошо дополняют экспозицию, в которой присутствуют работы известных мастеров-портретистов, таких как М. Будкеев, И. Хайрулинов, Л. Цесюлевич, В. Прохода, В. Терещенко и др.

Выставка продемонстрировала наличие традиций и новаций, что характеризует оптимальное развитие творческого процесса. Как известно, приверженность традиции вне новаций - это эпигонство. В искусстве эпигонство проявляется в механическом заимствовании и воспроизведении актуальных в прошлом сюжетов, конфликтов, формальных технических приемов, выхолащивании революционной прогрессивной сущности творчества предшественников. Новации же, если они вне связи с традицией, свидетельствуют о разрушении той художественно-эстетической меры, на которой зиждется культура как органическое целое. Традиция всегда дает новаторству точку отсчета, обеспечивая преемственность в искусстве и возможность вступления в плодотворный диалог с социумом и индивидуальностью. При этом наличие новаторства оправдывает существование традиции.

В МИРЕ ИНТЕРЕСНОГО

◆ МОДЕРНИЗАЦИЯ

20 января 1942 года Московский завод Ильича награжден орденом Ленина. 24 ноября того же года на знамени завода появился второй орден - Трудового Красного Знамени.

Две высокие награды в грозном сорок втором!

Ильичевцы во время войны выпускали бронейные артиллерийские снаряды, знаменитые «катюши» - реактивные снаряды дальнего действия. С появлением на фронте нового немецкого танка «Тигр» и самоходки «Пантера», утяжеленных «непробиваемой» броней до 120 миллиметров поставило в трудное положение советских артиллеристов. Конструкторы завода в рекордный срок разработали подкалиберный снаряд, который колот свехброню, как скорлупу грецкого ореха.

Вот это модернизация без остановки производства!

◆ О ГЕРОЯХ

Немецкий писатель Бертольд Брехт писал: «Несчастлива страна не имеющая героев». Поверим ему. И тут же скажем: это не про нас, хотя нам сегодня внушают мысль о ленинстве Руси и русских. А между тем, только в дружине князя Александра, громившего в устье Невы шведских рыцарей, восхищенный современник тех событий оставил нам пять имен: первый, написал он, Гаврило по прозвищу Алексич, второй новгородец Збыслав Якунович, топором рубивший непреступные латы, как хворост. Третьим он назвал полочанина Якова, а четвертым был новгородец Миша, тот, кто проник на корабли пришельцев и три из них сжег. Замыкает пятерку юный Савва. Это ему удалось пробиться к шатру шведов и подрубить шатерный столб, уронить его и тем известить русских о победе.

Списком русских героев можно трижды опоясать земной шар по экватору, ибо нет в русской истории двух-трех лет покоя. Государи литовские, шведские, польские, турецкие, немецкие, французские, - вон их сколько вокруг и у каждого в голове свой таракан. Больно разрозненными казались им русичи, а их земли манили оторвать от Руси привольной лакомый кусок пожирней. Весной русичи сеяли хлебешко, осенью защищали его, являя бесстрашие, наплевав на боль ран, на кровь горячую, что истекала из пронзенного сердца, и оставались самими собой.

◆ КАМЕННАЯ РЫБА

Она водится близ побережья Тихого океана. 20-38 см длиной она ложится на дно мелей, где бывают люди, затихает, делается похожей на пучок водорослей или грудку камней. Внешне безобразная: в бородавках, шипах, она могла бы своим видом усмирить неугомонных шалунов.

Питаясь мелкими рыбками, это чудище носит с собой опасный яд. Он расположен в тринадцати спинных шипах и опасен для жизни человека.

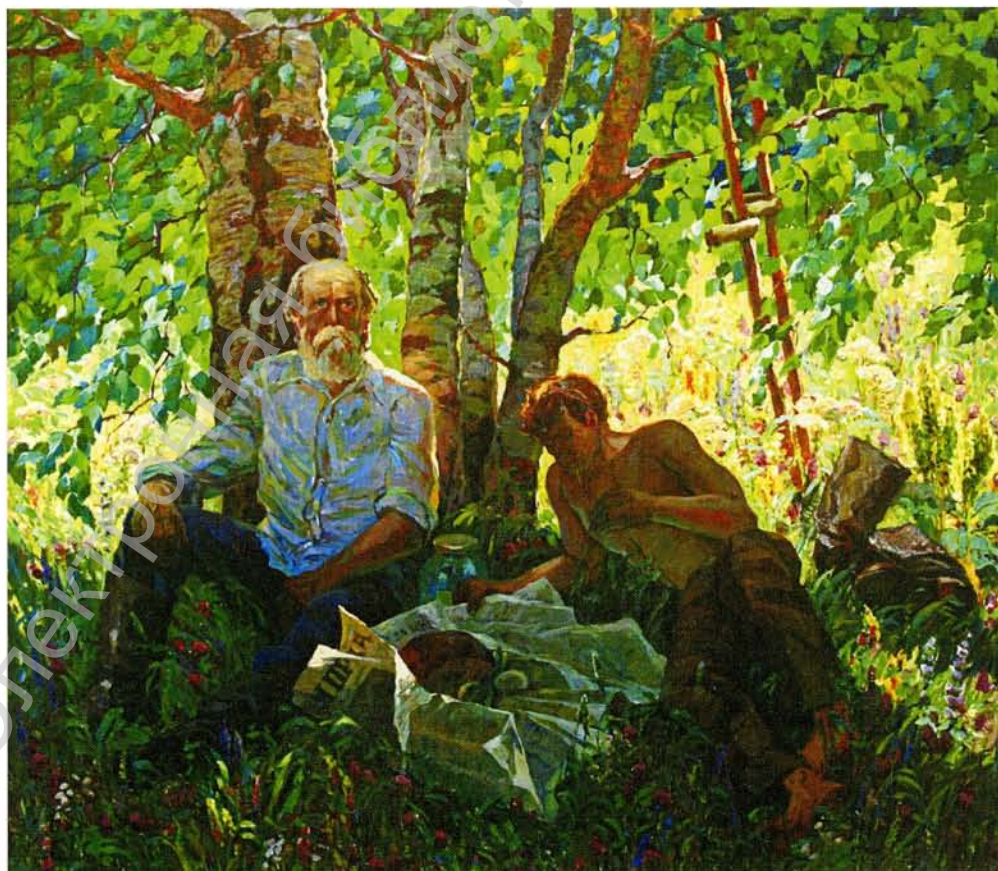

Художник И. Мамонтов

Флора

Художник В. Марченко

Сыновья земли

